
ОГОНЁК
№ 4 ЯНВАРЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В ДОБРЫЙ ЧАС, НИНА!

Народ вступил в семилетку, и первой на новый рубеж вышла наша славная рабочая и колхозная гвардия. Она отличилась в минувших пятилетках, но и сейчас, в наступившем семилетии, эти зрелые, богатые опытом, смелые люди будут запевалами, вожаками, а труд их и творчество станут славным примером для миллионов.

Рядом с гвардией поднимается и растет на славу своей страны чудесная молодежь. В рядах бойцов семилетки рука об руку, локоть к локтю с закаленными в трудовых битвах гвардейцами шагают юноши и девушки, еще не заслужившие всенародной славы, но обладающие всем, чтобы стать вровень со своими старшими братьями и сестрами: светлой душой и горячим сердцем, знаниями и смелостью.

Вот одна из них, молодых бойцов семилетки, — кубанская девушка Нина Бунякова. Кратка биография телятницы колхоза имени Мичурина, Тихорецкого района, Краснодарского края. Десятилетку Нина окончила в своем родном Тихорецком районе и тотчас пошла в колхозную бригаду. А сейчас поступает она в заочный сельскохозяйственный институт.

Нина выступила на слете колхозных и совхозных бригад коммунистического труда и рассказала, как колхозники строят ферму.

— Мы решили, — сказала она, — с первых дней работы на новой ферме трудиться по-коммунистически. Есть у нас беспокойные комсомольские сердца, горячая вера в то, что мы сами, своими руками построим свое большое, всенародное счастье!..

В добрый час, Нина! Больших удач тебе в начавшейся семилетке!

Нина БУНЯКОВА. Фото В. Кокалова.

На первой странице обложки: Передовые рационализаторы ленинградского Кировского завода, члены творческой бригады, возглавляемой кандидатом в члены ЦК КПСС, токарем-наладчиком, Героем Социалистического Труда В. Я. Карасевым. **Слева направо:** механик Н. М. Назаренко, конструктор А. Н. Митрофанов, старший мастер А. С. Штукатуров, В. Я. Карасев, механик Н. В. Романов, старший мастер П. В. Быков. Эти люди в подарок XXI съезду родной Коммунистической партии изготовили новую высокопроизводительную фрезу и патрон к фрезерному станку. Наши корреспонденты застали их за испытанием нового изобретения.

Фото И. Тункеля и Б. Уткина.

На последней странице обложки: ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО! Фото Л. Данилова.

ИЗБРАННИКИ ПАРТИИ— ЛУЧШИЕ СЫНЫ НАРОДА!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 4 (1649)

18 ЯНВАРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Герой Советского Союза профессор Н. И. Сыромятников.

Почин коммуниста - ученого

На трибуну первого областного слета бригад коммунистического труда в Свердловске поднялся невысокий седоватый человек с «Золотой Звездой» на лацкане пиджака. Он начал свою речь — и зал затих. Профессор Уральского политехнического института доктор технических наук Н. И. Сыромятников рассказывал о творческой дружбе ученых с передовыми рабочими, о новых задачах в освоении техники и повышении культурного уровня. Особенно горячо слова оратора встретила молодежь. Ей хорошо известен жизненный путь профессора-коммуниста Н. И. Сыромятникова.

Двадцать с лишним лет назад комсомолец, слесарь одного из ивановских заводов, он окончил вечерний энергетический техникум. Война... На Днепровском плацдарме батарея старшего лейтенанта Сыромятникова отражала в сутки по 15 атак гитлеровцев. И вот высокая награда — звание Героя Советского Союза.

Мирные дни... Снова учеба. Защита сначала кандидатской, а затем и докторской диссертаций, научная и преподавательская работа.

Вскоре после слета бригад коммунистического труда мы вновь встретились с Н. И. Сыромятниковым на Свердловской областной партийной конференции. Ученый был очень взволнован: ему оказали большую честь и доверие — избрали делегатом на внеочередной XXI съезд КПСС.

Н. И. Сыромятников с увлечением рассказывал нам о занятиях первой в городе школы коммунистического труда, возникшей недавно на Уралмаше, о том, что в программу ее включены не только специальные технические предметы, но и лекции по искусству...

Дело ширится, почин ученого-коммуниста подхвачен многими научными работниками уральских втузов.

А. ГРИГОРЬЕВ

РАБОЧАЯ СЛАВА

Весть эта быстро разнеслась по заводу «Арсенал»: на Киевской областной партконференции делегатом XXI съезда КПСС избран токарь-новатор Григорий Яковлевич Царик.

...Нам показывают чертежи, эскизы, множество фотографий:

— Смотрите! Научно-техническим обществом издается иллюстрированная брошюра, в ней будет рассказано о методах Царика.

Уже добрый десяток лет продукция, которую выпускает токарь Царик, обходится без контроля мастеров ОТК: она всегда отличного качества. А станок Григория Яковлевича вот уже четырнадцатый год работает без ремонта.

Доброе имя заслужил рабочий-новатор и как депутат Верховного Совета Украины. Передовой труженик, государственный и общественный деятель, он будет достойно представлять коммунистов Киевщины на XXI партийном съезде.

В. ШУМОВ

Григорий Яковлевич Царик — токарь завода «Арсенал».

БЫТЬ ВПЕРЕДИ!

Накануне Нового года, когда торжественно праздновалось сорокалетие БССР и Коммунистической партии Белоруссии, Дмитрий Иванович Барашкин — сталевар Минского автозавода—дал обязательство: на 20 процентов увеличить выплавку стали в первом году семилетки, каждый месяц экономить не менее 20 тысяч киловатт-часов электроэнергии.

Крепко держит коммунист Дмитрий Барашкин свое рабочее слово. С первых же дней нового года его печь дает за каждую плавку 7—8 тонн стали вместо 5 по плану. Благодаря реконструкции печи, проведенной по предложению Барашкина, заметно снизился расход электроэнергии.

Коммунисты столичной области Белоруссии избрали Дмитрия Ивановича Барашкина делегатом на XXI съезд КПСС.

А. ДИТЛОВ

Дмитрий Иванович Барашкин — сталевар Минского автозавода.

ВСТРЕЧИ С САДДИХОН ПУЛАТОВОЙ

Вдоль длинного ряда ткацких станков не спеша шла худенькая девушка. Иногда она приостанавливалась, неуловимо быстрыми и точными движениями пальцев связывала оборвавшуюся нить.

Саддихон Пулатова на Ташкентский текстильный комбинат пришла девочкой в годы войны, стала ткачихой, вступила в комсомол.

Прошло несколько лет. Мы увидели Пулатову на одном из собраний, посвященных выборам в Верховный Совет Узбекистана. Подруги по цеху задушевно говорили о ней — своем будущем депутате.

А сегодня мы застали коммунистку Саддихон Пулатову, делегата XXI съезда КПСС, дома за книгами: продолжая трудиться на фабрике, она стала студенткой техникума.

Н. СОЛОВЬЕВА

Саддихон Пулатова — ткачиха Ташкентского текстильного комбината.

ВРЕМЯ—ДРУГ

С. ГАРБУЗОВ

Бывает так, что случай, казалось бы, незначительный, слово, услышанное невзначай, спустя много времени, в иной обстановке вдруг приобретают и смысл и значение...

Вскоре после войны в одном из кинотеатров Вены показывали американский фильм с интригующим названием «Что случилось завтра». Герою фильма, репортеру провинциальной «Ньюс», добрый волшебник передал завтрашний номер газеты. «Черт подери, с этим можно сделать отличный бизнес! — обрадовался репортер. — Можно заранее явиться на место будущего происшествия и первым передать в газету сногсшибательное известие или выиграть кучу денег на скачках, ставя на ту лошадь, которая обязательно придет первой...» На большее его фантазии не хватило. Но даже этим жалким мечтам не суждено было осуществиться. Каждая попытка героя фильма обогнать время, заглянуть в будущее кончалась неудачей. Лишь чудом спасся он от неминуемой гибели.

Увлекательный сюжет, хорошо придуманные трюки, умелая игра артистов — все было подчинено одной идее, одной мысли. Ее довольно точно выразил американский сержант, с которым я столкнулся у выхода из театра:

— Look on the ground, don't look at the sun. You may become blind.

В переводе на русский язык это звучало примерно так:

— Смотри под ноги и не заглядывайся на солнце: ослепнешь!..

Казалось, время стерло из памяти и этот фильм и случайно услышанную фразу. Нет, она вспомнилась мне отчетливо, четко, будто только что произнесенная, в незабываемое январское утро на Красной площади среди студентов, ожидавших восхода солнца.

Их всех подняли с постелей и привели к священным стенам Кремля сигналы советской космической ракеты, уносившейся в просторы Вселенной. Юноши и девушки стояли тесным строем, плечом к плечу. Все взоры устремлены вверх, в небесную синеву. Вот посветлела она. Золотые искорки брызнули на шпили кремлевских башен. Скользнули вниз первые лучи, озарив вдохновенные молодые лица. Но никто не опустил головы, не сомкнул ресниц. Все глядят на солнце, куда устремился наш посланец — материализованный сгусток всенародной воли, мысли, труда. Мы знаем, где он будет через час, через день, через неделю. Пространство и время в наших руках. Для нас открыты тайны завтрашнего дня, и мы смотрим на солнце, не боясь ослепнуть!

Есть нечто глубоко символическое в том, что одной из первых приняла сигналы нашей космической ракеты радиостанция крейсера «Аврора». Ведь именно с той ночи, когда после исторического выстрела с «Авроры» трудовой народ России сказал:

Которые тут временные?
Слазь!
Кончилось ваше время! —

ведем мы новый счет годам и по-новому относимся к времени.

«Мы... добьемся того, чтобы нагнать другие государства с такой быстротой, о которой они и не мечтали... В такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся».

Так говорил Ленин.

Весной 1921 года Владимир Ильич готовился к выступлению на съезде профсоюзов. Сохранился план речи, которую собирался произнести Ильич.

«Переходный экзамен с 3 на 4 курс» — так назвал Ленин переход от гражданской войны к мирному строительству.

Что же это за «курсы»? Вот их схема:

1-й курс: 1886—1903.
2-й курс: 1903—1917.
3-й курс: 1917—1921.
4-й курс: 1921—? (1931).

Ниже Владимир Ильич излагает условия, при которых мы выдержим «переходный экзамен»: «Дисциплина трудовая, повышение производительности труда, организация труда, увеличение количества продуктов, беспощадная борьба с разгильдяйством и бюрократизмом».

Двумя словами заканчивает он план выступления:

«Сим победиши».

Ленин предвидел, что к 1931 году наша революция завершит «четвертый курс». И он не ошибся, срок указан абсолютно точно.

Мы теперь знаем, чем был для советской страны 1931 год — «третий решающий» год первой пятилетки.

...Льет холодный дождь. Крупные капли пулеметными очередями бьют по набухшему брезенту. Ветер гуляет под сводами палатки, раскачивая «летучую мышь». Полосы света вырывают из полумрака то одно, то другое юное лицо, взволнованное, разгоряченное спором.

О чем же спорят в этот неуютный, тоскливый вечер юноши и девушки, сгрудившиеся у некрашеного стола в холодной палатке? О том, каким будет тот социалистический город, что встанет рядом с домнами и мартенами Кузнецка.

Каменщик Юра Гусаров чертит прямо на газетном листе. Одна из линий пересекает взятый в кавычки заголовок телеграммы из-за рубежа — «Советское чудо».

— Здесь парк. А школу ближе к домам. Вот в этом квартале.

— Нет, школу в центре парка. А возле домов — детский сад. Зачем малышей далеко водить?

— Столовую в каждом квартале. И не нужно кухонь,— не пустим старый быт в новые дома.

— Ну, это ты загнул! — Гриша Мацко, рассудительный белорус, берет из рук Гусарова карандаш.— Вот здесь можно кухоньку, пусть небольшую. В хозяйстве обязательно нужно...

Потом он смотрит на часы и тщательно застегивает телогрейку. За ним поднимаются товарищи. В ночь, в дождь, в темноту уходит бригада класть очередную мартеновскую печь. К утру на доске соревнования появится новая цифра: бригада Гусарова еще раз побила собственный рекорд, еще раз обогнала время. Чтобы выросли социалистические города, чтобы осуществились их мечты, и не когда-нибудь, а обязательно завтра, нужны мартены, нужна сталь. И не завтра, а сегодня!..

Вот диаграмма, над которой можно размышлять часами. Она озаглавлена прозаически просто: «Темпы роста производства стали в СССР и США (в процентах к 1913 г.)». Как известно, производство стали — отличный барометр, безошибочно определяющий экономическую погоду. А так как экономика — основа жизни и человека и общества, то по производству стали можно определить, как живет общество, развивается ли оно, движется вперед или хиреет, топчется на месте.

Так вот, вглядитесь в изгиб кривых на нашей диаграмме. 1921 год. Дышат холодом мертвые мартены. Производство стали в стране свелось чуть ли не к нулю. А у американцев оно уже выходит из послевоенного кризиса и приближается к уровню 1913 года. Начало тридцатых годов. Вспомните ленинский наказ, завершение «четвертого курса» революции. Наша кривая пересекает американскую и начинает все увереннней стремиться вверх. Вторая пятилетка, третья... У американцев выплавляется в полтора раза больше стали, чем до войны, у нас — в два раза; у них — в два раза, у нас — в четыре. С победой завершив Великую Отечественную войну, мы в короткие два года смогли залечить нанесенные народному хозяйству раны и смело рванулись вверх. Да как рванулись! Пятьсот, семьсот, девятьсот, тысячу сто процентов. В одиннадцать, в двенадцать раз больше стали, чем при царе и капиталистах! А американская кривая осталась зажатой где-то между двумястами и тремястами процентами да скачет все время. Вверх-вниз, вверх-вниз, словно температура у больного.

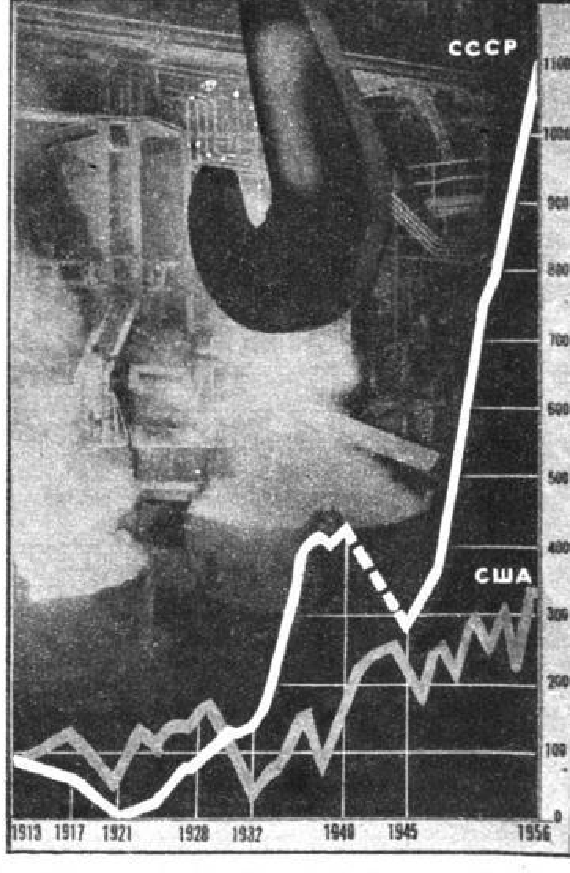
Мы можем подставить вместо стали любой другой экономический показатель,— общая тенденция, линия развития будет та же. Подсчитано, что за сорок лет — с 1918 по 1957 — среднегодовой темп прироста промышленной продукции составлял у нас 10 процентов, в США — 3,2 процента, в Англии — 1,9 и во Франции — 3 процента. Еще более разительные цифры мы получим, если, производя такой подсчет, исключим те годы, когда с оружием в руках вынуждены были защищать свое право жить по-новому, а потом восстанавливать разрушенное войной. За мирные годы мы в среднем увеличивали ежегодно производство промышленной продукции на 16,2 процента, а США за эти же годы — на 2,9.

— Не волнуйтесь,— успокаивали своих клиентов буржуазные авторы экономических прогнозов.— Советы стремительно набирают темп потому, что по общей массе промышленной продукции они еще не могут с нами сравняться. Скоро и они подпадут под закон «затухающей кривой».

Что же, возьмем самые последние годы, когда даже в США перестали болтать об экономической «немощи» Советского Союза. С 1953 по 1957 год продукция американской промышленности увеличилась на 7, а нашей, социалистической, на 55 процентов. В восемь раз быстрей. Вот вам и «затухание» темпов!

До недавнего времени у духовных слуг американской буржуазии был еще один аргумент: конечно, по темпам они нас превосходят, но по абсолютной величине ежегодного прироста промышленной продукции мы все еще впереди. В прошлом и в нынешнем году мы лишили их и этих успокоительных капель. Теперь и по своему абсолютному значению — весу, массе — прирост ряда основных видов промышленной продукции у нас больше, чем в США. Еще ближе час нашей окончательной победы!

Эта мысль станет, пожалуй, нагляднее, если мы вспомним, сколько «весил» один советский

ТЕМПЫ РОСТА ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ В СССР И США
(в процентах к 1913 г.)

процент, скажем, в 1928 году и сколько он весит сейчас. В первом году первой пятилетки один процент прироста промышленной продукции давал лишних полмиллиарда рублей, в 1959 году он даст около 11 миллиардов, а к концу семилетки он будет стоить примерно 19 миллиардов. Иными словами, сегодня наш шаг в двадцать раз шире, чем в 1928 году, а к концу семилетки станет шире в сорок раз!

Мы боремся за время, обгоняем его не из-за престижа. Фактор времени имеет глубоко практическое, глубоко жизненное значение как для судеб всей нашей страны, так и для каждой трудовой семьи. Ведь чем раньше мы сравняемся, а потом и обгоним по уровню продукции на душу населения самые мощные капиталистические страны мира, тем быстрей мы обеспечим нашим людям самый высокий в мире жизненный уровень, самую хорошую, культурную жизнь.

Вот почему Коммунистическая партия, заботясь о благе народа, поставила в центре задач нового семилетнего плана выигрыш времени в историческом соревновании социализма с капитализмом. Как это можно сделать? Добиваясь наибольших результатов в наиболее короткие сроки, ценой наименьших затрат средств, материалов, человеческого труда.

Классическим образцом выигрыша времени является вся эпопея освоения целины. Она у нас в памяти. В памяти шумные проводы на московских, киевских, ленинградских, минских вокзалах. Костры в степи. И первый колышек с гордой надписью: «Здесь будет построен совхоз Целинный».

Теперь целинного зерна у нас целые горы. Прибавка в сотни миллионов пудов к ежегодному хлебному балансу — вот что такое целина! Вот что значит уметь выигрывать время!

Новый, семилетний план, представленный на утверждение XXI съезда партии, весь пронизан стремлением выиграть время. Посмотрите, как решается в плане задача увеличения производства электрической энергии: упор на строительство тепловых электростанций. Почему? Да потому, что тепловая электростанция строится в несколько раз быстрей и стоит намного дешевле, чем гидростанция такой же мощности. И хотя стоимость энергии будет здесь несколько выше, расходы покроются с лихвой за счет быстрого ввода в строй новых энергетических объектов.

Или взять соотношение различных видов топлива в общенародной «топке». Мы хотим за это семилетие во много раз увеличить добычу природного газа. И потому, что он будет стоить нам в двенадцать раз дешевле угля, и потому, что добыть, доставить его потребителю можно во много раз быстрей, чем такое же по своей теплотворности количество угля.

В каждом разделе семилетнего плана вы найдете заботу о выигрыше времени. А что получается в результате?

В своей речи товарищ Н. С. Хрущев на приеме выпускников военных академий говорил: «В 1965 году наша страна по абсолютному производству некоторых главнейших видов продукции превзойдет, а по другим приблизится к современному уровню промышленного производства в Соединенных Штатах Америки. К этому времени производство большинства важнейших продуктов сельского хозяйства в целом и на душу населения превысит современный уровень США.

Превосходство Советского Союза в темпах роста производства создаст реальную основу для того, чтобы в течение примерно пяти лет после 1965 года догнать и превысить уровень производства Соединенных Штатов Америки на душу населения. Таким образом, к этому времени, а может быть, и несколько раньше, Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения, что обеспечит самый высокий в мире жизненный уровень населения».

Эти расчеты точны, продуманны, их реальность не вызывает сомнения даже у лютых врагов социализма. «Мы чувствуем,— признается редактор «Нью-Йорк таймс» Тэрнер Кэтледж,— если говорить в экономическом плане, дыхание Советского Союза на своих затылках. Их отделяют от нас всего лишь два прыжка...» А вспомните: на сто лет отставали мы в 1917 году! Оставим на совести струхнувшего редактора зоологическую терминологию. Но то, что через два перехода мы вырвемся вперед, утвердив историческую правоту нового строя жизни,— в этом Тэрнер Кэтледж прав. И тут мы ничем его успокоить не можем, ибо время работает на нас, на коммунизм!

В таком утверждении нет ни капли фатализма или размагничивающей самоуспокоенности. Время работает на нас лишь потому и постольку, поскольку мы работаем на время, своим трудом, своим творчеством приближая день грядущий.

...В то утро, когда все радиостанции мира настроились на волны советской космической ракеты, в бригаде Виктора Ивановича Дюжева, первой на «Серпе и молоте» бригаде коммунистического труда, вышел боевой листок. «Равнение на ракету!» — крупными буквами вывел заголовок комсомольский групорг Юра Чеков. А после смены, как обычно, собрались в красном уголке на «пятиминутку». Виктор Иванович привычно хмурит брови: уж такой он человек, всегда видит не то, что сделано, а что можно было сделать. Но сегодня и у него не получается строгого выражения лица.

— По ракете хотим равняться, а задание только на три процента перевыполнили. Какое же это равнение? Вон она, Луну обошла — и к Солнцу!.. Это же на сколько процентов перевыполнение плана? Догонять надо!..

ПОЭМА О ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЯХ

Демостене БОТЕЗ, румынский поэт

Я внимательно прочел контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Мне никогда еще не приходилось читать о таких величественных и грандиозных планах. Мне представилось космическое пространство, ибо только астрономы оперируют такими огромными цифрами: 500—520 миллиардов киловатт-часов электроэнергии, 10—11 миллиардов пудов зерна в год!

Какой богатый материал для поэтического воображения!

Советский Союз давно научил меня воспринимать огромные масштабы и соприкасаться с величинами, для которых мой ум не имел единиц измерения.

Все, что происходит в Советском Союзе, выходит за границы нашего воображения, привыкшего к другим представлениям. Ведь даже то, что считалось раньше утопией, теперь оказалось, по существу, очень скромным.

Из ворот тракторного завода имени Э. Тельмана в городе Сталине выходят ежедневно новые тракторы для сельского хозяйства Румынии.

Фото С. Штейнера.

Я родился, вырос и жил в небольшой стране, и представление о мире формировалось во мне в соответствии с ее размерами.

Объединение страны, ее национальное и социальное освобождение расковало наше воображение, придало смелость нашим помыслам. Но только контакт с Советским Союзом, только широкое знакомство с его достижениями показали нам, на что способен человек.

Новый, семилетний план развития народного хозяйства СССР, покоряющий грандиозностью цифр, их смелостью, еще больше укрепил нас в сознании огромной силы мировой системы социализма. У нас появилось больше уверенности в себе, мы стали смелее и в наших собственных планах.

Эту уверенность чувствует каждый гражданин моей страны, она находит отражение в повседневном труде каждого из нас. Мы верим в завтрашний день, мы верим, что Советский Союз отстоит мир и установит справедливость в отношениях между народами.

ПУТЬ К КОММУНИЗМУ

По обе стороны могучего Урала
Пришли в движенье два материка.
Грядущее народа начертала
Страна Советов, видя сквозь века.

Пришли в движенье сотни миллионов.
И, покорясь рукам богатырей,
Меняют реки путь свой неуклонный
От Каспия до северных морей.

Я чувствую твой пафос вдохновенный,
Земля титанов, мудрая страна,
Берущая масштабы у Вселенной,
Чтоб ими мерить плавку чугуна.

Чтоб встали горы из угля и стали —
Потребны горы воли и труда.
Тогда б соперничать с самим светилом стали
Энергией и ветер и вода.

Вселяет душу в мертвое железо
Умелых рук, больших сердец порыв,
Огнями темень тундры перерезав
И карту новую Сибири подарив.

Я вижу: через горные отроги
Электропровода ушли в туман,
И вдаль текут железные дороги,
Чтоб обогнать в пути меридиан.

Хлеба повсюду поднялись на славу,
Отняв у солнца золотой накал,
Чтоб сжечь на пустошах тоскующие травы
И высечь хлеб из камня мертвых скал.

Где раньше, безымянны, молчаливы,
Тянули люди плуг по кромке нив,
Теперь они прошли шумящей нивой,
Ее дары по-братски разделив.

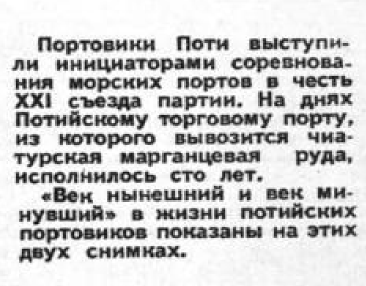
Тут не нужны провидцы и пророки:
Грядущее не вымысел, не сон.
Народ советский сам разметил сроки,
И планы эти сам заверил он.

Перевод с румынского Галины ШЕРГОВОЙ.

Так работали прежде грузчики. Скульптура в Потийском музее.

Портовики Поти выступили инициаторами соревнования морских портов в честь XXI съезда партии. На днях Потийскому торговому порту, из которого вывозится чиатурская марганцевая руда, исполнилось сто лет.

«Век нынешний и век минувший» в жизни потийских портовиков показаны на этих двух снимках.

←

Рудовоз под погрузкой в Поти.

Фото В. Джейранова.

Опытный образец нового тепловоза «ТЭ50» мощностью 3 тысячи лошадиных сил создан коллективом Коломенского тепловозостроительного завода имени В. В. Куйбышева в подарок XXI съезду КПСС.

Фото Ф. Короткевича.

Соревнуясь в честь XXI съезда КПСС, таллинская сетевязальная фабрика «Пююнис» изо дня в день перевыполняет план.

На снимке: одна из лучших работниц цеха оснастки, Валве Ливвас-Лепа.

Фото С. Розенфельда.

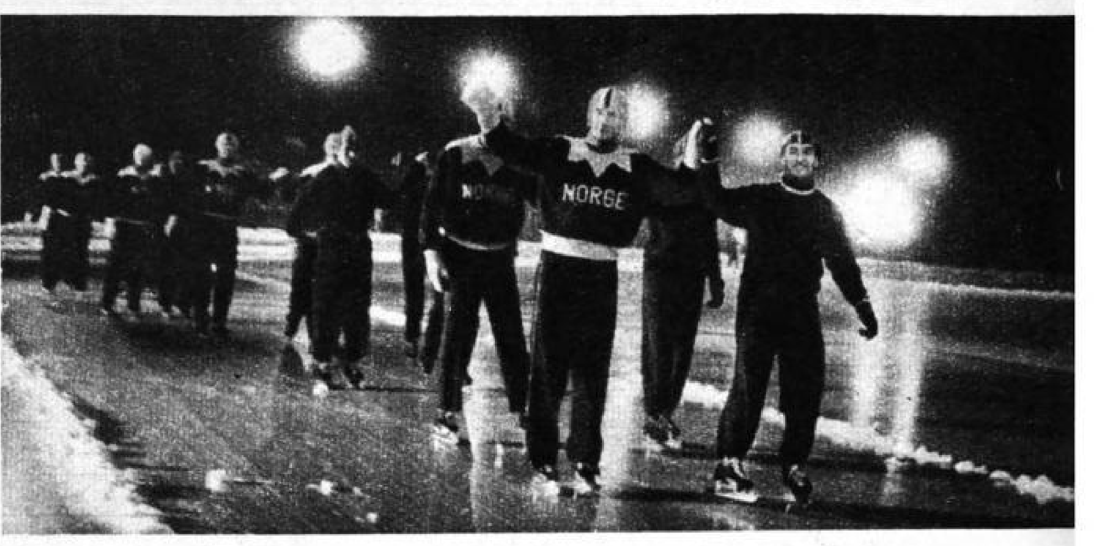
←

Находящийся в Соединенных Штатах Америки Первый Заместитель Председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян посетил в одном из пригородов Вашингтона недавно открытый там крупнейший магазин самообслуживания.

Фото Ассошиэйтед пресс.

СОСТЯЗАНИЕ СИЛЬНЕЙШИХ СКОРОХОДОВ

Парад участников матча по скоростному бегу на коньках.

Геннадий Воронин — победитель соревнования на короткие дистанции.

Фото А. Бочинина.

Конькобежный сезон надвигался в Москву с востока. Сначала наши скороходы пробовали свои силы на льду иркутских катков, затем в Челябинске и Горьком.

И вот наконец и москвичи увидели это красивое зрелище быстрого скольжения по льду. На этот раз советские скороходы встретились со спортсменами Норвегии, так сказать, на «уровне столиц»: Москва — Осло.

Но если внимательно присмотреться к участникам соревнования, посмотреть на единоборство О. Гончаренко и К. Юханнесена, В. Шилыковского и Т. Сейерстена, Е. Гришина и А. Эстванга, то ясным станет, что мы видели борьбу сильнейших скороходов мира.

И хотя московский лед не дал возможности показать высокие результаты, все же это была важная «прикидка» перед первенством Европы, которое будет разыграно в конце этого месяца в Гетеборге на стадионе «Нью Уллеви». Примечательно, что обе короткие дистанции выиграл молодой Геннадий Воронин, а обе длинные — на 5 тысяч и 10 тысяч метров — выиграл Т. Сейерстен.

Не смог выступить в полную силу Олег Гончаренко, у которого недавно была травмирована нога. Он проиграл многоборье К. Юханнесену. Тем больший интерес приобретает их встреча в Гетеборге на катке с искусственным льдом.

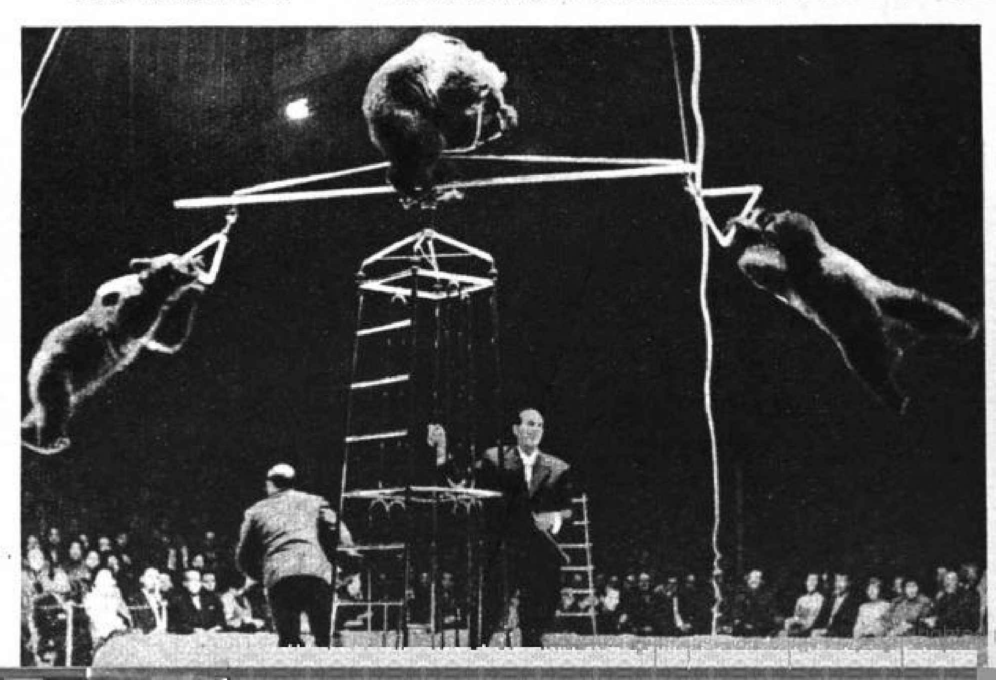
В командном зачете победили московские скороходы.

→

С большим успехом проходят гастроли советских цирковых артистов в Федеративной Республике Германии.

На снимке: выступление в Штутгарте народного артиста РСФСР Валентина Филатова с дрессированными медведями.

Фото агентства Кейстон.

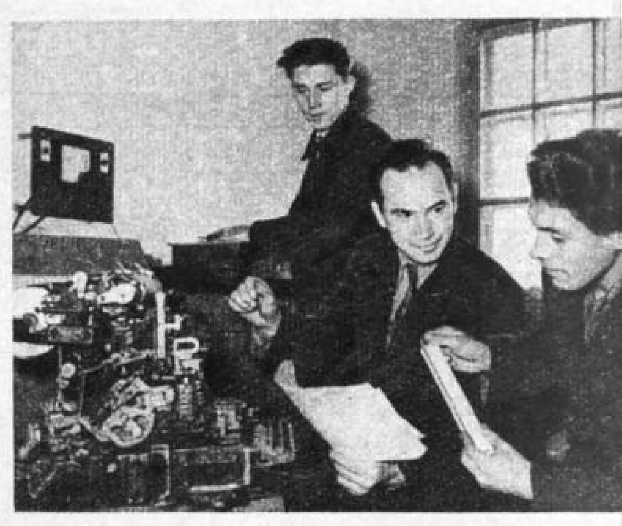

В течение нескольких дней в Москве находилась чехословацкая правительственная торгово-экономическая делегация во главе с председателем Государственного планового управления министром О. Шимунеком. 10 января временный поверенный в делах Чехословацкой Республики в СССР И. Копецкий устроил в честь делегации прием.

На снимке (слева направо): министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев, глава чехословацкой правительственной торгово-экономической делегации О. Шимунек, заместитель Председателя Совета Министров Союза ССР и председатель Госплана СССР И. И. Кузьмин и временный поверенный в делах Чехословацкой Республики в СССР Иван Копецкий.

Фото Дм. Бальтерманца.

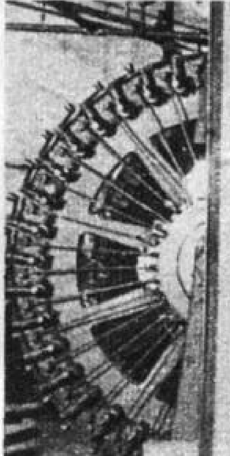

На Иркутском заводе тяжелого машиностроения имени В. В. Куйбышева машина-автомат, управляемая одним инженером, заменяет ручной труд десяти человек на выписке нарядов. Машина сконструирована изобретателями Д. М. Гуревичем, Ю. П. Пекариным и Н. С. Курачицким и изготовлена коллективом завода в подарок XXI съезду.

На снимке (слева направо): Ю. П. Пекарин, Д. М. Гуревич и Н. С. Курачицкий у машины-автомата.

Фото М. Калихмана.

На Астраханском рыбоконсервно-холодильном комбинате устанавливается новое оборудование—два автоматических воздушных тестера. Каждая такая машина будет за смену проверять герметичность 45 тысяч банок консервов.

На снимке: слесари С. Белунин и Г. Марков готовят тестеры к пуску.

Фото А. Заплетина.

←

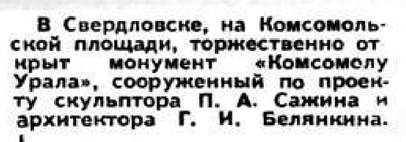

Албанские композиторы Пренк Якова и Тонин Арапи приехали в гости к своим советским коллегам. Пренк Якова — автор первой албанской оперы, «Мрика», посвященной новой жизни в его стране. Он хочет познакомить с ней советских музыкантов.

Тонин Арапи хочет выступить с исполнением своих фортепьянных пьес и романсов. Композиторы посетят театры, концертные залы, консерватории Москвы и Ленинграда, побывают в Баку и Ереване.

— Поездка по Советскому Союзу, встречи с советскими композиторами,— сказал Пренк Якова в беседе с корреспондентом «Огонька»,— обогатят наш опыт, дадут новые источники вдохновения.

Фото Галины Санько.

В Свердловске, на Комсомольской площади, торжественно открыт монумент «Комсомолу Урала», сооруженный по проекту скульптора П. А. Сажина и архитектора Г. И. Белянкина.

↓

Фото И. Тюфякова.

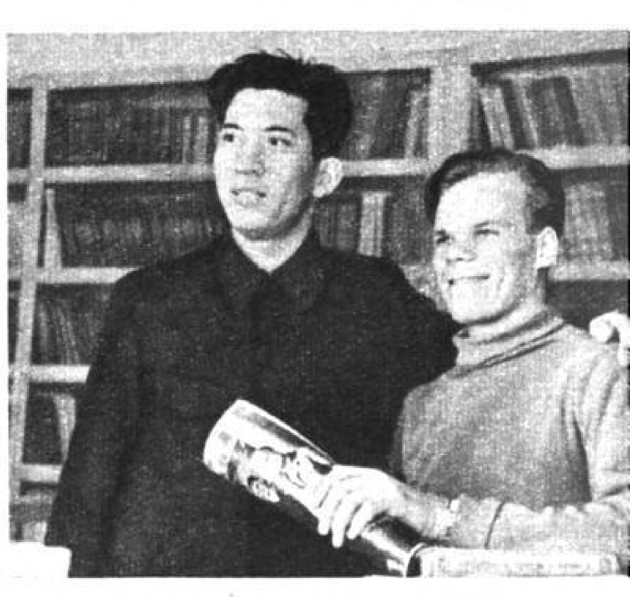
Вите, Саше и Васе — братьям-близнецам — на днях исполнилось по месяцу. Они родились 14 декабря у Александры Сергеевны Зеленько — колхозницы артели «Заря коммунизма», Куйбышевского района, Запорожской области. И новорожденные и мать чувствуют себя прекрасно.

Фото Д. Гайдука.

В первые недели нового года в Москве много иностранных туристов. На снимке: американские студенты в Музее-усадьбе Л. Н. Толстого.

Фото Р. Лихача.

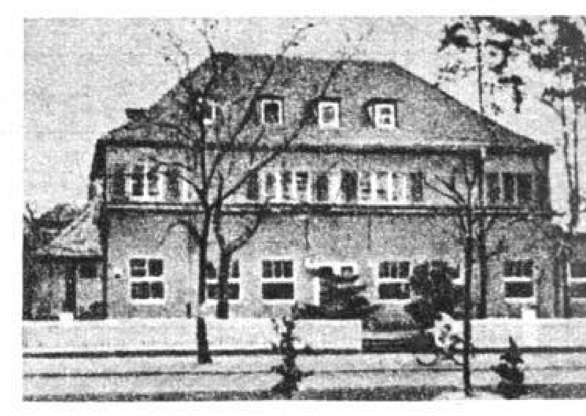
Вместе готовятся к зимней экзаменационной сессии кореец Вон Фун Чиль и советский юноша Виктор Скворцов.

Они познакомились в Комсомольской лесотехнической школе, которая выпускает механизаторов для лесной промышленности Хабаровского края и Корейской Народно-Демократической Республики. Друзья помогают друг другу в учебе, вместе отдыхают, веселятся.

Фото В. Черепанова.

УНИЧТОЖИТЬ

Карта Берлина. Слева за белой линией — территория Западного Берлина.

Скромный с виду дом № 146 на Клейаллее. Но здесь орудует филиал центральной разведывательной службы США («Си-Ай-Эй»).

В. ЧЕРНОВ

Западноберлинский сенат возложил на социал-демократа Липшица задачу доказать недоказуемое и опровергнуть то, что давно доказано. Почтенный сенатор должен составить «меморандум», из коего следовало бы, что в Западном Берлине... нет шпионских центров, что никто-де не ведет оттуда подрывной деятельности против ГДР и других социалистических стран. **Припертые к стене неопровержимыми фактами, западноберлинские власти и их боннские хозяева явно пришли в состояние тревоги и растерянности.**

Западный Берлин... Кому не известно, что он стал заповедником шпионско-диверсионных организаций, рассадником провокаций и военных авантюр в Европе!

Над зданием аэропорта Темпельгоф, одним из районов сосредоточения американских разведывательных центров, под сенью флага США сидит, распростерши крылья, все тот же нацистский орел «третьего райха».

Колючая проволока и патрули военной полиции «эм-пи» ограждают от любопытных глаз штаб-квартиры иностранных военных разведок в Западном Берлине.

Посмотрите на карту Западного Берлина. Она изъязвлена зловещими черными точками. Это места, где свили свои шпионские гнезда американская, западногерманская, английская, французская разведки, где создали свои «штабы» различные подрывные организации, насаждаемые в западной части города боннскими реваншистами.

Нет нужды доказывать, что Западная Германия **стала ныне настоящим раем для шпионов. Многие разведывательные службы творят там свои темные дела под вывесками торговых фирм, коммерческих представительств, благотворительных,** религиозных, юридических и прочих «обществ». По самым заниженным данным, в Западной Германии, как это указывалось в меморандуме правительства ГДР, насчитывается до 339 органов империалистических разведок.

Однако Западный Берлин далеко перекрыл эти **«показатели»! На территории, во много раз меньшей, чем площадь боннского государства, по самым скромным подсчетам, размещено свыше 80 разведывательных и диверсионных организаций, преимущественно американских и западногерманских.**

На просторной Клейаллее расположилось, как у себя дома, представительство центральной разведывательной службы США («Си-Ай-Эй»), замаскировавшееся под «Управление армейскими подразделениями» («Ди-Эй-Ди»). Невдалеке центр американской военной разведки, пресловутой «Ми-Ай-Ди». В районе аэродрома Темпельгоф обосновалась разведка американских военно-воздушных сил («Оу-Эс-Ай»). Британские разведывательные службы облюбовали район Олимпийского стадиона в «своем» секторе; французские—устроились при так называемых «наполеоновских казармах» Западного Берлина.

Американские шпионско-диверсионные цент-

ры — «Следственный комитет свободных юристов», «Группа борьбы против бесчеловечности» (название-то какое!) и прочие—орудуют в комфортабельном буржуазном районе Целендорф. Всякие «восточные бюро» западногерманских буржуазных партий — христианско - демократического союза, немецкой партии, социал-демократической партии — предпочитают деловые кварталы Шарлоттенбурга. Цели этих «бюро» ничем, в сущности, не отличаются от тех, которые преследуют «свободные юристы» или «борцы против бесчеловечности».

По всему Западному Берлину разбросаны резидентуры шпионско-диверсионной организации генерала Гелена, которая формально перешла под руководство ведомства канцлера Аденауэра, а геленовскими резидентурами действуют пункты разведки боннского военного министерства. Их дополняют всякие службы «ведомства по охране конституции» (боннская политическая контрразведка) и «политического отдела» западноберлинской полиции. Такой же подрывной характер носят и филиалы боннского «министерства по общегерманским вопросам» (вроде «информационного бюро Вест») и многие, многие другие.

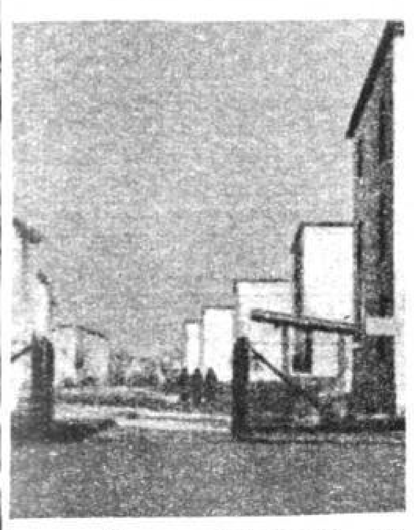
В Западном Берлине вольготно устроились 74 милитаристские фашистские организации, такие, как «Стальной шлем», «Союз немецких солдат», «Объединение военнослужащих дивизии Берендивизион», «Общество взаимопомощи служащих войск СС». Все они ведут разнузданную реваншистскую пропаганду.

КОВУЮ

по существу продолжает ревностно служить своим прежним хозяевам — американцам. Рядом с

Из Западного Берлина будет делаться все, чтобы «как можно больше затруднить» стабилизацию государственной власти в ГДР, хвастал в прошлом году бургомистр Вилли Брандт. А что это означает, раскрыл матерый шпион Генрих Бер. Он заявил, что цель подрывных организаций Западного Берлина — готовить войну против ГДР, Польши и Советского Союза.

В советском проекте

Пресловутый лагерь для «беженцев из ГДР» (Берлин, Мариенфельде). Здесь из эмигрантского отребья вербуются и дрессируются шпионы для заброски в ГДР и страны народной демократии.

В демократическом Берлине не раз устраивались выставки оружия и снаряжения, которое было отобрано у пойманных диверсантов из шпионской организации Гелена.

Мирного Договора с Германией, представленном на рассмотрение правительств США, Англии, Франции, Польши, Чехословакии и других государств, участвовавших в войне против Германии, а также правительств ГДР и ФРГ, содержится реальный путь решения берлинского вопроса.

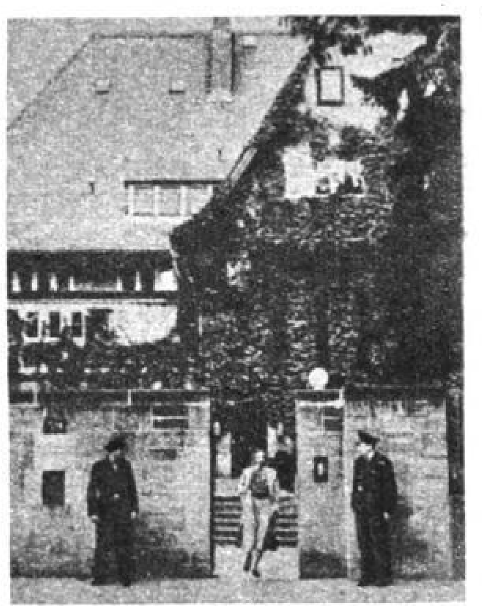
Весь мир облетели слова товарища Н. С. Хрущева: «Западный Берлин превратился в своего рода раковую опухоль. И если не ликвидировать ее, то это угрожает такой опасностью, которая может привести к довольно нежелательным последствиям».

Западноберлинская раковая опухоль должна быть ликвидирована!

Этого требует совесть человечества. Это в интересах народов Европы. Реальный путь решения вопроса о Западном Берлине указан в предложениях Советского правительства. Чудовищный диверсионный центр, очаг новой войны должен стать демилитаризованным, вольным городом!

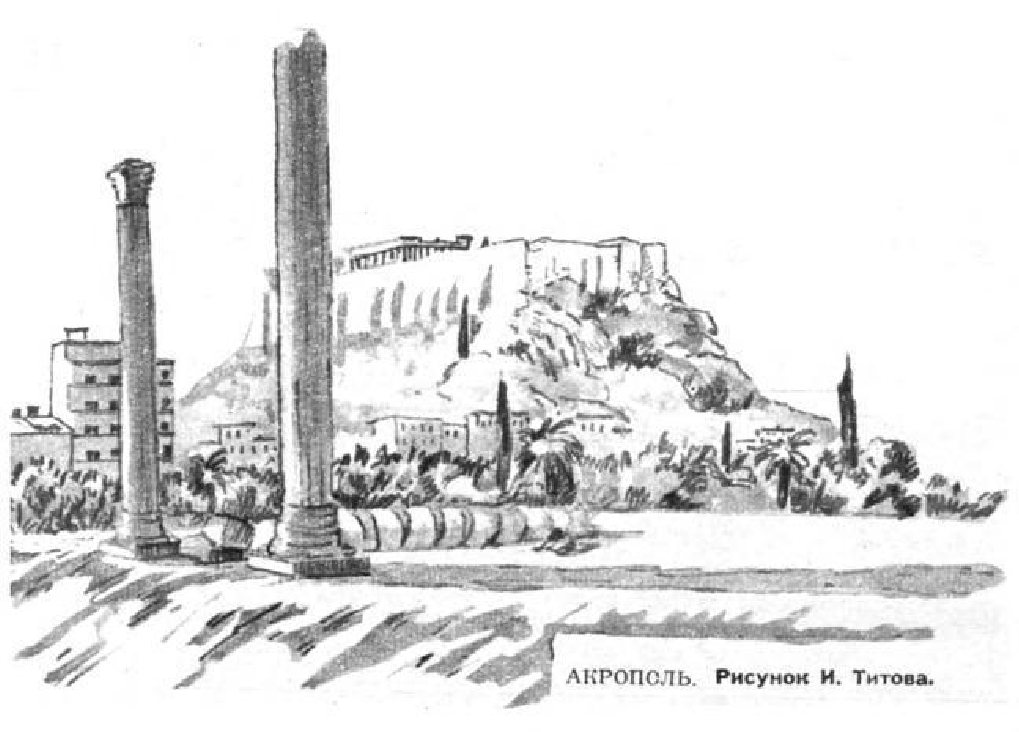

А вот чем занимается «Группа борьбы против бесчеловечности». Ее молодчики открыто запускают воздушные шары для засылки подрывной литературы на территорию ГДР.

←

Банда шпионов, спрятавшаяся под вывеской «Следственного комитета свободных юристов», занимает уютный дом на Лиманштрассе, 29, в Целендорф-Вест. Полиция ревностно охраняет этот шпионский притон.

АКРОПОЛЬ. Рисунок И. Титова.

НЕ ДОПУСТИТЬ РАСПРАВЫ!

Дм. ЛОЗИНОВ

В греческой столице Афинах в наши дни существует правило: высота домов не может превышать шести этажей. Это ограничение, не сразу понятное при недостатке земли в центре города, объясняется очень просто: дома не должны заслонять собой древний Акрополь, на котором возвышается врезанный в голубое афинское небо мраморный Парфенон. Акрополь виден из любого конца города, его красотой можно любоваться отовсюду. И почти отовсюду виден поднятый на Акрополе бело-голубой национальный греческий флаг.

Афинский Акрополь является, пожалуй, одним из самых известных памятников греческой древности, связанных к тому же с событиями современности. Бело-голубой флаг, государственный флаг Греции, всегда напоминает о бессмертном подвиге Манолиса Глезоса, который в ночь на 31 мая 1941 года сорвал с Акрополя фашистский флаг немецких оккупантов, черной тенью метавшийся в афинском небе.

Нужно знать, как жители Афин любят Акрополь, чтобы почувствовать, что они пережили на следующее утро, когда увидели, что над их святыней вновь развевается флаг родины.

Нужно побывать на Акрополе, взглянуть на его неприступные каменные стены, вспомнить, что он охранялся усиленными отрядами оккупантов, чтобы оценить все величие подвига тогда еще неизвестного девятнадцатилетнего юноши Манолиса Глезоса и чтобы понять причину той пламенной любви, которой народ окружил героя.

Взлет юного Манолиса Глезоса на древние неприступные стены Акрополя был первым полетом молодого орленка, решившего посвятить родному народу всю свою жизнь. Его ослепительный подвиг явился искрой, от которой загорелось пламя всенародного сопротивления оккупантам.

И всей последующей своей деятельностью Манолис Глезос продолжал свой подвиг — борьбу за благо родины, за счастье народа. Он активно участвовал в греческом движении Сопротивления против гитлеровских оккупантов. После конца войны Манолис Глезос не прекращает борьбы за независимость родины.

Этот человек не раз прямо смотрел в глаза смерти: за участие в демократическом движении он был заключен в тюрьму и трижды приговаривался к смертной казни. В 1954 году власти под давлением греческой общественности выпустили Глезоса из тюрьмы. Выйдя на свободу, Глезос не свернул с избранного им пути.

Освободив Глезоса из тюрьмы, греческие власти лишили его политических прав. Они боялись этого мужественного человека, пользующегося огромной популярностью в народе. Они не забыли, что в 1951 году народ избрал Глезоса, приговоренного к смертной казни, депутатом в парламент.

Но народ доверял Глезосу. Манолис начал сотрудничать в демократической газете «Авги», а затем стал ее директором. Эта газета, название которой по-русски означает «Рассвет», широко известна в Греции. Ее читают повсюду, хотя на это и косятся представители полицейских властей. Она не гонится за шумной сенсацией, ее страницы не заполняются дорогой рекламой, ее язык прост и выразителен, понятен каждому читателю.

Деятельность Глезоса в «Авги» — пример патриотического служения народу. На выборах в мае 1958 года «Авги» боролась за победу кандидатов Единой демократической левой партии (ЭДА), партии, выражающей интересы широких трудящихся масс. Эта партия получила на выборах в парламент семьдесят девять депутатских мест и стала второй партией в парламенте. Немалую роль в достижении этой выдающейся победы сыграла газета «Авги» и ее директор Манолис Глезос.

Рост демократических сил Греции испугал правящие круги страны. Сразу же после майских выборов реакция решила учинить расправу: не прошло и нескольких недель, как начались аресты сторонников партии ЭДА.

Волна арестов нарастала, и 5 декабря был арестован Манолис Глезос. Манолису Глезосу, этому кристально честному человеку, только через месяц после ареста было предъявлено обвинение в «соучастии» и «помощи» лицам, занимающимся «шпионской деятельностью».

Сфабрикованное против Глезоса обвинение не выдерживает никакой критики. Глезос заявил решительный протест.

Совесть у тюремщиков явно нечиста. В новогоднюю ночь они тайно увезли Глезоса из Афин на остров Крит. Они не хотят гласности в своем темном деле по обвинению Глезоса в «шпионаже».

Глезос — «шпион». Это не смешно, это чудовищно, это не укладывается в сознании, если человек не ослеплен звериной ненавистью к прогрессу и демократии. Вся жизнь и борьба Манолиса Глезоса начисто опровергает те измышления, которые сфабрикованы или могут быть сфабрикованы на него в недрах асфалии.

Мне приходилось видеть, с какой радостью встречали Манолиса Глезоса простые люди Греции, как они к нему тянулись. И сам Глезос во время этих встреч весь светился счастьем. Он великий человеколюбец, а люди всегда это чувствуют. Одновременно Глезос — человек огромной воли и исключительного трудолюбия. Он окончил только шесть классов гимназии, а затем началась его полная борьбы и лишений жизнь, жизнь в тюрьме, жизнь приговоренного к смерти. Но все, кто знаком с Глезосом, знают его глубокую культуру, его широкие познания во всех областях жизни. Глезос работает везде и постоянно, ни на минуту не прекращая своего главного труда — изучения жизни.

Афинский Акрополь — это греческий памятник, принадлежащий всему человечеству. Великий патриот Греции Манолис Глезос, поднявший в черную годину оккупации знамя своей родины над Акрополем, всю свою жизнь посвятивший народу и родине, также принадлежит всему человечеству. И нельзя допустить, чтобы он пал жертвой произвола мрачных сил реакции!

Глезос должен быть освобожден!

ДОВЕРИЕ К ЛЮДЯМ

Таким же он был, наверно, и десять и двадцать лет назад: седым, высоким, прямым. И чуть застенчивым. Что, кажется, особенного: пришли из журнала побеседовать. Но мне вспомнились слова из автобиографии поэта о том, как ему приходилось выступать на собраниях в годы гражданской войны, как из-за своей непреодолимой застенчивости он совершенно немел на трибуне...

Когда мы шли к поэту, мне сказали, что Степан Щипачев не пишет стихов и перешел на прозу. Сразу же выяснилось, что это не совсем так.

— Да, повесть пишу. О наших тружениках, о дружбе, о любви... Но сейчас я отложил повесть. Сейчас время для стихов. Я пишу стихи, когда не могу их не писать, когда ничем не могу заниматься, кроме поэзии.

Негромкие стихи Щипачева хорошо слышны и в наши шумные годы, годы космических полетов, когда советский человек полон веры в реальность своих грандиозных планов. Поэт имеет ко всему, что делают наши люди, самое непосредственное, личное отношение. «Все пропитано этой верой, пишется ради этого...» — скупо говорит Степан Петрович, с бо́льшей охотой отсылая к своим стихам об одной простой истине:

«На всей Земле наступит коммунизм!» —
Гласит она, умы мечтою будит.
«Все люди станут жить семьей одной!» —
И эта истина, наверно, будет
Тогда казаться тоже прописной.

Степан Щипачев.

Мы перебираем последние издания произведений Щипачева. Вот сборник, выпущенный в Объединенной Арабской Республике, вот корейское издание, затем румынское... Много раз издавали поэта в Чехословакии; с интересом перелистываем девятое пражское издание сборника «Строфы любви» с рисунками старейшего чешского художника Макса Швабинского. Иллюстрировать лирику трудно, но насколько проникновенны стихи Щипачева, настолько поэтичны рисунки художника. Для нас непривычны рисунки в книге лирических стихов, но иллюстрации Швабинского убеждают правдой чувства. Нас привлек сборник, выпущенный в Венгрии.

Совсем недавно поэт закончил работу над однотомником стихов и поэм, который отправился в венгерскую типографию. Много стихов, написанных за четыре десятилетия работы, не вошло в однотомник: сказалась громадная требовательность поэта к своей работе. Для нового сборника Щипачев коренным образом переработал свою известную поэму «Павлик Морозов», получившую несколько лет назад Сталинскую премию.

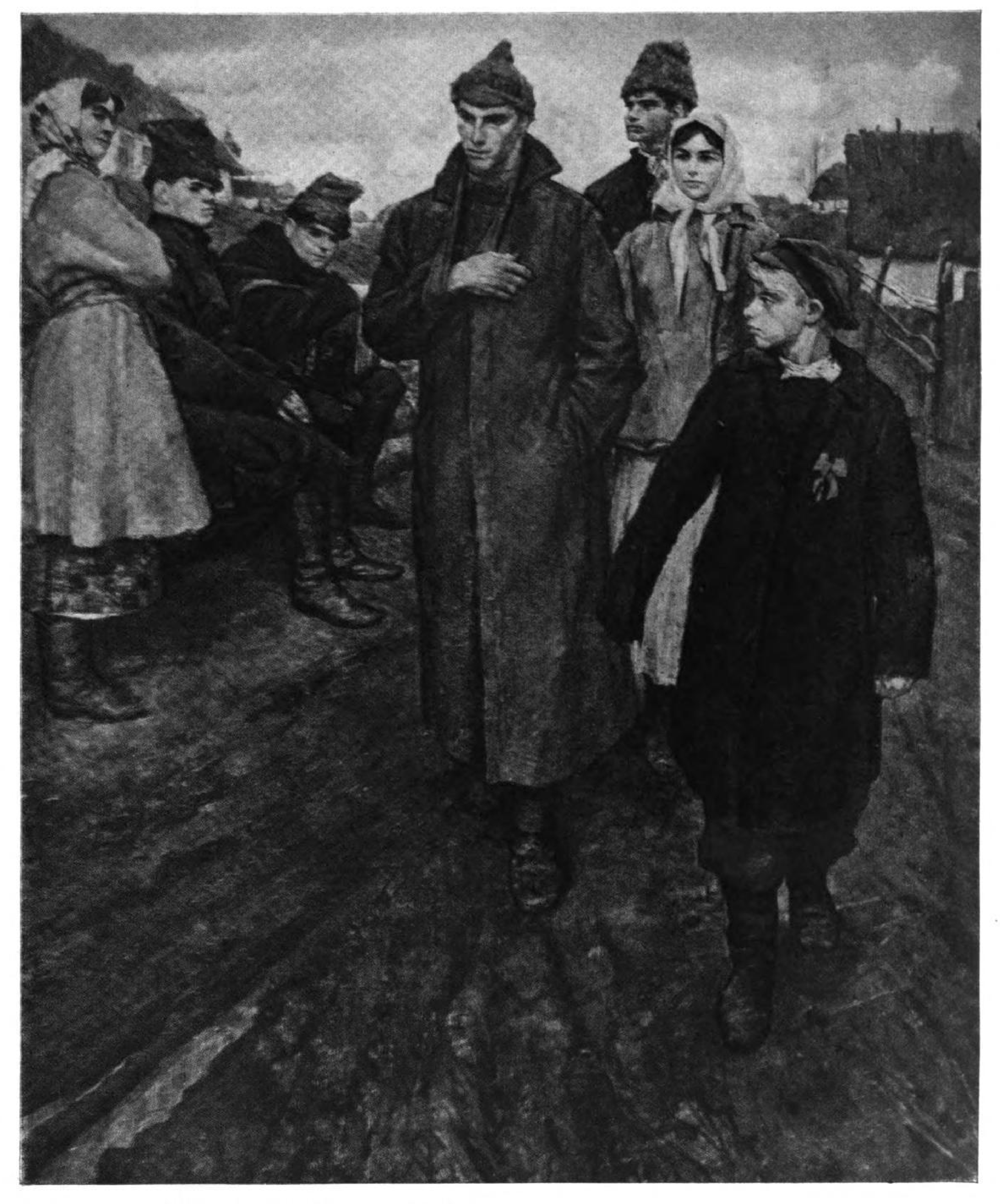
— Я не считаю, что каждую соломинку нужно тащить под крышу,— говорит в связи с этим Степан Петрович.— Нужно беспощадно, строго отбирать строчки, чтобы читатель на каждой странице встречался с хорошими стихами.

В дни своего юбилея, когда приходят десятки поздравительных телеграмм и писем, поэт работает, как всегда, много. Из привычного трудового ритма не могут вывести никакие юбилейные послания. А среди них немало примечательного. Вот письмо Демина, старого товарища по оренбургским кавалерийским курсам, куда молодой Щипачев в октябре 1919 года был послан из Чапаевской дивизии: «Ваши слова глубоко проникали в душу каждого из нас, кто вместе с вами был в одних рядах в борьбе за Советскую власть... Ваши слова вселяли уверенность в скорой победе над контрреволюционными силами мирового империализма, напавшими на молодую Советскую власть. И мы под руководством партии великого Ленина победили».

Наше внимание привлекла телеграмма, полученная поэтом в день 60-летия: «Дорогой Степан, я тебя поздравляю с возрастом полной творческой генеральской зрелости. Желаю тебе доброго здоровья и самой активной дружбы с музой, а прежде всего здоровья, здоровья, здоровья. Леонид Леонов».

Пять лет назад в автобиографических заметках «Путь к поэзии» Степан Щипачев писал, как лирический поэт доверяется людям в своих самых сокровенных чувствах и мыслях и этим самым становится нужным и близким своему читателю. Именно это доверие к людям, строящим новую жизнь, вызывает ответный отклик в тысячах сердец и делает поэзию Степана Щипачева народной.

В. ВОРОНОВ

В. А. Чеканюк. (Киев). ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЯЧЕЙКА НА СЕЛЕ.

Н. К. Корниенко. (Москва). «ЗА ЗЕМЛЮ, ЗА ВОЛЮ...»

1

Студенческая практика у Гани Логуновой закончилась в середине мая. Последний свой день в Березовке Ганя отработала сполна в дружной компании «лесного звена», а вечером началось прощание с березовцами, милыми ее сердцу. Обойдя избы новых подруг, она отправилась на конец деревни, к своему учителю по лесному делу Петру Игнатьичу Игнатьеву.

Старик встретил ее с уважительной ласковостью. Вдвоем они сидели у стола, покрытого грубоватой опрятной самовязной скатеркой. В просторной горнице, освещенной теплым светом лампы «молния», Игнатьич без обычной своей стеганки и малахая казался бы вовсе худым и маленьким, если б не пышная, от плеча до плеча, бородища. Во всем облике Игнатьича — в тонком, кирпично-красном от загара, добром лице, в неторопливых движениях крупных рук, в каждом скупом, прочном слове — проступала властная, притягательная сила. Ганя теперь понимала, что и доброта и сила шли у него от мастерства, от непреоборимой любви к лесу, наконец, от гордого сознания свершенного им дела. Смирение же его выражалось лишь в том, что на людей он всегда действовал обезоруживающей мягкостью и ласковым словом.

— Живи долго,—сказал он своим тихим голосом Гане, прощаясь с нею в темных сенях,— дождись, когда подымется в степи **твой** лес. А уж лес — он вечный.

Больше Ганя не увидела деда: она уехала из Березовки ранним утром, когда дед уже ушел на лесополосы.

Через три — четыре часа попутный шофер высадил Ганю неподалеку от ее родной Утевки. Оглохшая от грохота мотора, она зашагала по грейдерной, сухо хрустящей дороге. Все было ей тут знакомо с детства. Вот он, пологий холм, после которого вся Утевка вдруг открывается перед путником как на ладони...

Черная буря

Глава из романа «Шумят ливни».

Надежда ЧЕРТОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Но не Утевка, действительно затемневшая впереди, привлекла внимание Гани, а молоденькая, пушисто-зеленая лесная полоса, широким и ровным гребнем уходившая в молочную даль. Тут как-то несмело зеленели тоненькие тополя, должно быть, двухлетки: Ганя не помнила этого леска, дома же она не была как раз два года, с начала учения.

Еще издали среди невысоких стройных деревьев заприметила она темные движущиеся точки, а приблизившись, явственно увидела, что на лесополосе паслись коровы. Пастух, пожилой незнакомый человек, стоял на обочине полосы. Ганя побежала к нему.

— Почему скот на полосе?

Пастух откровенно улыбался: экое диво объявилось — рыжая растрепанная девчонка в сапогах, с черным от пыли лицом!

— А ты кто? Комиссия? — услышала Ганя наконец его густой голос.

— Никакая не комиссия!—ответила она, чувствуя, как вся закипает от гнева.— Я здешняя, а вот вы кто, не знаю.

— Пастух. Иль не видишь?

— Нанятой, наверно?

— Ну, нанятой.

— То-то леса тебе не жалко! — Ганя и не заметила, как назвала бородача на «ты».— Чего стоишь? Сгоняй скот с полосы, а то вкатят тебе штраф.

Пастух даже не пошевелился.

Ганя с отчаянием взглянула на топольки. Это только издали лесная полоса казалась свежей и сочной, вблизи же было видно, как тут и там печально никли тонкие надломленные ветки. Нежные, дымчато-зеленые стволы кое-где были начисто обглоданы и белели, как обнаженная кость: тут, верно, поработали козы. Привести сюда Игнатьича, и он, наверно, сказал бы тихонько и укорительно: «Ишь, стоят, как коленкоровые!»

Игнатьич сказал бы, усовестил, а что же сказать ей, Гане, и кто ее послушает? Она молчала, потерянно оглядывая искалеченный лесок, а пастух лениво объяснил ей:

— Тут уж и свиньи рылись, а ты тоже...

— Какой бригады это поле? — с трудом сдерживая гнев, спросила Ганя.

— Первой бригады. Илья Бахарев там бригадиром,— все так же неохотно ответил пастух.— Деда Лески Бахарева сын.

«Тоже мне бригадир!» — с насмешливым удивлением подумала Ганя. Она знала его еще со школьных лет. Илюшка был не очень-то способный ученик — в четвертом и пятом классах ухитрился просидеть по два года,— и Ганя догнала его именно в пятом классе. По возрасту он года на три старше. Значит, ему сейчас двадцать шестой год идет. Вот как быстро катится время!

А давно ли они окончили семилетку? На выпускных экзаменах Ганя получила пятерки, но надолго должна была упрятать в себе желание учиться дальше: родители прибаливали, и девочка пошла работать в колхозную бригаду. А Илья, как и многие его товарищи по классу, покатил в область пытать счастья в техникуме, все равно, в каком. На экзаменах он провалился по русскому языку и по алгебре, а когда вернулся в Утевку, то и не подумал работать в колхозе. Провалившись на экзаменах и в следующем году, он явился домой ничуть не обескураженный и до сентября месяца важно ходил с учебником под мышкой. Даже купаться на реку ходил с книжкой: ему будто бы разрешили, в виде исключения, сдавать экзамен еще раз, перед самой учебой. Никуда, однако, он не уехал, а осенью Бахаревы проводили его в армию. Тут дороги их окончательно разошлись. К концу армейской службы Ильи Ганя как раз уехала учиться и явилась домой только вот сейчас, третьекурсницей...

А жизнь ее сотоварища по школе сложилась так. Со службы Илья явился парнем возмужалым, плечистым, стройным — откуда что взялось! — и, можно сказать, прямо с порога объявил родителям, что стал отличным баянистом и что теперь ему без баяна нет никакой жизни.

Пока не был куплен баян, а потом форсистая «пара» с галстуком, Илья даже и не интересовался, на какую работу пошлют его в колхозе, лишь бы побольше выгнать трудодней. И тут нежданно-негаданно позвали его в правление колхоза временно исполнять должность счетовода. Илья возликовал: он был уверен, что станет в колхозе постоянным счетоводом. Сидеть в прохладной правленческой избе за чистеньким канцелярским столом, а главное, знать, что тебе, кроме почета, еще причтутся твердые трудодни и денежки — все это представлялось ему верхом удачи. Но нашелся другой умелец счетоводного дела, старик, которого правление колхоза после долгих уговоров усадило щелкать костяшками счетов, и вот Илье пришлось вернуться в поле.

Его назначили бригадиром первой бригады, и назначение это было, в общем, понятно: после службы в армии изо всех «годков» Ильи он один вернулся в Утевку, оказался верным отчему дому, где, похоже, и собирался осесть навсегда.

Слегка ошеломленный почетом и доверием, Илья поначалу работал с робкой старательностью, тем более что природа наделила его не только беспечностью и ленью, но и некоторой сметливостью: он быстро и тонко разобрался в трудной обстановке, какая сложилась к тому времени внутри правления колхоза. Легкомысленному парню, опьяненному новым своим положением «начальника», кружило голову желание непременно протиснуться в тесный кружок подлинных, как он думал, вершителей судеб колхоза. Кузьма Бахарев, председатель, как раз среди этих вершителей не числился, над чем Илья немало, хотя и шепотком, потешался. Илье тоже захотелось погреть руки над тем костром, который был так искусно упрятан от глаз рядовых утевских колхозников.

Однако дружки, связанные прочной, клятой порукой, и близко не подпустили к себе молодого бригадира. У Ильи осталось такое ощущение, что люди стоят к нему спиною столь слитно, что протиснуться просто немыслимо. Он затаил обиду: работать — так он бригадир, надежа, а авансы делить — мальчишка!

Дома он помалкивал, пуще всего по старой памяти боясь отца. Но при матери, которую любил бездумной, эгоистической любовью балованного сына, как-то не удержался и выболтал свои обиды да еще в придачу по-мужицки грубо выругался. Он уверенно ждал сочувствия. Но мать сурово сказала:

— Молод мараться-то!

Видя, как он рассеянно и нагловато усмехается, мать вышла на кухню, сняла с гвоздя широкий ремень, о который старик точил бритву, и вышла к сыну.

— Только сунь туда нос, только мазнись,— повторила она, и глаза у нее угрожающе засверкали,— исполосую крест-накрест, не погляжу, что бригадир, вот этакие печати пряжкой наставлю.

После этой материнской науки Илья попритих и запер в себе обиды и вожделения. С бригадирской работой быстро освоился, и робкая его старательность перешла в бойкое, а потом и властное, не по летам жесткое умение командовать людьми, прижимать их. И он добился, что люди стали его побаиваться. Бригадирское свое усердие он постарался вложить в тесные, зато удобные рамки безотказного, почти слепого исполнительства. В несложных и однообразных делах душа и сердце Ильи Бахарева как бы не участвовали, и он имел возможность щедро тратить себя на другое: был он молод, красив, холост, почти один такой на всю большую деревню Утевку, и потому в любовных делах, как сам признавался, не знал отказа.

Летом еще съезжались отовсюду в Утевку студенты: из районного городка, из области и даже из Москвы. Тогда Илья несколько стушевывался и линял. Но зато всю зиму, весну и осень он был единственным парнем в послеармейских летах и в звании колхозного бригадира, а следовательно, и признанным кавалером всех девчат: и молоденьких, и своих сверстниц, и переростков, женихи которых погибли на войне или растеклись по городам. Не долго думая, он пошел сшибать девичьи жизни — сшиб сапогом, как траву придорожную, и пошел дальше.

Девчата меж собой говорили, что Илья — непутевый парень, и при народе относились к нему с нескрываемой насмешкой. Но вечерами, на гулянье, где-нибудь на завалинке или на берегу реки, стоило Илье растянуть мехи баяна, как девушки слетались, словно бабочки на огонек, и, смотришь, какая-нибудь из них старалась сесть поближе к Илье, задумывалась, невзначай вспыхивала.

Глубоки были девичьи тайны, крепка девичья гордость, но все равно по деревне скоро расползались слухи то об одной «невесте» Ильи, то о другой...

2

Ничего этого не знала и ни о чем не подозревала Ганя Логунова, когда вечером второго, еще более хлопотного дня своего гостевания в Утевке столкнулась с Ильей Бахаревым на зеленой, заросшей пыреем дороге, возле покалеченной лесополосы.

Ганя стояла возле молодого тополька, безжалостно сломленного посередине. Задумчиво и горестно смотрела она на мертвые ветви, вяло расстелившиеся по земле. Неожиданно до ушей ее дошел сухой треск мотоцикла. Она не успела повернуть головы, как треск оборвался, и перед нею предстал Илья.

— А-а, бригадир! — протянула она, как ему представилось, с насмешливым изумлением.— Ну-ка, ответь: это поле твоей бригады?

— Ну да, нашей.

— Значит, и лес ваш?

— Деда Панова лес.

Илья на всякий случай принял независимый вид: слишком он был изумлен резким тоном Гани.

— Так! Деда Панова лес,— повторила Ганя, и Илья, ожидая подвоха, насторожился: что же такое он сказал?— Вы считаете лес за дедом Пановым, раз уж он лесовод, а дед отдает лесополосы исполу, кому попало. Кто в колхозе поленивее работает, те и жнут травку в междурядьях да садят картошку. Травка идет козам, картошка — хозяевам. А уж если саженец какой под серп попадется, наплевать на саженец, так, что ли?

Ганя убрала под косынку прядь волос, упавшую ей на глаза, и даже в этом обычном движении почувствовались напряженность и гнев, какие ею владели. Илья молчал, собирался с мыслями. Ему бы вскипеть сейчас, заорать по своей бригадирской привычке: подумаешь, новый ревизор нашелся! Но было что-то непривычное в этой новой, взрослой Гане. Не то удивительное достоинство, не то, черт возьми, какое-то превосходство. Или, скорее всего, просто сила справедливого гнева.

Так или иначе, но что-то удержало Илью от вспышки и от ругани. Говорила она о вещах и в самом деле малопонятных: лес-то был, конечно, государственный, но сейчас он вроде и ничей. Во всяком разе и бригада и сам Илья вовсе тут ни при чем...

— Ну? — спросила Ганя, глядя на него изпод золотистых, тонко выведенных бровей.— Вы, что же, решили лес свести? Я была на практике в нашем же районе, километров за восемьдесят отсюда,— заговорила Ганя уже спокойным тоном, точно поучая его.— Там лес как рос, так и растет, ни одной ветки не обломили. Лес в степи есть спасение наше, лес есть влага в почве,— слышал он звонкий, настойчивый голос Гани,— без леса мы рабы случайностей. Вот,— она яростно ткнула пальцем в пространство,— где он, дождь? Где?

Они взглянули в пустое, белесое, раскаленное небо, и вдруг оба вскрикнули.

В степи что-то случилось. И небо и землю сверху донизу затянуло мутным, пепельным пологом, исчезла даже четкая, привычно далекая линия горизонта. Широчайший полог этот не стоял на месте. Наоборот, он весь двигался, бурлил, застилал белый свет и несся с устрашающей быстротою на Утевку, на Ганю с Ильей.

— Черная буря! — громко закричал Илья, хотя все свершалось в тишине, и это-то как раз и казалось Гане особенно жутким.— Гляди, вон где у нее главный корень!

В центре необъятного полога и в самом деле катился, бешено крутясь, пыльный вихрь такой высоты и такой мощи, что это скорее был не вихрь, а смерч. Ганя успела приметить, как дрогнули и закачались тополя и как ласточки смятенно завернулись на обратную, серебристую, сторону. Высокая трава металась, то прижимаясь к земле, то вставая дыбом, и по молоденькой озими мчались быстрые ершистые волны.

Смерч, в струящейся середине которого словно плясал бородатый дьявол, неудержимо катился по дороге, всасывая в себя густые струи земли, неисчислимые количества земляных крупинок с плодородного покрова пашни, с чистых паровых полей, с посевов, только что заделанных и еще рыхлых. Это и было главной гибельной работой черной бури. А с грейдерной дороги в смерч вкручивались струи песка, мелкой гальки и шлака.

Таща за собой словно два огромных пыльных крыла, начисто скрывших привычный мир степного простора, полей и солнца, смерч так стремительно вырастал, что Ганя уже слышала свист и шипение, исходившие от него: вот сейчас захватит, завертит, ударит оземь! Инстинктивно прикрыв голову руками, она шагнула к Илье. Тот схватил ее за плечи и рывком прижал к себе.

В ту же секунду их накрыло ураганом. По пиджаку Ильи, который, подобно зонту, раскрылся над их головами, порывисто забарабанила галька. В горячем, хлестком потоке воздуха дыхание почти остановилось, пыль насыпалась в уши, скрипела на зубах, и на какие-то секунды Ганю охватило ощущение донельзя странное: собственное тело не повиновалось ей, оно стало невесомым и как бы уже летело в шипящем и воющем пространстве!

И вдруг мир вокруг них снова оказался объятым внезапной тишиною, такой полной, такой совершенной, что у Гани даже в ушах зазвенело. Она открыла глаза. Илья все еще сжимал ее плечи. Она порывисто вырвалась, шагнула в смятую и еще дрожащую траву. Нет, теперь она не летела, а крепко стояла на земле. Только ноги у нее налились тяжестью от томительного и обессиливающего смущения. Именно в это мгновение смерч покосился и стал падать. Долетев до реки, он, похожий на большое веретено, упал в воду и исчез, будто его и не было.

— Все! Здорово! — с наивным восхищением сказал Илья.

Ганя промолчала. Что-то говорило ей, что бешеный смерч и страх перед ним она запомнит на всю жизнь.

Гораздо позднее она поняла, что все началось именно с того дня и с черной бури...

3

Гане нужно было во что бы то ни стало выработать во время каникул сотню трудодней, чтобы старикам в зиму не пришлось слишком туго. Она уже видела, что не придется ей работать на лесных полосах: звено Данилы Панова разбрелось по бригадам, сам же старик, суровый и кремневатый характером, предпочитал отмалчиваться.

Что же оставалось делать Гане? Она пошла в правление, и ее послали на сенокос в первую бригаду. Луга отвели бригаде вдали от Утевки, и жить и ночевать пришлось прямо на валках сена. Илья в первый же день съездил на своем мотоцикле домой и привез баян. В бригаде, кроме Гани, была еще только одна девушка, или, скорее, девочка, Ксюша Гончарова — пятнадцатилетняя сильная и работящая школьница. Были еще две молоденькие бездетные вдовушки; остальные в счет не шли: пожилые, обремененные заботами женщины старались уйти на ночь в Утевку или сразу после ужина укрывались чапанами и засыпали мертвым сном...

В тот памятный вечер, когда в Ганиной жизни началась путаница и смятение, Илья примостился возле копешки сухого, колючего сена и развел мехи баяна. Ганя уже улеглась спать вместе с Ксюшкой. Но девчушка подтолкнула ее в бок шершавой ладошкой и требовательно прошептала: «Ступай, чего же ты!» И Ганя, удивляясь самой себе, поднялась и пошла.

Илья был не один, возле него сидели обе вдовушки. Илья подвинулся, Ганя села рядом с ним, и тогда Илья заиграл совсем по-другому, широко и певуче. Ганя поняла, что он играет для нее. Весь вечер она сидела прямо и безмолвно и слушала, слушала...

Так было и во второй вечер и в третий: Илья после ужина играл у копешек, а Ганя слушала. Вдовушки сидели с ними, пересмеиваясь и хихикая. Но однажды после шабаша они обе исчезли со стана, и Илья с Ганей очутились вдвоем под высоким, молчаливым и темным небом. Илья не говорил Гане ни одного слова, а только играл да исподлобья взглядывал на нее. Но Ганя уже знала: в этот вечер или в какой-нибудь из близких и неотвратимых вечеров на просторном сохлом лугу, над которым головокружительно струились запахи ночной земли, может надломиться ее девичья судьба.

Днем она с яростным усердием косила, а вечером, как привороженная, шла на звуки баяна, уже не ища себе оправданий. Никто из бригады не решался им мешать ни словом, ни взглядом: то было понятное для всех девичье дело Гани Логуновой. А Илья?.. Ну что же, должен же ведь остепениться и найти судьбу этот балованный парень, не вечно же ему жениховать!..

Две вдовушки не понапрасну «сбегали» в Утевку: они побывали у Натальи Ильинишны Логуновой, матери Гани, и, как они потом шепнули кое-кому из женщин в бригаде, «дали намек» насчет Ильи и Гани.

Наталья Ильинишна была в тот вечер одна в избе. Молча выслушав ехидно-сочувственную болтовню двух кумушек, Наталья смолчала и ничем не выдала своего волнения. Смолчала она и перед мужем, вернувшимся с поля, и только когда он уснул, потихоньку выбралась из постели и заметалась по избе, сухонькая, простоволосая, в длинной рубахе. Для себя, по-матерински, по-бабьи, она твердо поняла, что Гане приспело время ломать свою девичью жизнь и нет такой силы на свете, чтобы ее остановить. Не остановилась же она сама, Наталья, когда судьба столкнула ее с мадьяром Францем? А потом, позднее, поддалась же она сытому кулацкому сынку Прокопию Пронькину... И не только поддалась, но и возмечтала войти снохою в дом Пронькиных. Все это с ней было, хотя всю жизнь любила она одного только Николая, Николю, своего мужа. Но неужто и дочери выпадет такая же доля?

Мысль об Илье прибивала Наталью до земли. Если б хоть человек был, какой-никакой человек, а то ведь потаскун, пустобрех! Будь у нее сила, она бы, кажется, придавила его ногтем. Но нет у нее такой силы, и вот она мечется по избе, прикусив губу, чтобы не закричать. Куда ей идти, куда кинуться?

4

Утром, проводив мужа на покос, Наталья собралась было в бригаду Илюшки Бахарева, но дошла только до калитки и, подумав, вернулась. Она понимала, что ее неожиданный приход мог только унизить дочь, особенно в глазах кумушек. Оставалось одно, привычное, женское: ждать.

Ждать пришлось недолго. Дня через два она отправилась за реку, в кустарники, за валежником и, возвращаясь с вязанкой за спиною, вдруг издали увидела дочь.

Ганя, загорелая до того, что волосы у нее стали светлее кожи лица, босоногая и легкая в своем цветастом, выгоревшем на плечах и спине платьишке, шагала по пыльной дороге упругой, особенно ладной походкой, какой мать до того у нее не знала.

Наталья не окликнула дочь и все смотрела и смотрела на нее издали. По тому, как стремительно, даже гордо, прошла Ганя по мосту, даже и не глянув на белотелых студенток, что нежились на горячем песке, прикрыв лица косынками от солнца, по тому, какая Ганя стала особенная, красивая и легкая, мать поняла, что ночные тревоги ее не напрасны.

Ужинали всей семьей еще засветло. Ганя, румяная после баньки, говорила и смеялась, не умолкая, так что отец даже припомнил одно из ребячьих ее прозвищ — «колокóл».

— Чего это ты, дочка? — неопределенно спросил он, тоже, видно, приметив в Гане непонятную ее праздничность.— Иль хорошо у вас там?

Ганя порывисто обернулась к нему, глаза у нее сине сверкнули.

— Хорошо! Ой, как хорошо!

Николай Силантьевич глянул на жену, и та не выдержала и опустила голову: никогда не умела она лгать, тем более перед Николаем.

На что могла она решиться? Она все ждала: вот сама Ганя заговорит или хотя бы словечко обронит, тогда уж... Но что тогда? Меньше всего девушки советуются как раз с матерью, это она знала.

— Ты, гляди, не балуй там,— деликатно сказала Наталья, когда они улеглись вместе в сенях на широкой и жесткой постели.

— Нет, я не балую,— пролепетала Ганя: она наговорилась, нахохоталась, устала, и теперь на нее наваливался по-ребячьему стремительный сон.

Смысл материнских слов, однако, дошел до нее. Очнувшись от дремы, она встревоженно спросила:

— Что это ты, мама?

И вдруг цепко обняла мать, прижалась к ней пушистой головою и глухо, в подушку, повторила: «Мама! Мама!»,— а затем сразу же заснула, обмякнув на руке у Натальи. Вот и все.

На рассвете улетела, как на крыльях, в свою бригаду, а у Натальи пуще того разболелось сердце. Но надо было молчать и ждать.

Ждать на этот раз довелось совсем недолго: в одну из бессонных Натальиных ночей,

еще до свету, прибежала Ганя. Логуновы, по старой крестьянской привычке, не запирались на ночь. Ганя пробежала сени, ни за что не задев — в родительском доме всегда был нерушимый порядок,— и появилась в горнице, бесшумная, как тень. Наталью словно кто толкнул в сердце: беда! Она выскользнула из постели и подбежала к дочери.

— На печь пойдем,— тихо сказала Ганя, и зубы у нее вдруг лязгнули. Мать поняла: трясется.

На печи Ганя долго, молча, вся дрожа прижималась к матери.

— Папане не говори,— сказала она наконец сквозь стиснутые зубы, и сердце у Натальи опять стукнуло: беда!

— К чему говорить,— одышливо откликнулась она.— Не дрожи, дай-ка я тебя укрою.

Наталья нащупала руками старый мужнин полушубок и укрыла им Ганю. Затем крепко обняла ее.

— Бедная ты моя! — сокрушенно прошептала она.— Как же это ты?

— Сама не знаю...— Ганя порывисто вздохнула.— Сама не знаю. Если б завтра не ходить туда... Ведь встретимся... Ударю я его, маманя, или... плюну, или... Нет, нельзя не ходить! — с отчаянием закончила она.

— Только бы не затяжелела,— шепнула Наталья, и дочь вздрогнула всем телом, так, будто ударили ее наотмашь.

Она сбросила с себя полушубок и села. За нею мгновенно, словно подброшенная на пружинах, села мать.

— Иль неладно сказала? — с боязливой надеждой спросила она.

— Что это ты? — шепотом сказала Ганя и вдруг всхлипнула.— Вырвалась я... А если б не вырвалась... Мама, да что же это со мною было? И Гришу забыла, все женихом его считали... Моим женихом. А я и не вспомнила о нем, будто его и на свете нет!

Она повалилась на руки матери и только тут заплакала, мучительно стискивая губы, чтобы не разбудить отца. Ее сердце, видно, разрывалось от стыда и отвращения, а мать едва не закричала от радости: она прижимала к себе Ганину голову, а сама думала: «Слава богу, а я-то... дурочка! Нет, она не мне чета!»

— Если б до этого дошло...— Ганя скрипнула зубами,— я бы убила его! Ничего мне от него не надо. Нас с ним те вдовушки, поди, давно уж сплели. Вот и ты знаешь... Ведь сказали, да?

— Эка беда! — теперь дрожала мать, не в силах удержать радости.— Языки обрубить можно, а ему допреж всех. А матери как не знать: не скажут, так догадаешься сама. Не ходи ты завтра туда.

— А как же?..

— Я все сделаю, не думай, спи. Ну, спи!

Ласково понукая Ганю, она заставила ее лечь. Сидела над ней, пока та не задышала глубоко и ровно.

Тогда Наталья слезла с печи, накинула шаль и пошла во двор к деду Леске: почему-то она была уверена, что Илья ночует дома.

Пожилая и повидавшая всякого на своем веку, Наталья была человеком крайне недоверчивым и осторожным. Прежде чем до конца увериться в чем бы то ни было — в данном случае в невиновности Ильи,— она тщательно перебирала в уме все мыслимые стороны происшедшего.

Ганя, конечно, не лгала матери, она никогда не умела лгать. Но девушки чаще всего и сами не понимают, чего им надо. Уж не боится ли Ганя Илью, не тянет ли ее к нему сильнее, чем она про то думает?

Самая мысль эта перепугала и обозлила Наталью. Значит, еще может повернуться все на плохой лад... Чего стоит Илье переломить через колено еще одну девичью жизнь!

Пока она дошла до глухого Лескиного забора, злоба на Илью чуть не задушила ее.

Через огородную калитку она смело вошла в сонный двор Лески.

Небо с востока уже начало розоветь и светиться тем легким, играющим светом, который возвещает близкий восход солнца.

Первым, словно на зов, появился Илья. Она побежала к нему и, вся клокоча от ненависти, крикнула:

— Н-ну, жених незваный, негаданный, чего скажешь? Не налопался еще? Пустая ты балалайка! Петух!

Тут она шагнула вперед, и голос у нее перешел в свистящий шепот:

— Не знаю, чего между вами было... Только если полезешь... Скажешь кому хоть одно слово...— Она с неожиданной силой схватила парня за вздувшуюся на груди рубаху и рванула его на себя так, что он едва не упал. Лицо в лицо, так, что он видел только два ее глаза, пылавших темным огнем, она отчетливо сказала: — Обдам кипятком! Узнаешь, какая она, материнская рука!

И с той же непонятной силой оттолкнула его от себя. Он ударился о косяк двери и окончательно ошалел.

— На глаза ей нынче не попадайся! Из бригады возьму ее. Провались нынче, куда хошь, хоть сквозь землю, слышишь?

— Ну, слышу.

— Садись на свою трещалку и давай, куда хошь!..

В сенях послышались шаги. Наталья надвинула шаль на глаза и исчезла с быстротою необыкновенной, словно ее тут и не было. Илья остался один, злой и, более того, потерянный. Только теперь он заметил, что рубаха у него смята и словно пережевана на груди. Но он не решился даже выругаться и стоял на крылечке, пока солнце не ударило в глаза. Тут в сенях загремела ведрами мать, и он, не входя в дом, кинулся заводить мотоцикл...

Ганя не пришла на покос, и Илья беспрестанно ловил себя на том, что глядит на дорогу. Вдовушки попробовали подшутить над ним, но он сердито огрызнулся, и они замолкли. Мельком он поймал на себе испуганный взгляд Ксюшки и, скрипнув зубами, отвернулся. Никто ему не был нужен, кроме Гани, а ее нет.

Весь этот день, и следующий, и много дней подряд Илья был сосредоточенным, отчужденным от людей, непривычно молчаливым. Баян, завернутый в старую рубаху, недвижимо лежал в бригадном шалаше.

Чего только не случалось с Ильей раньше! И девичьи слезы для него были не в диковинку, и упреков он наслушался досыта, и парни из соседней деревни однажды поколотили его, и мать грозилась ремнем... Но не было еще случая, чтобы он оглянулся назад и хотя бы немного призадумался. А тут пришлось оглянуться. Он маялся и корил себя: «Баяном улещал, вальсами да польками, как всякую девчонку... а она не всякая. Ну, вот и погасил свою звезду...»

Как быстро, как непонятно все произошло! Одна неделя, несколько вечеров перевернули привычную жизнь бригадира. И не только из-за любви к Гане, не только из-за любви, но еще и из-за того, что Ганя успела сказать Илье много такого, чего никто ему не говорил. Сказала с колючей беспощадностью. Теперь эти колючки то и дело встревали в памяти, задевали, ранили, не давали жить и действовать с прежними, привычными повадками. Сколько раз без Гани он пытался распоряжаться с прежней грубостью, орать и ругаться,— слова застревали у него в горле. И сколько раз оглядывался он, как бы отыскивая Ганю! Ничего ему не нужно от нее, только бы перемолвиться словечком!

Целую неделю он не уезжал из бригады, косил вместе со всеми, ужинал возле костра. Мотоцикл, подернутый пылью, лежал на боку у дороги. Ганя так и не пришла. Видно, она вычеркнула Илью из памяти, как вычеркивают ненужную или ошибочную строку в тетрадке. И словно никогда не было вечеров возле душистой копешки сена, немой тишины степи, сияния высоких звезд и его, Ильи, игры на голосистом баяне! Так еще не поступала с ним ни одна девушка...

Жизнь Ильи и дальше могла бы катиться по той же привычной дорожке: не прошло и трех дней, как исчезла с лугов Ганя, а он стал ловить на себе долгие, выразительные, понятные ему да и всем остальным взгляды... девчонки Ксюшки Гончаровой!

Останься Илья прежним пустобрехом, он непременно подшутил бы над девчонкой, завел бы с ней мимолетную игру, хотя бы для виду, для собственной забавы. Но тут у него даже сердце захлестнуло от горечи. Ответить девчонке? Нет, не такой уж он бессовестный! И вот вечером, забрав свой баян, он уехал домой. Тут у него вышел необычный разговор с матерью. Они сели ужинать, и Илья, не поднимая глаз, спросил:

— Дала бы ты мне водки: поди, есть какая-нибудь заветная?

Мать глянула на него, что-то, наверное, поняла и молча поставила перед ним граненый полный стакан. Он выпил, закусил и, еще хрустя соленой капустой, сказал:

— Сходи, мать, к Гончаровой, к Оляше.— Он помолчал, ожидая вопроса, но Авдотья не произнесла ни слова, и у Ильи по-мальчишески захолонуло на душе: неужели и про это знает?

Он собрался с силами и сказал:

— Скажи Оляше, пусть Ксюшку свою заберет.— И не очень-то разборчиво, не очень уверенно добавил: — Не думай, я ни в чем не виноватый.

Авдотья отодвинула свою тарелку и вдруг выговорила Илье все, до последнего словечка, и так выговорила, что у него, захмелевшего и беспомощного, мороз по коже пошел. С трудом он удержался, чтобы не упасть головой на стол и не разреветься. По материнскому разговору выходило, что на Ганю он «замахнулся» зря, высоко залетел. Но если б по-доброму у них пошло, она, Авдотья, посчитала бы себя самой счастливой свекровью на свете: из такой семьи девушка, образованная, работящая!..

А Ганя Логунова, отсидев в избе почти трое суток, вышла наконец на улицу, остановилась возле своих ворот и не без робости огляделась. Ей казалось: вот сейчас все увидят, что у ворот Логуновых стоит повзрослевшая, полная горечи, новая Ганя. Наверное, и лицо у нее стало другое, как бы еще не спросили: «Ты чего, дочка, иль приболела?» Да, приболела, очень приболела...

Но улица была пуста, только женщина шла прочь от колодца с полными ведрами, устало покачиваясь под коромыслом, и Ганя никак не могла узнать по спине, кто это.

Дневной зной еще стоял в воздухе, и на дороге курилась горячая пыль.

Ганя смотрела на улицу и удивлялась: решительно ничего не изменилось вокруг. Сколько же людей жило и отжило под этими крышами, сколько всего тут отшумело, а избы стоят и стоят, такие же низенькие, немые, нахохленные, какими были в ее детские годы. Мир вещей, созданных человеком, выходит, прочнее самого человека. Но нет ли в этой долговечности вещей, в упрямой их прочности какой-то мстительной силы?

А вот овражек, весь седой от россыпей золы. Женщины со всей улицы сбрасывали сюда золу, и овражек от малейшего ветерка неспокойно дымился. Когда-то приносила сюда горячую золу молодая Авдотья Егорьевна Логунова, бабушка Гани, потом Наталья, ее мать. Зола семейного очага... Куда же, в какой овражек доведется ссыпать золу самой Гане?..

О первом учителе детей Ульяновых

Мариэтта ШАГИНЯН

Тот, кто вошел в дом директора народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова как первый учитель его старших детей, был своеобразным человеком со сложной биографией. Над нею сейчас работают немало педагогов-диссертантов. Звали этого первого учителя маленьких Ульяновых Василием Андреевичем Калашниковым, и в жизни его были наиболее интересны две страницы: первая и последняя.

Первая, когда молодой, еще не достигший двадцати лет учитель сам получил большой и яркий урок от Ильи Николаевича Ульянова, отца Ленина; и последняя, когда глубоким старцем доживал Калашников советским пенсионером в Смоленске свои последние дни.

Сколько знаю, в печати еще не были освещены эти «первая и последняя страницы» жизни человека, множество раз сидевшего за столом бок о бок с маленьким Ильичем, отвечавшего на его живые вопросы и вводившего его сестру и брата в начальные тайны грамматики и арифметики. Что же это был за человек?

Во второй половине тридцатых годов еще живы были замечательные педагоги-«ульяновцы», воспитанные отцом Ленина. Как известно, Илья Николаевич был назначен в 1869 году инспектором народных училищ Симбирской губернии, а в 1874-м — их директором,— и прежде всего огромное внимание обратил на подготовку кадров для народных школ, на воспитание самих учителей. Под непосредственным его руководством и при постоянном личном его участии работали двухлетние курсы для подготовки учителей, открытые в Симбирске в 1869 году при уездном училище, и организованная три года спустя Порецкая учительская семинария.

Мы знаем из архивных отчетов по Симбирской губернии, публиковавшихся в журнале министерства народного просвещения в 1870 и 1880 годах, что **«лучшими учителями в народных школах оказались бывшие воспитанники педагогических курсов, существовавших при Симбирском уездном училище...»**, то есть воспитанники и выученики Ильи Николаевича Ульянова. Но мы не знаем, к сожалению, — вернее, еще недостаточно потрудились собрать и обобщить — все те педагогические приемы, какими создавал и выращивал отец Ленина свою знаменитую армию «ульяновцев», несших в глухие заволжские села, в русские, чувашские, мордовские и татарские деревни свет первого народного образования. А между тем эти приемы не только исторически ценны, но и глубоко интересны сейчас для нашей советской педагогики, поучительны и сами по себе и тем принципом, какой лег в их основу и характеризует каждый из этих приемов и всю их совокупность. Принцип этот—постоянная связь **обучения с воспитанием.**

Илья Николаевич всегда и всюду — в бесконечных разъездах своих по губернии, беседуя с учителями, присутствуя в классе на уроках — не забывал личным примером или замечанием подчеркнуть эту связь, показать, что при передаче знаний (обучении) необходимо передавать ученику и нечто большее, нежели простую сумму знаний, а именно: раскрывать и связывать эти знания с чувством, воображением, поведением ученика, то есть давать ему одновременно и воспитание, усвоение культурных и нравственных навыков.

Когда я впервые прочитала в «Воспоминаниях о Ленине» Клары Цеткин слова Ильича о народном образовании, сказанные ей при личном свидании в Кремле в первые годы Октябрьской революции, я не могла не вспомнить о главном принципе Ильи Николаевича, пронизавшем всю систему его педагогических приемов. Вот эти слова Ленина: «Решающим фактором для преодоления и искоренения бюрократизма служит самое широкое образование и воспитание народа».

Илья Николаевич Ульянов.

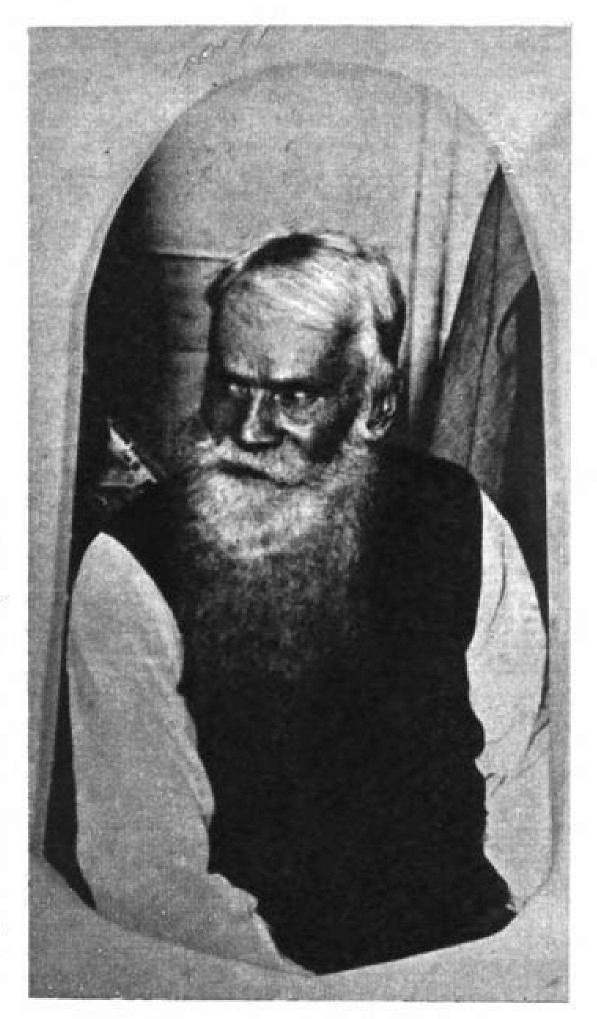
Объезжая как раз в тридцатые годы, когда еще многие «ульяновцы» были живы, отдельные волжские села и города, я собирала у этих глубоких стариков рассказы о педагогических приемах Ильи Николаевича. Так мне удалось сохранить кое-что от забвения и завязать переписку со старейшими «ульяновцами», главным образом чувашами, разбросанными по городам Сурску, Бугульме и другим.

Документ о конце жизни В. А. Калашникова я получила в дар из Бугульмы от «ульяновца»-чуваша Василия Никифоровича Никифорова (последнее перед смертью письмо Калашникова к Никифорову и его фотографическую карточку).

Документ о начале жизни В. А. Калашникова я получила уже позднее, в дар от Надежды Константиновны Крупской, знавшей о моей работе. Это было длинное письмо к ней другого «ульяновца» — Ивана Яковлевича Зайцева.

Начинаю поэтому свой рассказ именно с этого последнего письма.

Н. К. Крупская пишет мне о Зайцеве (6 октября 1937 года), что ему 77 лет, он «отличник-просвещенец», учительствует в Полево-Сундырской неполной средней школе Батыревского района, Чувашской АССР, имеет звание Героя Труда, большой общественник, бывший за свою советскую жизнь и председателем союза работников просвещения, и членом сельсовета, и т. д.

Василий Андреевич Калашников.
Снимок 1930 года.

«Иван Яковлевич — сын батрака. С 8 до 13 лет пас гусей. Страстно хотелось ему учиться, и он бежал потихоньку от отца из дома, чтобы поступить в школу. Два дня пробирался до Симбирска и, хотя опоздал к началу занятий, но все же поступил в школу, благодаря Илье Николаевичу Ульянову, который пожалел мальченку».

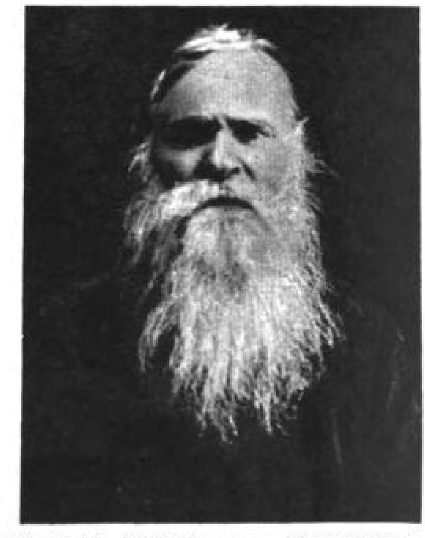
Дальше Надежда Константиновна переходит к письму самого Зайцева.

В школе, куда попал Зайцев, учителем был еще совсем молодой Василий Андреевич Калашников. И вот в первый же год, когда мальчик Зайцев сел на школьную скамью, приехал к ним в школу на урок арифметики сам директор — Илья Николаевич Ульянов.

«После обеда, — пишет Зайцев,— ученикам была дана самостоятельная письменная работа... Учитель задал тему «Впечатление сегодняшнего дня». При этом он объявил, что мы можем писать о любом случае из своей школьной жизни... Все ученики... призадумались, подыскивая подходящую тему... Мне не пришлось долго искать... так как у меня не выходило из головы посещение урока... директором Ильей Николаевичем и его объяснение плана решения задачи. Я и решил писать об этом. Я написал: «Сегодня, в 9 часов утра, во время урока математики, пришел к нам г. директор, Илья Николаевич. Вызвали меня к классной доске и задали задачу, в которой несколько раз повторялось слово «гривенник». Я записал задачу, прочитал ее и стал планировать ход решения. Г. директор, Илья Николаевич, задал мне наводящие вопросы, и тут я заметил, что Илья Николаевич чуточку картавил и слово «гривенник» выговаривал «ггивенник». Это врезалось мне в голову и заставило думать: «Я ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он директор, такой большой и ученый человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг». Далее я писал о кое-какой мелочи и на этом кончил сочинение. Дежурный собрал тетради и сдал учителю В. А. Калашникову. Через два дня... нам раздали наши тетради. Все бросились смотреть отметки... Учитель Калашников умышленно оставил мою тетрадь у себя. Потом, швырнув мне тетрадь в лицо, с возмущением сказал: «Свинья!» Я взял тетрадь, раскрыл ее и увидел, что мое сочинение перечеркнуто красным крестом, а в конце его стоит отметка «0» — ноль. Потом подпись. Я чуть не заплакал. Слезы выступили из глаз».

И тут опять в классе появился Илья Николаевич.

«Поздоровались и продолжали работу. Илья Николаевич ходил

Василий Никифорович Никифоров.
Снимок 1938 года.

между партами, кое-где останавливался, наблюдая за работой. Дошел и до меня. Увидел на моем прошлом сочинении **красный косой крест** и отметку ноль, положил одну руку мне на плечо, другой — взял мою тетрадь, стал читать. Читает и улыбается. Потом подозвал учителя, спросил: «За что Вы, Василий Андреевич, наградили этого мальчика орденом красного креста и огромнейшей картошкой? Сочинение написано грамматически правильно, последовательно, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное — **написано искренне** и вполне соответствует данной Вами теме». Учитель замялся, сказал, что в моем сочинении **есть** места, не совсем удобные для начальствующих, что будто он... Директор И. Н. Ульянов, не дав ему договорить, перебил его и сказал: «Это сочинение — одно из лучших. Читайте заданную Вами тему: **«Впечатление сегодняшнего дня»**. Ученик написал именно то, что произвело на него наибольшее впечатление во время прошлого урока. Сочинение отличное».

Потом он взял мою ручку и в конце сочинения написал: «Отлично» — и подписался: «Ульянов».

Этот случай я никогда не забуду: его нельзя забыть. Илья Николаевич доказал, насколько он был добр, прост, справедлив».

В. А. Калашников, тогда еще совсем зеленый юноша, обнаружил перед отцом Ленина старое, чиновничье отношение к «начальству», то ненавистное Илье Николаевичу чинопочитание, которое он энергично изгонял из народных училищ. Как живой, встает перед нами Илья Николаевич в бесхитростном рассказе Зайцева. Но и молодой учитель Калашников встает в этом рассказе, как живой. Он еще не побывал на выучке в организованной Ульяновым семинарии или на педагогических курсах: ведь курсы были созданы только осенью того учебного года, когда произошел рассказанный случай, а семинария — лишь спустя три года. Но первый ульяновский урок уже был дан Калашникову, дан самим директором народных училищ, и мы легко можем представить себе, какое сильное впечатление произвел этот урок на молодого учителя, как отличался он от всего, что приходилось Калашникову слышать и усваивать раньше от «власть имущих». Таково было начало педагогической деятельности Калашникова, через несколько лет ставшего первым учителем детей Ульяновых.

Спустя много десятков лет, в 1935 году, один из старейших «ульяновцев», учитель чувашской школы В. Н. Никифоров, написал Калашникову, доживавшему свои дни в Смоленске, письмо с просьбой сообщить, кого из старых сослуживцев или учеников сохранил он в своей памяти и как живет и здравствует он сам. В. А. Калашников ответил ему 10 февраля 1935 года. Как и все «ульяновцы» и не в пример многим другим старикам его лет, он свободно пишет новой орфографией, тонким и острым почерком с наклоном направо и без особенных следов дряхлости:

«Дорогой Василий Никифорович! Время давнее — 60 лет тому назад — Вы напомнили мне, но некоторые лица и события глубоко запечатлелись в памяти».

Он вспоминает своих учеников и обстоятельства их жизни, говорит о том, как «болел грудью» в молодости — и это помешало ему достигнуть желаемого (вероятно, высшего образования и специализации) — и, наконец, о своей старости, ставшей в советскую эпоху такой светлой и радостной.

«Зато теперь я, верно, слишком поднял тон на счет своего здоровья, так что для восстановления истины этот тон я должен понизить. Во-первых, 80 лет мне исполнится только наступающей весной, а теперь мне еще стыдно равняться с действительными стариками, которые ведут за собой молодежь в полевых работах и переходах пешком; во-вторых, у меня уже нередко чувствуется старость в ногах. Так что физически я уже накренился, но, благодаря моей счастливой внутренней жизни, я чувствую как бы какой-то каркас, который и поддерживает во мне фигуру еще годного на что-то человека... В Москве я был в последний раз в 1929 году. При встречах сестры (имеются в виду сестры Ленина. — **М. Ш.**) весьма ласковы. С Анной Ильиничной мы отвели душу в воспоминаниях далекого Симбирска... До 29-го года я имел общественную нагрузку: работал в О. Д. Н. (общество «Долой неграмотность».—**Ред.**), но заболел сам, а потом моя жена и я уже отстали от общественной работы. Вот уже 4 года, как умерла жена и я остаюсь в стороне от всякой общественности. Иногда только приглашают в школы, к пионерам и разным организациям, провести беседу о детстве Вл. И. Ленина — вот и вся моя деятельность. Посылаю вам свой портрет в группе пионеров в санатории у нас под Смоленском. Бледный снимок, но хорошо говорит за меня. Справа вожатая и врач, все остальные пионеры лагеря. Это, конечно, только часть пионеров — их было 400 человек».

Снимок с пионерами, о которых с такой гордостью пишет первый учитель Владимира Ильича, да и все его письмо—прощальный привет старому другу перед близкой смертью (Калашников умер через два с половиной месяца после написания этого письма: 26 апреля 1935 года) — хорошо говорят за него. Урок, полученный юношей от Ильи Николаевича на заре его педагогической деятельности, не прошел для Калашникова даром. И какая чудная, светлая старость у этого 79-летнего человека, на долю которого выпало великое счастье — получить урок от отца Ленина и заниматься с сестрой и братом Ленина, постоянно встречаясь при этом и с маленьким Лениным! Он еще не чувствует себя вправе называться стариком в Советской стране, где люди старше его, шагнувшие за восьмой десяток, ведут за собой молодежь в полевых работах...

Всего два документа, но они так исторически конкретны, что на основании их встает живой образ и проходит целая человеческая жизнь, до мелочей связанная со своим временем и обстановкой. Художнику легко было бы воскресить на основе только двух документов цельный портрет человека. И это большой урок для искусства, помогающий художнику учиться у жизни, у документа той кровной связи исторического прошлого со своим современником, без понимания которой нет и не может быть и глубокого проникновения в современность.

МУЖЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Гарри **ПОЛЛИТ**

Эту статью о 40-й годовщине движения «Руки прочь от России!» я пишу из Англии. Невольно мысль обращается назад, к тем дням, когда зародилось это яркое и мужественное движение английских рабочих.

В сердцах людей моей страны жила огромная симпатия к русским рабочим и крестьянам, совершившим Октябрьскую революцию. Это чувство солидарности принимало разнообразные формы и особенно сказалось после того, как английское правительство начало проводить политику вооруженной интервенции против Советской России. Но тогда бушевала первая мировая война, и наш рабочий класс не мог делать все, что хотел бы, чтобы в более ощутительных формах продемонстрировать свою дружескую поддержку русским товарищам.

Война кончилась. Среди рабочих нарастало недовольство. В январе 1919 года оно вылилось в ряд стихийных забастовок — в Лондоне, Белфасте, Глазго, Саутгэмптоне. Медленный ход демобилизации из армии вызывал брожение среди солдат: больше всего они не хотели отправляться за границу для участия в вооруженной интервенции против русского народа. Газета «Таймс» вынуждена была писать о том, что в воинских частях происходят демонстрации в Дувре, Фолкстоне, Чатаме, Брайтоне, Бристоле и других местах.

В начале января 1919 года было выпущено обращение к товарищам, связанным с Британской социалистической партией. В обращении речь шла о созыве конференции, которая положит начало национальному движению под лозунгом «Руки прочь от России!». Конференция эта состоялась 18 января в Лондоне. Я имел честь присутствовать на этой конференции: меня делегировало отделение Британской социалистической партии в Опеншо.

Сам я в то время был секретарем Лондонского районного комитета союза котельщиков и руководил забастовкой всех судоремонтных рабочих Лондонского порта. На конференции, где зарождалось движение «Руки прочь от России!», присутствовало 350 делегатов; у меня в памяти сохранилась атмосфера огромного подъема, царившая на этом собрании. Мне поручено было внести следующую резолюцию:

«Конференция рядовых делегатов от английских и ирландских рабочих и социалистических организаций постановляет объявить всеобщую забастовку и применить все методы агитации во всех областях общественной деятельности с тем, чтобы начать забастовку в день, назначенный конференцией, если только к этому времени не будет сделано официальное заявление о немедленном и безоговорочном прекращении интервенции союзных держав против России — как непосредственно, то есть силой оружия, так и косвенно, путем экономической блокады, поставки вооружения, денег или других средств внутренним врагам большевистского правительства. Борьба и агитация будут продолжаться вплоть до ожидаемого объявления и пока мы не убедимся в правдивости этого заявления о прекращении интервенции».

В резолюцию был внесен ряд поправок Т. Л. Смитом, делегатом от Рабочего производственного союза в Глазго, которого поддержал Артур Мак-Манус от Рабочего комитета Клайда, а также Сильвией Пэнкхерст — от имени Рабочей социалистической федерации; ее поправка требовала отозвания английских войск из Германии. После обстоятельной дискуссии резолюция была принята с некоторыми поправками.

Конференция потребовала также, чтобы правительство дало возможность отправить в Россию делегатов, которые получили бы из первых рук информацию о происходящих там событиях.

Вскоре идея движения «Руки прочь от России!» охватила всю страну. Был создан национальный комитет, в который вошли выдающиеся деятели рабочего и профсоюзного движения. Этот комитет не покладая рук вел агитацию за прекращение политики вооруженной интервенции, за признание Советского правительства, за установление торговых отношений с Советской Россией.

Из движения «Руки прочь от России!» родилась знаменитая забастовка лондонских докеров, отказавшихся грузить на пароход «Джолли Джордж» боеприпасы для борьбы с русской революцией.

Мужественные выступления рабочих привели к тому, что английское правительство вынуждено было отказаться от продолжения вооруженной интервенции.

Движение «Руки прочь от России!» во многом способствовало укреплению уз солидарности между трудящимися Англии и Советской России. Эта солидарность живет и крепнет в наши дни, когда перед народом обеих стран стоит одна и та же великая задача: отстоять мир, преградить дорогу войне.

Со времени событий, о которых я пишу, прошло уже 40 лет. Но я всегда буду считать свою работу в качестве национального организатора движения «Руки прочь от России!» одной из самых плодотворных форм деятельности, которую я имел честь вести в английском рабочем движении.

Из Роберта Бернса

С. МАРШАК

Гравюры В. РОСТОВЦЕВА

* * *

Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни—фермерскую дочь.

Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.

Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там дочь с отцом живут вдвоем
В укромном домике своем.

Богат, миледи, ваш убор —
Шелками вышитый узор.
А Дженни в платьице простом
И без шелков пленяет взор.

Она гибка, она легка,
Она стройнее тростника,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках счастливых синих глаз.

Миледи в бархате, в шелку
Подобна пышному цветку.
Но нам дарит блаженства час
Та, что всего милей для нас.

Предвыборная баллада[1]

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия?

При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?

Вот мистер Ге́рон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?

При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом
И тем, что сердцем честен.

Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Сѐлькерк любит светский круг,
Как Сѐлькерку пристало.

При всем при том,
При всем при том
К чему нам род старинный?
Не лорда в Лондон мы пошлем
Пошлем мы гражданина!

Не в званьях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!

К нам едет хлыщ из-за холмов
С мошной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.

При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаям,—
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!

За дело Стю̀артов[2], друзья,
За Ге́рона и прочее.
Ему мы все — одна семья —
Доверим полномочия.

При всем при том,
При всем при том
Не кошельку, не знати —
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!

---

[1] Стихи эти написаны Робертом Бернсом к выборам, во время которых боролись за место в парламенте представители тори и вигов.
[2] Сторонниками изгнанной династии Стюартов — «якобитами» — были во времена Бернса многие ревнители шотландской независимости. О Бернсе говорили, что он из якобитов стал якобинцем.

Карл и Роза

К сорокалетию со дня убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург

Вилли БРЕДЕЛЬ

XX век — век побед социализма. Начало этим победам положил Октябрь в России. Сегодня, спустя четыре десятилетия, гордые знамена социализма развеваются на Эльбе и Янцзы, на Дунае и на Тихом океане.

Насколько меньше крови пролило бы человечество, если бы в Германии в 1918 году победили рабочие и создали бы, как в России, государство рабочих и крестьян! Из рядов рабочего класса Германии были вырваны в те дни вожди, ясно видевшие историческую цель. А вожди правых социал-демократов, которые уже в 1914 году изменили социализму, помогли бросить трудящихся в мясорубку империалистической войны, теперь содействовали торжеству контрреволюции, за которой пришли фашизм и вторая мировая война.

Веймарская республика стала гибнуть уже на другой день после победы ноябрьской революции 1918 года в Германии. Союз милитаристов и социал-демократов дал свои трагические плоды: рабочие и солдаты были лишены власти, тысячи честных рабочих, солдат, матросов были убиты озверевшими реакционерами. Среди жертв разнузданного террора милитаристов были и признанные вожди немецких революционных рабочих — Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Карл Либкнехт единственный среди социал-демократических депутатов голосовал 2 декабря 1914 года против предоставления военных кредитов кайзеровской Германии. За это в 1915 году его пытались исключить из социал-демократической фракции рейхстага, затем он был призван в армию и послан на фронт.

Во время войны впервые нелегально была создана в Германии организованная революционная оппозиция — группа «Интернационал». Позднее она получила славное название «Союз Спартака». Ее ведущими руководителями были Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Вильгельм Пик.

Первого мая 1916 года «Союз Спартака» организовал в Берлине демонстрацию. Солдат Карл Либкнехт в разгар бушующей империалистической войны бросил в народ свой знаменитый призыв «Долой правительство, долой войну!». Он был схвачен и посажен на четыре года и один месяц в каторжную тюрьму. Но его призыв отозвался тысячеголосым эхом. Это была искра, из которой разгорелось пламя.

Члены спартаковского союза с огромным воодушевлением приветствовали победу Великой Октябрьской социалистической революции. Победа рабочих и крестьян в России пробудила политическую активность революционных рабочих Германии, вселила в них веру в победу.

1918 год... Уже отчетливо стало вырисовываться, что империалистическая Германия проигрывает войну. По всей стране прокатывались бурные массовые забастовки. Положить конец бессмысленной бойне, свергнуть кайзеровское правительство, добиться правительства трудящегося народа — такова была цель, которую поставил перед собой рабочий класс Германии.

Нелегальная конференция «Союза Спартака» 1 октября 1918 года призвала рабочих свергнуть правительство войны. В этом же месяце кайзеровские власти вынуждены были под усиливающимся нажимом масс освободить Карла Либкнехта из тюрьмы. А вскоре грянула революция. 9 ноября Карл Либкнехт с балкона кайзеровского дворца провозгласил Германскую социалистическую республику. Назавтра руководитель социал-демократии Фридрих Эберт вступил в тайный сговор против республики с Гинденбургом и генералом Гренером.

Утопить революцию в крови так быстро, как мечтали Фридрих Эберт и его сообщники, не удалось. Пламя революции охватило весь народ. Популярность Карла Либкнехта среди берлинских рабочих все возрастала. Но сказалось то, что вождь революционных рабочих слишком поздно порвал с социал-демократами. Не было в те дни единой боевой революционной партии пролетариата, такой, которая уже давно была создана Лениным в России.

Коммунистическая партия Германии создавалась в огне революции во время ожесточенных боев с контрреволюцией. Первый съезд партии проходил в Берлине с 30 декабря 1918 года по 1 января 1919 года. На съезде была принята революционная программа.

Милитаристы, юнкеры и монополисты, нашедшие поддержку у вождей правых социал-демократов, учуяли в создании Коммунистической партии Германии огромную для себя опасность. Они решили спровоцировать государственный переворот и залить землю Германии кровью революционных рабочих.

4 января 1919 года «правительство народных представителей», состоявшее из одних социал-демократов, отстранило от должности берлинского полицей-президента левого социал-демократа Роберта Эмиля Эйхгорна. Рабочие Берлина потребовали оставить Эйхгорна на его посту и захватили здание полиции.

Правые социал-демократы призвали на помощь кайзеровских генералов. Эберт и Носке требовали «решительных мер». Кто-то крикнул социал-демократу Носке: «Тогда сделайте это вы!» Носке ответил: «Что ж, кто-то должен стать кровавой собакой!»

Жребий был брошен. Эти иудины слова яркой вспышкой осветили всю трагедию ноябрьской революции, всю глубину предательства Германии правыми социал-демократами. Носке и Эберт передали всю власть в Берлине в руки реакционного генерала фон Лютвица. Несколько дней продолжались бои на улицах столицы. Вооруженные рабочие героически защищались. При попустительстве социал-демократического правительства в эти дни на улицах были расклеены плакаты с призывом убить Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

...Гнусное преступление свершилось. Завербованное Эбертом и Носке милитаристское отребье выполнило свою палаческую работу... Вот скупые слова судебного протокола... В них каждая строка говорит о мерзком предательстве вдохновителей и звериной жестокости исполнителей.

«В то время, когда Карла Либкнехта конвоировали к машине, солдат Рунге ударил его дважды сзади по голове. Карл Либкнехт впал в полубессознательное состояние. Офицеры, стоявшие вокруг Либкнехта, не препятствовали этому...

Машина шла в направлении Шарлоттенбургского шоссе. В том месте, где дорога была почти не освещена, она остановилась... Либкнехта, который еще не пришел в себя от полученных ударов, спросили, может ли он идти. Двое поддерживали его справа и слева, двое шли спереди и сзади, все с пистолетами и ручными гранатами наготове. Не успел Либкнехт сделать несколько шагов, как был расстрелян якобы при попытке к бегству. Первым выстрелил капитан фон Пфлюк-Гартунг. После этого машина двинулась дальше. Труп, никем не опознанный, был доставлен на пункт скорой помощи при Зоологическом парке.

...Когда Розу Люксембург проводили через главный ход отеля, у дверей стоял все тот же Рунге. Капитан Петри отдал приказ позаботиться о том, чтобы Люксембург ни в коем случае не была доставлена в тюрьму живой.

Когда фрау Люксембург проходила через двери, Рунге ударил ее два раза по голове. Она упала. Водитель машины, старший лейтенант Фогель, не пошевельнулся. Люксембург втолкнули в машину. Как только машина тронулась, какой-то человек вскочил в нее сзади и ударил Розу Люксембург по голове чем-то тяжелым. По дороге старший лейтенант Фогель выстрелил ей еще раз в голову. Машина ехала вдоль канала и Зоологического сада. У канала стояла группа солдат. Машина остановилась. По приказу Фогеля солдаты выбросили труп в канал».

На открытом процессе убийцы были осуждены, но потом, как это происходит и в наши дни в Западной Германии, при содействии своих реакционных покровителей скрылись от возмездия.

Сегодня существует Германская Демократическая Республика — государство немецких рабочих и крестьян. В ней воплотилось то, к чему стремились сорок лет назад Карл Либкнехт и Роза Люксембург и за что они отдали свою жизнь.

В своей последней статье в «Роте Фане» от 15 января 1919 года, в день своей гибели, Карл Либкнехт написал пророческие слова:

«Бурно, к самому небу вздымаются волны исторических событий. Нам не впервые, поднявшись на гребень волны, оказываться отброшенными назад. Но корабль наш мужественно и гордо держит свой верный курс вперед — к цели. И если мы и не останемся в живых, когда она будет достигнута,— все равно наша программа будет жить, она овладеет освобожденным человечеством, несмотря ни на что».

Декабрь 1918 года. Руководители «Союза Спартака» перед учредительным съездом Коммунистической партии Германии.

Рисунок из журнала «Берлинер иллюстрирте».

Они работают в коллективе коммунистического труда. В первом ряду (слева направо): Федор Щербаков, Эмма Питкевич, Анатолий Гончаров, Владимир Живодров, Петр Чаплыгин; во втором ряду: Михаил Рогожин, Николай Мурадьян, Анатолий Степанов, Степан Водолазко.

— Славное вы носите имя: люди коммунистического труда! — говорит коммунист Хрисанф Павлович Чернокозов комсомольцу Володе Живодрову.

Они добывают солнце

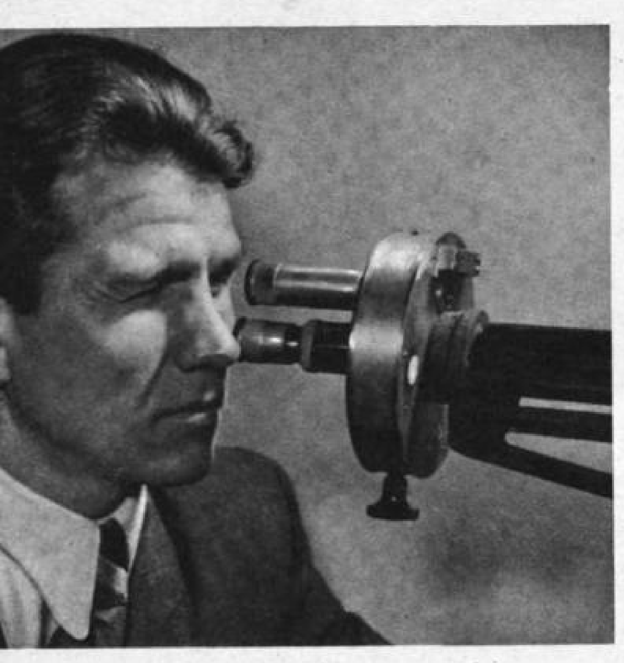
Т. ЯКОВЛЕВ

Фото Я. РЮМКИНА.

С верхнего снимка вам улыбаются девять человек. Это рабочие-нефтяники участка коммунистического труда третьего промысла «Старогрознефти». У них хорошее настроение. Вместе со своими товарищами, которые в этот час заняты на вахте, они принесли в подарок XXI съезду партии две тысячи тонн нефти сверх плана. Можно понять радость этих людей.

В Соленую балку, где раскинулся участок, однажды заглянула комсомольская рейдовая бригада по борьбе с потерями нефти. Комсомольцы, приехавшие из города, шли от скважины к скважине, придирчиво всматривались, нет ли где нефтяных луж, как сложены трубы, штанги и прочее хозяйство, останавливались у белоснежных резервуаров-мерников.

— Кажется, здесь нам делать нечего, даже

У Федора Щербакова сегодня лабораторные занятия в институте.

запаха нефти не слышно, — сказал молодой инженер, возглавлявший бригаду.

— Нет, мы пришли сюда не напрасно, — возразил другой, — есть чему поучиться.

И рейдовая бригада продолжала свой путь от вышки к вышке.

Потом, прощаясь с начальником участка Анатолием Гончаровым, руководитель бригады заметил:

— Мне кажется, вы здесь добываете не нефть, а солнце.

Когда нам довелось ближе познакомиться с молодыми рабочими, то представилось, что в этих словах глубокий смысл. Солнце — это свет, тепло, радость людям. Оно дороже золота. Анатолий Гончаров и его друзья, стараясь добыть больше нефти, знают: нефть — это тракторы и комбайны, идущие по полям, самолеты, летящие в небе, лампы, зажженные в домах. Это каучук и пластические массы, шерсть и шелк.

На субботнике.

В промысловом управлении «Старогрознефти» за третьим участком утвердилась слава беспокойного. Не потому, что в Соленой балке стихийно вырываются из земных глубин нефтяные фонтаны. Нет! Из нескольких десятков действующих скважин, которые мы видели, фонтанировала лишь одна. Иная причина породила славу коллектива. Есть энергия более мощная, чем напор вод и газов, — сила творчества людей, одухотворенных великой целью.

Во многом задает тон третий участок. В справочниках строго регламентировались обязанности операторов, электриков, ремонтников, газовиков. Коммунисты и комсомольцы третьего участка решили, что так не годится. «Надо, — сказали они, — чтобы каждый рабочий был мастером на все руки». Люди дела, они задуманное претворили в жизнь, учились друг у друга: промысловики у исследователей, а те и другие постигали мастерство электриков и газовиков.

Слесарь подземного ремонта Щербаков брал уроки у плотника Михаила Рогожина, а Рогожин учился операторскому искусству у коммуниста Петра Чаплыгина.

Сюда приходят с других участков и промыслов посмотреть, что же умножает силы небольшого коллектива, который с меньшим количеством людей справляется с большими работами. Приходят и убеждаются: силы умножаются знаниями.

Если оператор по добыче Анатолий Степанов, обходя скважины, заметит, что уменьшается приток нефти, он сам причину найдет и в ремонте поможет. Каждый, кто работает на участке, владеет четырьмя, а то и пятью профессиями! Но дело не только в совмещении профессий, а и в стремлении каждого человека в любую минуту, днем и ночью прийти на выручку товарищу. Нам рассказали о таком случае.

Уже знакомый нам Федор Щербаков около полуночи сменился с вахты и вместе со своим товарищем пошел в операторскую комнату. Было холодно, да и с трубами пришлось повозиться, ребята устали и с удовольствием ду-

мали о предстоящем отдыхе. Вскоре пришел в операторскую их товарищ Дмитрий Мещеряков и сообщил, что на другой скважине выходит из строя насос.

— Я решил следующей смены не ждать, пойду поработаю, — сказал Дмитрий.

Тогда поднялся со своего места Щербаков.

— И я с тобой.

До рассвета трудились, пока не сменили насос.

Настоящая, большая человеческая дружба связывает людей. Они творцы и потому, что вкладывают в дело душу, и потому, что всегда ищут и всегда учатся. Речь идет не о порыве, а о систематических и глубоких знаниях, которые достаются ценой упорства и прилежания. Сказывается сила примера коммуниста начальника участка Анатолия Гончарова. Он студент-заочник нефтяного института. В этом же институте учатся операторы Федор Щербаков, Эмма Питкевич—каждый пятый. А остальные—

Начальник участка Анатолий Гончаров.

в техникуме, в школе рабочей молодежи, на курсах мастеров.

В маленькой комнатке штаба участка можно, когда наступает вечер, увидеть, как склонились над книгами головы людей; кажется, что это консультационный пункт заочного вуза.

И Николая Мурадьяна мы однажды застали за необычными занятиями. На соседнем участке он внимательно слушал объяснения старшего инженера диспетчерской службы телеуправления скважинами В. Н. Евдокимова. Мурадьян изучает новую технику. Телеуправление облегчит труд оператора, ему не придется вышагивать ночью от вышки к вышке, чтобы удо-

Скоро новоселье. Оператор Михаил Рогожин на строительстве дома.

Оператор Петр Чаплыгин может быть и сварщиком.

У пульта телеуправления скважинами старший инженер В. Н. Евдокимов и Николай Мурадьян.

стовериться, все ли в порядке, хорошо ли работает качалка. Все он увидит на экране.

На промысле говорят, что в Соленой балке работающий коллектив заслуженно получил почетное звание бригады коммунистического труда. Нефтяники третьего участка с охотой берутся за любое дело, каким бы сложным оно ни было. Уважение человеческого достоинства, любовь к труду и дух товарищества, которые живут в дружном коллективе, находят множество проявлений.

Замерщица Анна Курушина одна воспитывает своих детей. Товарищи знают — ей трудно, и помогают теплым словом, и не только словом. Вот они пришли после работы домой к Курушиной, посмотрели: комната требует ремонта. В следующий выходной день сообща отремонтировали комнату. Так поступают близкие друзья, люди одной семьи.

Доброжелательное отношение — это и требовательность. Зайдите в красный уголок, любовно убранный, почитайте стенные газеты. Кое-кому достается. И не только за промахи на производстве. Как-то поспорили двое и вышли за рамки приличия. Тут их участковый «Крокодил» и подцепил «на вилы». И еще: стенная газета, вывешенная довольно далеко от домашнего очага одного из работников участка, напоминает ему: нужно быть внимательным к семье.

Недавно нефтяники принимали дорогого гостя. Хрисанф Павлович Чернокозов, член обкома партии, приехал посмотреть, как они живут и трудятся, поздравить с присвоением звания коллектива коммунистического труда.

Старый коммунист любит молодежь. Грозненские комсомольцы частенько видят Хрисанфа Павловича и в школах и в домах культуры. Еще в царском подполье боролся он за рабочее дело. Поэтому ему так приятно и радостно видеть счастливые юные лица, окружившие его.

Но о чем задумался в эту минуту старый большевик, друг Николая Островского, о котором так сердечно написано в книге «Как закалялась сталь»? Он взял из рук комсомольца-оператора Владимира Живодрова, сына потомственного нефтяника, грамоту, полученную коллективом участка, и рассматривает ее.

Может быть, Хрисанф Павлович вспомнил о той ночи, когда он, такой же юный, как Володя, размножал листовку с революционной песней, звавшей на бой, или о тюрьмах и этапах, через которые пришлось идти, или о желанной победе — о первой пятилетке, выполненной нефтяниками в два с половиной года? Об этом подвиге Хрисанфу Павловичу всегда напоминает орден Ленина, который он бережно хранит. А может быть, старый коммунист мысленно перенесся к тем уже далеким дням, когда ему так полюбился юный комсомолец, человек с большим и горячим сердцем — Николай Островский?

Какой огромный смысл в том, что старый коммунист по-отцовски благословляет молодое племя.

На высоком берегу Москвы-реки, в красивейшем месте нашего Подмосковья, стоит дом, в котором жил и работал последние годы своей жизни писатель М. М. Пришвин.

Дом в деревне Дунино под Звенигородом посещают многочисленные туристы, любители природы и читатели. В этом доме продолжается литературная жизнь писателя, несмотря на то, что прошло уже пять лет со дня его смерти. Здесь ведется работа над большим литературным наследием М. М. Пришвина. Благодаря этому в недавно выпущенном шеститомном собрании его сочинений два последних тома содержат новые, неизвестные до сих пор читателю произведения. Это лишь небольшая часть того, что со временем станет достоянием нашей литературы. Среди этого материала большой интерес представляют дневники, которые писатель вел в течение полувека.

Ниже печатаются записи из неопубликованных дневников писателя.

В. ПРИШВИНА

Дом М. М. Пришвина.

Неопубликованные записи

М. ПРИШВИН

Никогда не останавливался перед чем-нибудь только из-за того, что другие за это брались и среди них были люди, может быть, и способней тебя. Это неверно! Твой кончик счастья виден только для тебя, и за него потянуть можно только тебе одному.

Вот отчего хороший грибник не боится народа в лесу: он верит, что твой гриб от тебя никуда не уйдет, и никто твоего гриба не заметит. И хороший охотник не боится чужой стрельбы, напротив. «Стреляют, — думает он, — значит, там-то и дичь».

Так идет счастливец на гам и стрельбу; и оттуда на него прямо и зверь. Недаром же говорят: «На ловца и зверь бежит».

О

Мы, человечество, как отдельные корешки, питаемся одним общим стволом, и если я о чем-нибудь догадаюсь в себе, то это значит и для других корешков; вот почему когда писатель говорит о себе, то говорит и о другом.

О

Смерти, конечно, все живое боится и бежит от нее. Но когда надо постоять за такое, что больше себя (есть это!), человек, схваченный смертью, говорит: помирать собираешься — рожь сей! И сеет ее для тех, кто будет после него, и так подает руку другим, и по мостику своего жизнетворчества, как по кладям над смертью, потом перейдет в жизнь будущего.

О

У каждого яблока на одной и той же яблоньке такое разное выражение. Есть яблоко умное, выглядывает из-за листика выпуклиной своего лобика, а есть наверху любимое мое круглое, с круглыми дольками, всегда мне сверху весело смеется. И, бывает, я даже ему пальцем погрожу и скажу...

Нет, нет, благодарю за язык мой, спасающий меня от тяжелого молчания, вызывающий мне друга даже из яблоньки.

О

Как неверно сравнивают пустое слово с водой! Ни с каким физическим явлением нельзя сравнить словесное извержение: в природе и вода и все работает, а у человека слово просто выходит и проходит.

О

Нашли орех, расколотый надвое, как будто его по линеечке пилой срезали, и ученые много думали: какой зверь мог так ровно разделить орех? Белка не могла, от белки скорлупа рваная, соня орешковая, такая маленькая, тем более не могла захватить орех целиком в рот и распилить. Нечего говорить о мышах, полевках и землеройках величиной почти в наперсток.

Известный зверь ни один не мог распилить орех на две половинки, а может быть, есть какой-нибудь неизвестный? Нет, все звери в лесу нам известны.

Тогда пришел простой человек и сказал:

— Леший грыз!

А когда все засмеялись над его словами, он всех ученых окинул насмешливым взглядом и сказал:

— А если неизвестных зверей в лесу нет и в лешего не верите, то ведь нетрудно и догадаться, отчего раскололся так ровно орех.

— Отчего?

— Нажало спелое зерно изнутри. Очень просто, орех сам раскололся.

О

У деревьев нет докторов, помощи ждать неоткуда, и они сами себя лечат, затягивая раны свои душистой смолой. Бывает, рана давно затянута, а смола все бежит и, скопляясь, превращается в ком.

Я этот ком обыкновенно завязываю в уголок носового платка и пользуюсь, как духами, здоровыми для дыхания, и мне очень приятно.

О

Черемуха все еще только зацветает.

Вот эта же самая, точно такая, с тем же видом и запахом цвела черемуха, когда любовь я мог понимать только по роману Ивана Царевича с Марьей Моревной. И теперь, когда у меня уже внуки, раз в год, когда зацветает черемуха, понюхав ее, на одно мгновение я вдыхаю в себя ту любовь.

И так не одна черемуха, а всякий запах является как бы термосом нашей души и до старости дает возможность помнить свое детство не головой, а всем существом.

О

Не тот художник, поэт, музыкант, кто рисует, поет, играет, бормочет стихи, — так-то и мороз рисует (чего лучше!), и ветер поет, и ручей лопочет под ледяной корой, тоже стихами, и еще какими!

Вот мороз в эту ночь боролся с ручьем, собирался его заморозить. Но силы у него достало только, чтобы схватить поверхность воды. Под тоненькой коркой ручей убежал, и от всей борьбы мороза с водой остался тонкий лед-тощак и на нем чудесные белые цветы, ни на что не нужные, бесполезные и исчезающие при первых лучах без следа.

Но я, человек, — не мороз, а настоящий художник — увидел эти цветы и создал из них картину борьбы Мороза и Солнца.

О

Бог знает, с каких времен у канав этой старинной дороги растут березы. Одна, по которой перебегала тень, была очень древняя, вся в глубоких, темных морщинах, и белого березового совсем на стволе ничего не осталось внизу. Но вверху сила жизни поднимает березу к солнцу, и там у нее в куще было и бело и зелено.

Я думал о себе. Сколько темных морщин у меня на душе и на теле, и в то же время чувствуешь, что нельзя на них останавливаться, перебирать их отдельно, что кто-то в тебе повелительно требует выйти из этих морщин.

Вот и сейчас чувствую, что стоит мне усилиться на труд, и все вопросы жизни, о которых я так много и мучительно думаю, исчезнут, как не были.

Это значит, надо скорее писать. Это значит, что вершина, куща моей древней березы еще зелена и бела.

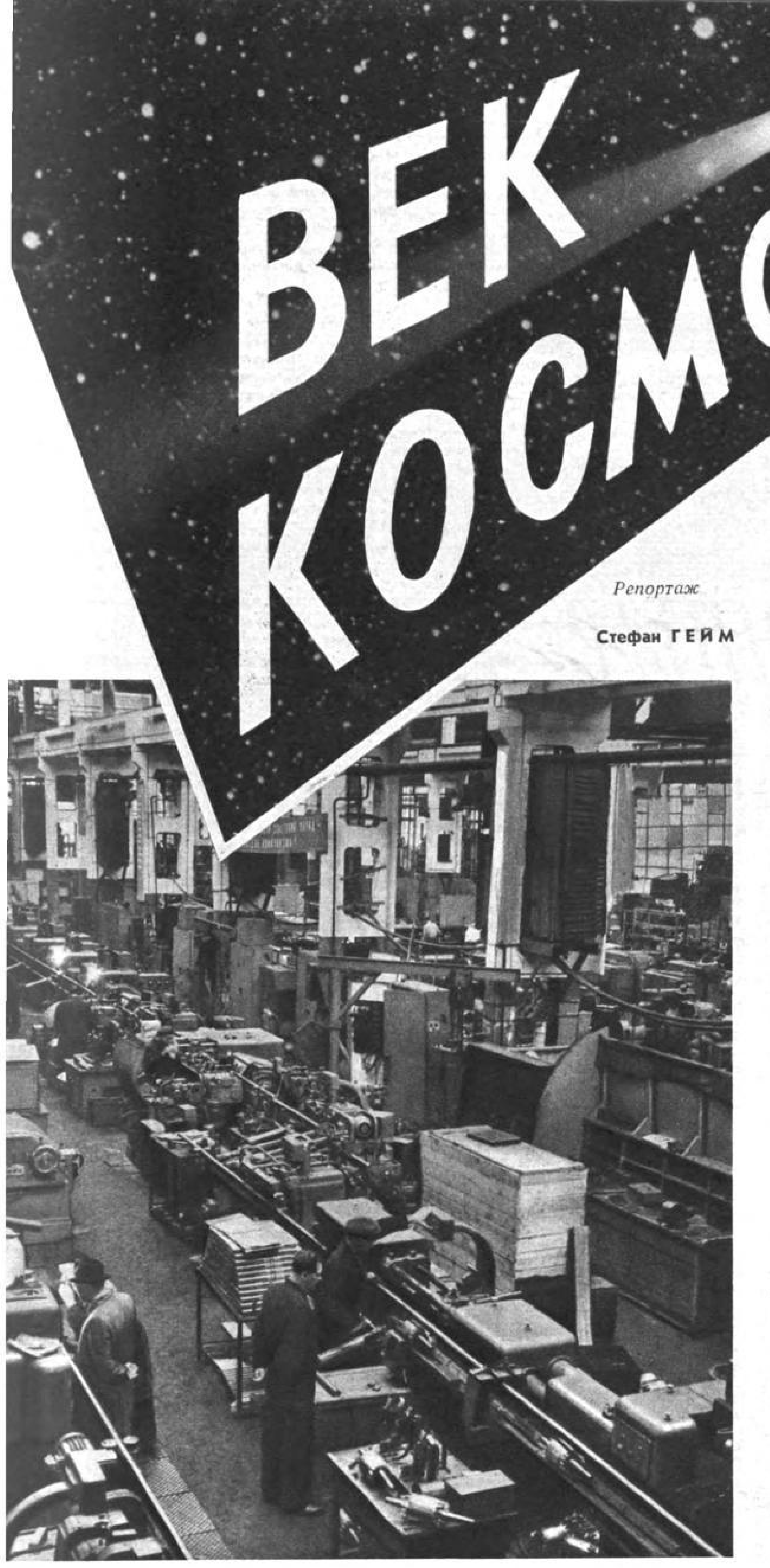

М. М. Пришвин на отдыхе.

ВЕК КОСМОСА

Репортаж

Стефан ГЕЙМ

На опытном заводе Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков. «Станкоконструкция» завершается создание типовой автоматической линии для обработки валов роторов электродвигателей.

Фото Б. Кузьмина.

В мире фантастики

И вот мы вступаем в царство фантастики, которая, впрочем, завтра станет реальностью.

Наука поставила себе задачу создать машинные системы, которые действуют без человека и выполняют работу, еще вчера посильную только для существ с высокоорганизованной нервной системой. На третьем спутнике путешествует маленькая машина, которую называют «управляющий механизм». Она замещает человека, которого пока еще нельзя послать в космическое пространство. «Управитель» автоматически контролирует и направляет работу всех научных инструментов и измерительных устройств, расположенных в спутнике, включает и выключает их в определенные интервалы. Он указывает радиопередатчику спутника, когда начинать передачу и когда кончать. «Управитель» не нуждается в сне и отдыхе. Он делает то, что ему положено, без ропота и недовольства, и его не надо кормить шоколадными кубиками с молоком в герметически закрытой кабине, как того американского лейтенанта, который пытался изображать межпланетного пассажира на земной поверхности.

По мере того, как я узнавал все больше и больше о советской физической науке, в моей голове росло сознание аналогии между управляющим органом человека—мозгом — и электронным «хозяином» — механизмом, командующим действиями сложной системы тончайших аппаратов. Поэтому я не удивился, когда позднее член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Трапезников, руководитель Института автоматики и телемеханики Академии наук СССР, сразу же сказал мне, что он рассчитывает почерпнуть коечто для своих электронных управляющих машин от... биологов, изучающих законы, заведующие функциями человеческого тела.

— Может быть, вы начнете с того, что объясните принципы управляющих устройств? — предложил я.

Это было удачное начало. Профессор Вадим Александрович Трапезников спокойно и бесстрастно сидел за письменным столом, очень внушительный со своими седыми волнистыми волосами и могучим телосложением. Он оказался одним из тех умов, которые обладают способностью любую вещь сводить к простейшим «а», «б», «в», и это дает вам возможность в одну минуту схватить то, над чем в ином случае вы ломали бы голову неделями. К тому же я знал, что он один из крупнейших представителей научной мысли в своей отрасли.

— Мы вступаем в эпоху автоматизации, — сказал Трапезников. — И возможности тут безграничны...

Он помолчал.

— Весь последний год наш институт много внимания уделял созданию самонастраивающихся систем, то есть таких, которые сами создают себе программу. Человеку остается лишь дать машине необходимые и желаемые критерии того, что должно быть сделано. А после этого все делает сама машина. Она находит наилучшие режимы, лучшую программу, лучшее решение, она передает указания машинам, которыми управляет, контролирует их, если необходимо, поправляет.

Меня подмывало спросить: не подметает ли она заодно и пол? Но профессор Трапезников продолжал все в той же точной, суховатой манере:

— Это новый подход к проблеме автоматизации, и наши исследования, думается, идут в одном из новейших направлений.

— Вы хотите сказать,— начал я осторожно,— что вы возьмете одного из гигантов профессора Лебедева, умеющих играть в шахматы, и установите его, скажем, на электростанции, или на прокатном стане, или на химическом заводе...

Профессор Трапезников позволил себе слегка пожать плечами.

— Вы ведь не стали бы стрелять из ракетной артиллерии по воробьям, — возразил он терпеливо. — Для различных работ вы можете пользоваться и различными устройствами. Они вовсе не всегда и не везде должны быть электронными. У нас есть еще, например, очень эффективные пневматические устройства, которые неплохо выполняют регулирующие функции. У нас есть и другие машины разного размера и эффективности. У нас есть, например...

Как выяснилось, у него не было под рукой всех его любимцев, которых он охотно бы мне показал. Некоторые из наиболее тонких созданий, выполняющих самые фантастические обязанности, находились в Брюсселе, на Всемирной выставке. Мне пришлось довольствоваться образцами, которые еще не были окончательно завершены, с еще выступающей наружу путаницей проводов.

— Вот возьмем наудачу...

Это был действующий на расстоянии управляющий аппарат, способный регулировать и направлять одновременно работу тридцати шести объектов: тридцати шести нефтяных скважин, или стольких же шлюзовых затворов, или шахт по газификации угля и т. д. Машина была размером не больше пианино.

Она работает пока с помощью проводов и электромагнитных реле. Но уже создан вариант еще меньших размеров, примерно с большой чемодан, который выполняет те же функции без проволочной связи с контролируемыми объектами и вдобавок еще подсчитывает и сообщает вам размеры продукции ваших шахт, скважин или расход воды в ирригационных шлюзах...

У меня до сих пор стоит перед глазами высокий, худощавый сотрудник института, который встретил меня в одной из комнат. В руках у него был металлический ящичек, величиной не более сигарной коробки, с приделанной сбоку маленькой антенной.

— А!.. — воскликнул я, словно встретив старого знакомого. — Портативный радиотелефон!

— Да, здесь есть и передатчик.— Научный сотрудник показал на угол ящика. — Но это только деталь. Остальное совсем из другой оперы. Вот, поглядите...

В другом конце комнаты стоял выкрашенный в зеленую краску экскаватор, я залюбовался им, когда вошел в комнату. Это была модель, сделанная точнейшим образом, вплоть до мелких деталей. Сотрудник повернул какие-то выключатели в своем ящичке, и экскаватор задвигался. Он поворачивался, наклонял ковш, раскрывал его челюсти, набирал груз камешков, поднимал его, снова поворачивался и аккуратно высыпал камни у моих ног.

— Магия? — спросил я.

— Телемеханика,— ответил сотрудник.

См. «Огонек» № 2.

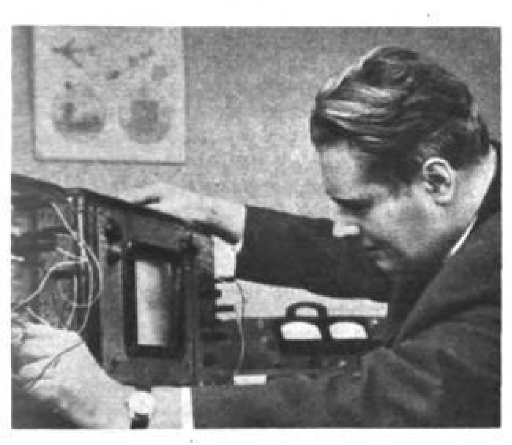

Итак, король «думающих механизмов» — счетная машина.

«Урал» и лебедевская БЭСМ способны сводить любую математическую задачу, любое число к их простейшим составным элементам — 0 и 1, превращать их в электрические импульсы и снова группировать их, давая желаемый результат.

Но большая часть управляющих и программных функций машин — это обычная работа, сводимая к небольшому числу математических уравнений. «Вычислитель по аналогии» тоже пригоден для того, чтобы свести какие-либо данные к часто встречающимся уравнениям и найти наилучшее решение интересующей вас технической проблемы. Но этот счетчик не работает с нулем и единицей, он работает по аналогии, воспроизводя электромеханическим путем точные условия, установленные для машины, которой вы желаете управлять или дать ей программу. Эта машина становится как бы электрической «моделью» вашего станка, турбины, автоматической линии или вашей энергетической сети; и она показывает с помощью красивой зеленой кривой на экране осциллографа, либо путем перевода кривой в числа, либо, наконец, в форме прямой регулирующей функции, что и как, по ее «мнению», должно быть сделано.

Я видел у профессора Трапезникова одну совсем маленькую, изящную машину, размером не больше настольного радиоприемника. Вы включаете ее в ближайшую розетку на стене, и она принимается вычислять уравнения, линейные и нелинейные. На такой машине можно решать сразу от двенадцати до четырнадцати нелинейных уравнений, что бывает необходимо при наладке автоматической линии машин. Аналогичные машины мы видели у друга и «соперника» профессора Трапезникова, в институте академика А. А. Благонравова. Молодой доктор наук М. Быховский показал нам модель «МНМ», разработанную советской промышленностью. Она величиной с ларец для приданого, который наши бабушки брали с собой из дому, когда выходили замуж за наших дедушек.

Член-корреспондент Академии наук СССР В. А. Трапезников в одной из лабораторий своего института.

Фото Е. Умнова.

Михаилу Быховскому, доктору технических наук, 39 лет, выглядит он тридцатилетним. Ученый работает над тем, что он называет «самоорганизующаяся система» — над машиной, которая, по его словам, будет в известном смысле действовать подобно человеческому организму. Она будет сама приспосабливать себя к тем условиям, в которых должна работать: в арктическом холоде, в зное пустыни, под землей или на вершинах гор, медленно или с огромной скоростью. Машина будет способна управлять сегодня производством деталей радиоприемника, а завтра, скажем, автомобильных запасных частей. И все это будет совершаться с очень малым участием человека. Сверх того, машина сама будет заменять собственные детали, если случится, что они выйдут из строя.

Нет, не подумайте худого: доктор наук Быховский — образец спокойного, рассудительного, уравновешенного советского человека. Он даже не пишет стихов, так он, по крайней мере, уверяет. И он надеется разрешить основную массу научных проблем, связанных с его «самоорганизующейся системой», в ближайшие годы.

Ленинградский мудрец

Старый человек, терпеливо сидевший в президиуме собрания, поднялся и прошел к кафедре. Под бременем лет его плечи слегка обвисли, и он постарался выпрямиться, оглядывая свою аудиторию: профессоров, студентов, научных работников, небольшую кучку военных, нескольких журналистов.

За высокими окнами зала серо-голубая ленинградская ночь отражалась в неподвижной воде Невы, а по ту сторону реки блестел золотой шпиль Адмиралтейства.

Когда он посмотрел сверху вниз на выжидательно устремленные к нему лица, его белые усы чуть-чуть вздрогнули, словно он старался сдержать мягкую улыбку, а в глазах сверкнула искра не то юмора, не то нежности. Он должен был говорить о Максе Планке, который создал квантовую теорию и открыл знаменитую постоянную Планка. Планк скоро отпраздновал бы свое столетие, если бы несколько лет назад смерть не посетила скромную старинную комнату в немецком городе Геттингене и не сказала бы: «Пойдем, профессор, законы биологии относятся ко всем».

Старый человек, стоящий на кафедре, знал их всех: Планка, Эйнштейна, Рентгена и других, чьи имена получили бессмертие в законах и уравнениях, в лучах и формулах и кто создал мировое братство особого рода, где все понимали друг друга на языке немногих международных научных символов. Абрам Федорович Иоффе держал свою речь без конспекта. Тему он прекрасно знал из опыта собственной долгой жизни.

— В юности,— говорил он,— Макс Планк был охвачен сомнением: кем ему быть, музыкантом или физиком, и если физиком, то посвятить ли себя чистой ее теории? И он отправился к профессору и попросил у него совета. Тот сказал ему: «Молодой человек, пожалейте себя: ведь все проблемы физики уже решены!»

Белые усы снова слегка вздрогнули... Проблемы ньютоновской физики — да. Лагранж назвал Ньютона счастливейшим из ученых: ему удалось дать единственную, всех удовлетворявшую картину мира. Но со времен Ньютона физики вступили в круг явлений гораздо более широкого масштаба, стали проникать в глубь вещества. И сам он, Абрам Федорович Иоффе, тоже пытался разрешить некоторые из новых проблем науки, особенно после 1917 года, когда молодая Советская Россия, несмотря на все трудности, помогла ему создать первый из его исследовательских институтов, Физико-технический институт в Ленинграде.

— Но стоит решить одну задачу в физике, как перед тобой тотчас же встают две новых...

Академик А. Ф. Иоффе.

Фото Б. Уткина.

* * *

Крохотная стеклянная трубочка, не больше спичечной головки, содержащая щепотку германия или чего-нибудь в этом роде, стала в наши дни привычным обитателем любой лаборатории, цеха или института, имеющего дело с электроникой.

Полупроводящие вещества были известны еще в середине прошлого столетия, но быстрое их распространение и многообразие использования — явление новое; оно возникло почти одновременно в нескольких высокоразвитых в индустриальном отношении странах. Можно, я думаю, утверждать, что советские научные исследования в области полупроводников идут в ногу с мировой наукой, а в применении полупроводников в ряде важных областей Советский Союз стоит на первом месте.

Есть одно свойство у полупроводников, делающее их такими чудодейственно полезными. Наряду со своими старшими «двоюродными братьями-великанами», электронными трубками, они суть первичные клетки могучего организма автоматизации, клетки, питающие такие чудеса, как программные машины, автоматический контроль и автоматическая наладка.

Поскольку я могу судить, полупроводники — это материалы, которые проводят электричество только в специфических условиях, например, при определенной температуре или под воздействием света, радиоволн и так далее.

А. Ф. Иоффе насчитывает восемнадцать различных видов применения полупроводников. Перечислите все, что они умеют делать, эти диоды, триоды, термисторы, термопары и прочие,— и перед вами предстанет новая техника, техника эры автоматизации! Вы ощутите и те строгие границы объема и веса, которые предъявляет техническая революция, если, скажем, взять внутренность межпланетного корабля. Полупроводники—это символ экономии места, компактности, которая требуется все больше в любой технической отрасли.

Мы находимся только в самом начале распространения полупроводников в технике. Фирма «Эмерсон-радио» в Соединенных Штатах рекламировала радиоприемник, который можно носить в кармане пиджака. Он работает на восьми маленьких полупроводниковых триодах. Но в Институте полупроводников в Ленинграде заведующий лабораторией электрических явлений в полупроводниках Владимир Пантелеймонович Жузе показал мне аппаратик не более спичечной коробки, который умеет умножать и делить и сверх того анализировать самые сложные электрические токи. Может быть, мне следует добавить, что предмет, который выполняет вычислительную и аналитическую работу в аппарате Жузе, по размерам не больше ногтя на моем мизинце; остальная же часть «спичечной коробки» занята обыкновенным маленьким электромагнитом, создающим магнитное поле, в котором совершается это чудо.

Я видел в другой лаборатории портативные микрорефрижераторы различных размеров, которые позволяют перевозить кровь, или культуры микробов, или те подарки, которые племенной бык пересылает коровам в дальние колхозы. Я видел инструмент, который берет осколок черепа или кусок челюсти, оставленные нам предками, жившими десятки тысяч лет назад, усиливает едва ощутимую радиацию этих останков,— и археолог может установить примерную дату, когда ваш пра-пра-пращур в последний раз ходил на трагически окончившуюся для него охоту.

— Будущее? — спросил Жузе.— Мы ведь ученые, а не пророки.

— Но все-таки попробуйте предсказать.

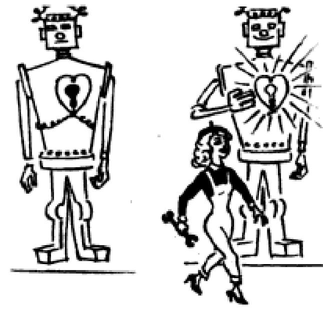
Он рассмеялся. В это время несколько девушек внесли в вестибюль института охапки цветов и связки зеленых веток.

— Вечером у нас праздник,— сказал Владимир Пантелеймонович, как бы желая объяснить это не вполне «научное» вторжение.

— Вот и прекрасно! — подхватил я.— Что вы пожелаете своим товарищам к празднику?

— Что я им пожелаю? — Он пристально посмотрел на меня своими глубокими карими глазами.— Я скажу, что мы находимся здесь для того, чтобы облегчить людям жизнь и работу. И что вот эти штучки—полупроводники — помогут нам осуществить это, и не только в радиотехнике и электронике. Они будут измерять и регулировать для человека все: температуру, давление, свет, ток. Они будут вычислять и подсчитывать за человека. И, наконец, что, может быть, важнее всего, будут превращать один вид энергии в другой.

Автоматизация — палка о двух концах

Два образа встают в моем сознании, когда я думаю об автоматизации и ее значении.

Один навеян карикатурой, опубликованной в журнале «Нью-Йоркер». На ней изображены мужчина и женщина, сидящие у камина, видимо, супружеская пара, оба явно из «высших классов». У него такой вид, словно сигара, которую он курит, вдруг запахла селедкой; ее физиономия выражает злость и упорное недомыслие. Она говорит: «Не могу понять, о чем ты беспокоишься, Джон. Автоматизация автоматизацией, но ведь директора правления фирм все равно останутся».

Другой образ, глубоко врезавшийся мне в память, — улыбающийся человек на автомобильном заводе имени Лихачева в Москве. Улыбка принадлежала рабочему Валентину Кузьмичу Коробкову, худощавому, пожилому уже человеку. Я встретился с ним у автоматической линии, изготовляющей блоки цилиндров. Автоматическая линия производила сильное впечатление — сорок восемь больших станков стояли вплотную друг к другу, образуя нечто вроде буквы «П»; каждый станок получал от своего соседа слева тяжелый восьмицилиндровый блок мотора и передавал его соседу справа; каждый из станков выполнял с неутомимой силой и бесконечной терпеливостью ту точную операцию, которая была ему поручена; кончалась эта операция ровно в отведенные на это две минуты сорок пять секунд; сорок восемь блоков одновременно обтачивались, шлифовались, сверлились.

Несколько человек сошлись в это время у небольшой контрольной доски и о чем-то разговаривали. Рядом стоял грубо окрашенный стол с импровизированными шашками; их изображали гайки и болты.

Меня познакомили с худощавым человеком. Он, как оказалось, работал в этом же самом цехе до его автоматизации — обрабатывал те же самые блоки цилиндров, пока это дело не взял на себя автоматический поток.

— Ну как? — спросил я. — Лучше теперь?

И тут на лице его появилась эта улыбка. Такую улыбку можно, пожалуй, увидеть на старых иконах, когда художник хотел выразить снисходительность святого, знающего много больше, чем простой смертный.

— А разве вы сами не видите? — сказал Коробков. — Вот я стою здесь, беседую с вами, курю папиросу. А мне ведь приходилось своими руками ворочать вот эти самые блоки, ставить их на станок... — Он расставил руки, желая показать мне вес и объем блока.

Коробкову было уже сорок пять, когда в 1952 году установили автоматическую линию. В сорок пять лет он снова засел за школьную парту. В ту же пору он стал учиться управлять целым комплексом сложных машин. Это была вечерняя школа, открытая при заводе для рабочих. Пока он учился, заработная плата за ним сохранялась, а теперь он получает намного больше, чем раньше.

— Пять человек, — сказал Коробков, — дают на этой поточной линии столько продукции, сколько раньше давали тридцать два.

— А куда же делись остальные двадцать семь?

— Какие двадцать семь? — переспросил Коробков.

— Те, которые раньше здесь работали, — объяснил я, несколько удивленный такой беззаботностью моего собеседника.

— Да они тут же и работают! — поняв меня наконец, воскликнул Коробков; на его лице была уже другая улыбка: он не понимал, как этот иностранец не возьмет в толк такой простой и обыденной вещи. — Они работают тут же, на заводе, но в другом цехе. Этого у нас не водится — выгнать человека только потому, что в цехе появились новые машины... Им дали работу не хуже, чем они имели, или даже получше. Работы хватит всем...

Я обвел рукой весь огромный гудящий цех, наполненный сотнями машин.

— Но представьте себе, — сказал я, — что все это будет автоматизировано. И не только на заводе имени Лихачева, а по всей Москве, по всему Советскому Союзу... Что тогда?

На вымазанном машинным маслом лице Коробкова вопрошающе сузились глаза: он словно хотел убедиться, всерьез ли я спрашиваю.

Потом он рассмеялся и показал на стоявшую на столе шашечницу.

— Что будет тогда? — повторил он. — Тогда у нас будет больше времени играть в шашки, — пошутил Коробков. А потом поднял глаза вверх, словно заглядывая в будущее. — И, конечно, не только в шашки. Вот я прожил половину жизни, а сколько есть еще такого хорошего, важного, интересного, что хотелось бы узнать!..

Вступая в жизнь, автоматизация сразу же начинает показывать свой характер палки о двух концах. Глубочайшее различие между автоматикой при капитализме и социализме с огромной силой бьет в глаза.

В технике автоматизации это различие едва уловимо. Не мое дело приукрашивать действительность, да и советские ученые и инженеры, с которыми я встречался, сами весьма далеки от того, чтобы создавать иллюзии. В Москве инженер А. Е. Прокопович начал свой ответ на мои вопросы со следующих слов:

— Для специалиста, инженера было бы смешной самонадеянностью думать, что все, что делается в области техники в США, плохо, а все, что делается у нас, безупречно... Автоматизация развивается очень быстро и в социалистических и в капиталистических странах. И там и тут инженерам приходится брать за исходную точку существующее предприятие; технический уровень примерно одинаков; автоматические линии создаются и там и тут примерно по тем же принципам...

Прокопович не рядовой инженер; он главный инженер Экспериментального научно-исследовательского института металлорежущих станков, знаменитого ЭНИМСа, который разрабатывает проекты крупных советских автоматических линий и выпускает опытные их образцы на своем заводе «Станкоконструкция».

Он сказал мне приведенное выше после того, как продемонстрировал новейший образец строящейся автоматической линии — интересное сооружение, состоящее из тринадцати мощных машин, которые автоматически будут обрабатывать вал ротора электромотора, причем тринадцатая машина обладает электронным «мозгом», с помощью которого вал ротора окончательно выверяется в соответствии с предельно точной спецификацией. Вы стоите, словно очарованный, и смотрите, как стальные руки, хватающие вал, движущийся вдоль линии, вставляют его в отверстие и вынимают обратно после того, как пара металлических пальцев внутри отверстия ощупала и убедилась, что вал обработан точно, с допуском не более нескольких тысячных миллиметра.

— Мы бываем горды, — замечает Прокопович, — когда западные инженеры пользуются той или другой нашей идеей; это говорит о том, что в данной конкретной области мы впереди. А иногда мы берем их идею и развиваем ее...

Прокопович очень понравился мне. Он бып рабочим до того, как изучил инженерное дело. У него умное, нервное лицо и чуткие руки музыканта; но манера говорить с людьми свидетельствовала, что этот человек способен принимать твердые и окончательные решения.

— Лет пятнадцать — двадцать тому назад, — добавил он задумчиво, — мы многое заимствовали у них. Но мы двигались быстро, и наши темпы были бы еще более быстрыми, если бы не война...— Голос его задрожал.—Мы построили в Белоруссии замечательный завод, новый, с иголочки, я участвовал в осуществлении его проекта. Это было за три недели до войны. Пришли гитлеровцы... А когда мы вернулись туда, на месте завода ничего не было. Не было ничего, кроме развалин...

Он до сих пор с горечью вспоминал о заводе, как о погибшем в детстве сыне. Да, конечно, завод был для него родным, плотью от его плоти.

— Эти темпы развития советской техники...— заговорил я после долгой паузы.—Как вы их объясняете? И сводится ли тут различие между Востоком и Западом только к темпам?

— Нет. Разница принципиальная. — Он весь наклонился вперед, говоря это. — Не знаю, смогу ли, но попробую это объяснить. Разница — в самом подходе к механизации и автоматизации. Конечно, и капиталисты и мы стараемся повысить производительность. Но для них более высокая производительность измеряется одним мерилом—более высокими прибылями. С этой точки зрения они и смотрят на дело: какие прибыли даст вложенный в автоматизацию капитал. Пока они не убедятся, что смогут сразу же подсчитывать барыш, они не идут на автоматизацию.

— А вы? — спросил я.

— Для нас более высокая производительность неразрывно связана с более высоким уровнем жизни людей, для этого мы и планируем развитие техники. У нас более дальний прицел и более широкое дыхание. Вообще говоря, автоматизация для нас не только рост производительности. Мы хотим создать такую технику, которая сделала бы самый труд интересным и увлекательным, чтобы труд человека гармонически сочетался с его мышлением; мы хотим покончить с таким трудом, который вызывает физическое напряжение, мы хотим, чтобы в конце концов человек работал больше мозгом, чем мышцами. Вы играете в шахматы? — неожиданно спросил Прокопович.

— Немного, — сказал я. — Но чаще всего проигрываю.

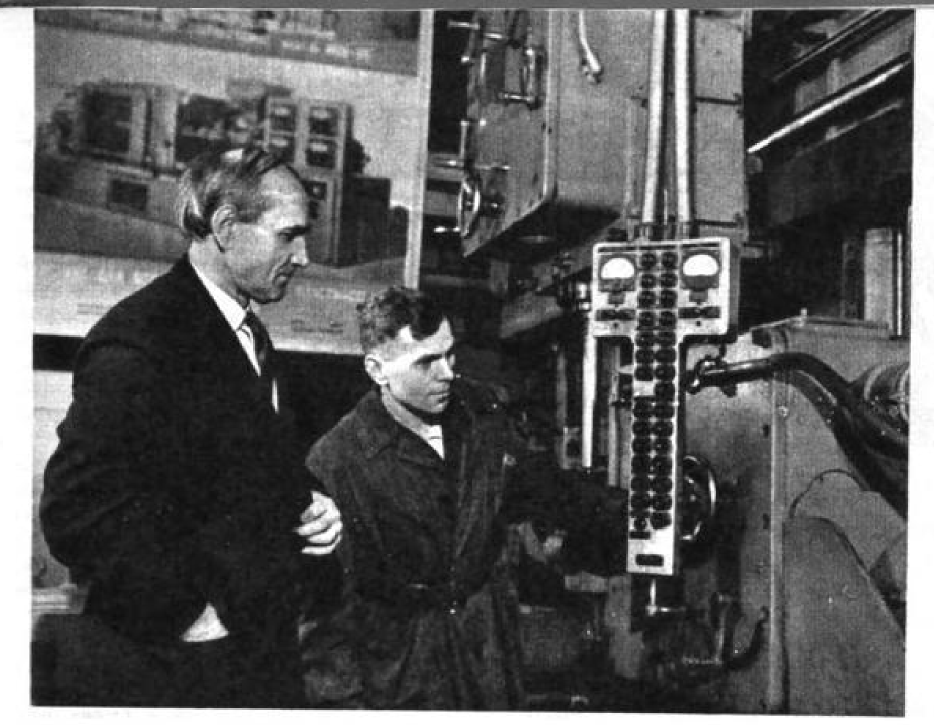
— Но вы все-таки знаете, что есть две школы в шахматах. Одна учит, что каждый ход должен принести вам непосредственную выгоду; другая считает, что иногда полезно пожертвовать чем-либо с тем, чтобы получить решающее превосходство... Вторая — это русская школа.

— Да, но то шахматы... — сказал я.

— Вы найдете больше автоматических линий на заводах Форда, чем у нас, скажем, на заводе имени Лихачева. Конечно, мы делаем и будем делать капиталовложения в автоматизацию, возможно, и такие, которые окупятся только за пятнадцать — двадцать лет. Мы будем отчасти жертвовать непосредственной выгодностью, но зато сделаем труд рабочего более легким и более соответствующим свойствам человека. И мы убеждены, что таким путем получим длительный и неизмеримо более мощный, чем при капитализме, подъем производительности... Вот ведь они удивляются там, на Западе, когда мы иногда делаем огромный скачок вперед в какой-либо области техники. Но это «иногда» у нас все больше превращается во «всегда», а «какая-либо» область техники разрастается, охватывая постепенно все техническое целое.

Среди хранящихся у меня газетных вырезок есть экономический обзор, опубликованный в «Нью-Йорк геральд трибюн». Заголовок такой: «Завод с одним человеком». В тексте мы читаем: «Химический завод «Марма — Лангрор» в Швеции, рассчитанный на производство 70 тысяч тонн сульфита ежегодно, в настоящее время автоматизирован настолько, что единственным человеческим существом, принимающим участие в работе завода, является диспетчер, наблюдающий за 80-футовым распределительным щитом с четырьмястами циферблатами. Все семьдесят этапов производственного процесса выполняются двумястами механическими устройствами, контролируемыми пятьюдесятью управляющими механизмами. Все данные о работе машин воспроизводятся на экране, который расположен на щите. Пульт управления находится в 35 милях от предприятия и связан с ним электрическими проводами».

Эта маленькая заметка, как мне кажется, дополняет карикатуру из «Нью-Йоркера», где изображены обеспокоенный директор правления и его жена. Совершенно ясно, что, кроме парня, который наблюдает за огромным щитом, на заводе «Марма—Лангрор» еще присутствует по крайней ме-

Главный инженер ЭНИМСа по научной и экспериментальной работе А. Е. Прокопович (слева) и мастер цеха приборов и механизмов С. Г. Афанасьев осматривают пульт управления станка с программным управлением.

Фото Е. Умнова.

ре одно живое существо: директор правления фирмы.

Директор правления фирмы «Марма — Лангрор», наверно, тоже обеспокоен. Он чувствует, что что-то в этой автоматизации на сульфитном заводе, обслуживаемом одним человеком, угрожает ему.

Насколько я помню, Маркс говорил о том, что норма прибавочной стоимости основана на общественно необходимом труде; поэтому председатель правления сульфитного завода, обслуживаемого одним человеком, сможет извлекать даже сверхприбыль при труде одного рабочего, но до тех пор, пока другие производители сульфита не разгадают хитрости и тоже не прибегнут к производству его одним человеком. Структура цен в производстве сульфита пойдет прахом, и рынок будет разрушен, и не только в этой отрасли промышленности: автоматизация — явление общего порядка углубляющее общие антагонистические противоречия капитализма.

— У меня такое чувство, — сказал Прокопович, — что эти антагонистические противоречия будут неизбежно задерживать развитие автоматизации при капитализме, в то время как мы будем продолжать идти вперед, потому что мы не страдаем от таких противоречий.

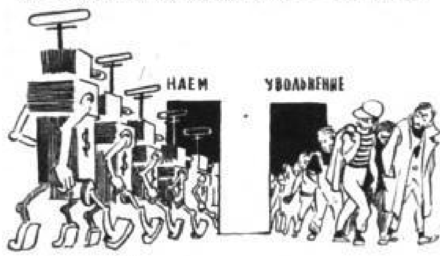
— Года два, а может быть, и три назад, — сказал я, — председатель правления «Дженерал моторс» пригласил председателя Объединенного профсоюза рабочих автомобильной промышленности Америки Уолтера Рейтера на один из заводов своей корпорации. Это было как раз перед началом ежегодных переговоров о зарплате. Босс промышленности показал профсоюзному боссу новое автоматическое оборудование и заметил при этом: «Мистер Рейтер, вам предстоят затруднения со сбором профвзносов с этих машин...» Но у председателя профсоюза на это был свой ответ: «Мистер председатель правления, а вам предстоят еще большие затруднения со сбытом им своих автомобилей!»

— Кажется, что у них обоих сейчас затруднения, — заметил Прокопович,— и у Рейтера и у «Дженерал моторс», но в любом случае страдают от этого рабочие.

— Могу вам сообщить, — сказал я, — еще об одном мнении. Недавняя резолюция рабочих автопромышленности Англии гласит: чтобы сделать все выгоды автоматизации доступными для рабочих и всего народа, следует изменить социальную систему.

Автоматизация — это обоюдоострый меч; он может отсечь время и усилия, необходимые сейчас для производства какой-то работы, и сделать жизнь человека легче и богаче. Это при социализме. И он может отсечь у человека возможность получить работу и превратить его жизнь в мучительное и унизительное несчастье. Это при капитализме.

К западу от реки Эльбы, и особенно в Соединенных Штатах, рабочий, размышляющий об автоматизации, автоматически думает и о безработице. На Западе автоматизация и безработица — это си-

амские близнецы, рожденные в неравном браке между техническим прогрессом и устарелой, эксплуататорской формой экономики. Потребуется операция, разделяющая близнецов так, чтобы автоматизация и на Западе стала благом...

Связь между безработицей и автоматизацией — это не новость, хотя она драматически выступила на первый план в период спада, который сейчас расползается из США по другим странам. Эта связь была очевидна с начала пятидесятых годов. Во время относительно малого спада в 1953 году только с металлургических заводов Питсбурга было уволено 40 тысяч рабочих-сталеплавильщиков. К 1955 году производство в этой отрасли вновь достигло высшего уровня. Но только 14 из 40 тысяч человек были взяты обратно на работу. «Оставшиеся 26 тысяч,— писала лондонская «Таймс» 30 августа 1955 года,— сделались постоянно безработными, замененными автоматами».

Замененными автоматами... Работа, которую стала делать машина-автомат, никогда не будет поручена снова человеку. Он становится «излишним» («redundant») — примечательное, мягко звучащее словечко, которое капиталисты отыскали в словаре для того, чтобы увильнуть и не сказать рабочему прямо: ты нам больше не нужен, с тобой кончено, ты вышел из игры, ты готов.

Я не знаю цифр, относящихся к современному спаду в США, которые бы показывали, сколько рабочих осталось без работы в результате общих экономических причин и сколько — в результате автоматизации. И то и другое идет рука об руку — ужасная парочка, отнимающая у рабочего сначала его маленький домик, его телевизор и холодильник, а потом и хлеб изо рта его детей.

Апологеты капитализма говорят, что эти люди, оставшиеся без работы в результате автоматизации, найдут работу еще где-нибудь в капиталистической экономике, что люди нужны для того, чтобы строить машины-автоматы и управлять ими. Безусловно, некоторое количество рабочих нужно; но при капитализме— всегда меньше, чем было уволено. Действительно, капиталисты никогда не начнут автоматизацию, если они не уверены, что это принесет экономию в рабочей силе, экономию в зарплате. Какие другие причины заставят боссов в промышленности пойти на затраты и беспокойство?

Такова автоматизация в условиях системы «свободного предпринимательства».

А что при социализме?

Безусловно, та работа, которую начала выполнять машина-автомат, никогда не вернется к человеку. Это правило относится и к социализму. Однако оно действует совершенно по-другому во все расширяющейся планируемой экономике, принадлежащей народу, управляемой народом и существующей для народа. В условиях такой экономики считается за благо всякая машина, которая отнимает у вас тяжелую работу, потому что это делает вас свободным для того, чтобы заняться лучшей, более интересной и приносящей больше удовлетворения работой, которая ждет вас.

— Вы упомянули только что, — сказал я Прокоповичу, — что в вашей стране, при социализме, вы не страдаете от антагонистических противоречий, которые заставляют так корчиться капитализм. Но, может быть, у вас есть другой тип противоречий?

— У нас есть старая песня: «Было гладко на бумаге, да забыли про овраги»,— ответил он.

— И в этих оврагах прячутся противоречия?

— Неантагонистические. Противоречия, которые мы, имея немного терпения и хорошенько подумав, можем решить.

— Например?

— Например, такие, как планирование развития техники и организация процесса производства. Промышленность имеет старые-старые традиции своей структуры: машина плюс человек, один человек на каждую машину, и система контроля, соответствующая этой концепции. Новая техника требует совершенно новой организации предприятия.

Или, например, противоречия в инженерной технике. Самый легкий путь создания автоматической линии — построить ее на основе производства определенной детали, которую вы хотите получить изготовляемой из одного определенного вида материала, всегда с одними и теми же показателями. Но современное развитие означает непрерывные изменения. Вы не можете, однако, выбрасывать всю автоматическую линию или

даже части ее из-за того, что деталь должна быть изменена; но в то же время вы не можете допустить, чтобы из-за автоматической линии задерживались технический прогресс и всевозможные изменения. Тогда, значит, вам нужно разработать такую автоматическую линию, которую вы смогли бы изменять в зависимости от того, каких изменений требует выпускаемая продукция. Иными словами, вам нужно разработать универсальную автоматическую линию.

— Вы можете ее создать?

— Я думаю, что мы нашли принципиальный подход к этому, — сказал Прокопович. — В некоторых случаях мы решили проблему. Наша автоматическая линия для шестерен будет производить шестерни любого диаметра в пределах от 80 до 300 миллиметров, с любым количеством зубцов и с любым профилем зуба; и переход от производства одного вида шестерен к другому требует не больше двух часов...

— Но, — заметил я, — не является ли все это сравнительно небольшим противоречием?

— Для инженера — нет.

— А для социолога?

— Прекрасно,— сказал он,— я как раз собрался говорить об этом. Возникает проблема рабочего.

— Рабочего?

— Нового рабочего. Нового рабочего, которого мы должны обучить и создать для наших автоматических линий. Машина-автомат заменяет труд неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих и требует людей, которые обладают знаниями, близкими к знаниям инженера. Где взять таких людей? Пока нам приходится делать опыты. Мы берем опытного инженера и ставим его на автоматическую линию, или мы обучаем управлению этой линией относительно способного рабочего. Но нам нужна масса рабочих совершенно нового типа, квалификация которых была бы высока — где-то между квалифицированным рабочим и инженером. Нам нужен рабочий-инженер, или инженер-рабочий, или, как там его можно еще назвать...

— Рабочий эпохи коммунизма.

— Да, рабочий эпохи коммунизма.

Он сделал короткий утверждающий жест. Этот новый тип рабочего был очень близок его сердцу.

— И создание этого рабочего,—заключил Прокопович,—это дело всей системы образования, как известно, существенно перестраиваемого сейчас и приближаемого к жизни, к нуждам производства. Мы содействуем формированию этого рабочего-инженера нашим всеобщим политехническим образованием, организацией технических институтов на крупных заводах, созданием широкой сети техникумов, развитием заочного среднего и высшего технического образования.

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

К вершине всех вершин

Вид на высочайшую вершину мира Джомолунгму (Эверест) с юга. Восемь английских экспедиций пытались подняться на нее с противоположной стороны, из Тибета, но северный путь так и остался непройденным.

Евг. СИМОНОВ

Путь над облаками

Высочайшая гора, которую зовут третьим, или высотным, полюсом земли, стала известна Западу сравнительно недавно: немногим больше ста лет. Впрочем, еще на картах начала XVIII века французские миссионеры показали здесь большие горы под названием «Чоумоланкма». А в докладе руководителя первой английской экспедиции Ч. К. Говарда-Бери говорилось: «Эверест известен тибетцам и называется у них Чомолунгма, мать богов земли».

Еще в 1893 году офицер английской службы Ч. Г. Брюс предлагает снарядить сюда экспедицию, но она была послана лишь двадцать восемь лет спустя.

Начиная с 1921 года и вплоть до года, предшествовавшего последней мировой войне, узкими тропами перевалов, что соединяют Индию с Тибетом, двигались необычные караваны. Это не паломники, не странствующие купцы с солью, прославленной ячьей шерстью либо кашмирскими шалями. Согнувшись под тюками, шагают носильщики-горцы. Поодаль упругой походкой спортсменов идут восходители, обремененные лишь фотокамерами да ледорубами.

С первой же экспедиции альпинистов поразил внушительный облик Эвереста. Он создается простыми, но исключительно масштабными линиями, которыми очерчены контуры. Эверест высится единой, монолитной скалой, огромной горной массой, лишь на немногих террасах одетой снегом. Широкий пояс желтых пластов подчеркивает внушительность ее цоколя.

Не эта ли простота и лаконичность, не говоря уже о меняющихся тонах гор, ледников да и тибетского воздуха, заставляли бессильно опускать палитру художников, штурмовавших Эверест в составе английских экспедиций! Быть может, только нашему соотечественнику, академику Н. К. Рериху, который провел четверть века в мире гор, и удалось передать суровое очарование Гималаев.

Так или иначе, а людей влечет Эверест. К нему особенно тянутся английские группы альпинистов.

20 мая 1922 года первая экспедиция в составе Мэллори, Нортона, Сомервелла и Моршеда начала подъем на Эверест, который в Тибете называется Джомолунгмой. (Северные склоны Джомолунгмы спускаются к Тибету, а южные — на территорию Непала.)

Они двигались долго. Каждый уступ давался с трудом. Оставалось пройти несколько десятков метров, чтобы очутиться на гребне. Оттуда можно было заглянуть по ту сторону хребта. Но путь так и остался непройденным.

— Что же вы чувствовали в этот момент на такой высоте? — допытывались позднее репортеры.

Мэллори пожал плечами: увы, ни он, ни его спутники не испытывали тогда ничего. Да, да, «ничего», кроме придавившей их нечеловеческой усталости. «У нас иссякли всякие чувства». Когда стало ясно, что они не в силах достичь вершины, все четверо повернули обратно с затаенным удовлетворением.

Адски трудными, лежащими где-то за гранями человеческих возможностей оказались отделяющие от цели метры. Недаром говорили, что на этом-то вершинном гребне и лежит самая длинная миля на свете...

Лишь два года спустя снова двинулась сюда экспедиция Мэллори и его соотечественников. Без обиняков сообщил тогда не склонный к браваде Мэллори, что «они возьмут Эверест при первой же попытке».

Тайна, погребенная в вечных снегах

Зябко ежившийся под порывами ветра, один в мире великих высот, где на него молча и снисходительно глядели вершины, остался человек. Геолог по профессии, альпинист по устремлениям, Оделл был участником этой третьей британской экспедиции на Джомолунгму.

Тихий вечер сошел на Гималаи, и архипелаги хребтов всплывали над зыбким маревом лучей. Солнце сделало еще один шаг к закату, и вот уже драгоценными опалами зажглись вершины. Перед Оделлом, упираясь головой в низкое небо, темнели грани самой Джомолунгмы.

Оделл еще раз пробежал записку. Ее принесли сверху носильщики-шерпы. Мэллори, чьей твердой рукой набросаны эти строки, вместе с Эрвайном ночует еще выше, еще ближе к цели, чтобы ранним утром пройти последние сотни метров и развернуть флаг победы над вершиной. Оделл же остался один на высоте «7 700».

Звезды еще поблескивали на предрассветном небе, когда он открыл глаза. Брр!.. Недаром коренные жители гор, населяющие Гималаи, рисуют ад не огненной геенной, но вместилищем вечного холода. От него не защищают здесь даже те семь слоев шерсти и пуха, которые ты напялил на себя.

Но где же люди?.. Почему их не видно? Ведь записка Мэллори гласила: не позже восьми утра штурмовая «двойка» будет у второго взлета гребня. И Оделл глядел в ту сторону.

Шли часы. И никого на гребне. Равнодушно плыли облака. И ни души...

Горы просыпались. Туман поднимался к небу и исчезал. Наконец! Две тени во мгле. Это они! И опять туман. Было далеко за полдень, когда пелена облаков

Участники экспедиции 1922 года были уверены в полном успехе. Но они не добились его. Слева направо: Е. Струтт, Г. Моршед, Э. Нортон, Т. Сомервелл, Д. Мэллори.

распахнулась, подобно занавесу, и Оделл чертовски отчетливо увидел крохотную точку на теле огромной горы. Она поднимается на уступ. За ней другая. И все! Снова надвинулись облака, и больше никто и никогда не увидит педагога из Чартерхауза Джорджа Лея Мэллори и оксфордского аспиранта Эндрю Эрвайна.

Оделл тогда тщетно ждал и искал. Он выходил навстречу и кричал, сложив воронкой ладони, но только эхо откидывало обратно его же слова. Он спускался и снова поднимался в тщетных поисках.

Оставалось примять снег на склоне и сложить буквой «Т» два мешка. И это означало для тех, кто был внизу: «никаких следов». И никаких надежд!

Гималаи отказывались покориться человеку.

Участников той же экспедиции, Нортона и Сомервелла, перед кулуаром — огромной расщелиной, что отделяет гребень от вершинной пирамиды,— взяла за горло высота. Сомервелл сдался. За плечами Нортона не только вершины, но и война, сражение под Монсом. Если на то пошло, он идет в атаку один!

«Делом всего моего самолюбия было пройти без остановки двадцать шагов. Но уже после тринадцатого я вынужден был останавливаться для передышки»,— сказал он, вернувшись.

И он отступил, когда не более километра пути или трехсот с чем-то метров по высоте отделяло его от вершины. Достигнутая Нортоном грань большого кулуара равнялась 8 572 метрам — высшая точка, которой достигал человек.

По тем же следам после девятилетней паузы двинулись сюда Вин-Харрис и Уэджер. Они увидели одиноко лежащий на сланцах ледоруб. Он мог принадлежать только Мэллори или Эрвайну и, словно скорбный знак, отмечал место катастрофы.

Уилсон хочет вещать с Эвереста

Шли годы. Снова взваливал свою ношу покорный шерпа и стягивал вокруг головы лямку. Снова из района Дарджилинга выходили навстречу студеным ветрам тибетского плоскогорья караваны экспедиций, оснащенные поддержкой с воздуха, обеспеченные помощью ученых.

В 1934 году на покорение Джомолунгмы прибыла самая курьезная из «экспедиций». Ее руководитель (он же и единственный участник)—немолодой уже Морис Уилсон. Его цель — «внутреннее очищение всего человечества». Взойдя на Джомолунгму, новый мессия полагал, что этим вызовет всеобщее внимание и сможет завоевать мир, вещая с этой невиданной трибуны.

Морис намеревался посадить купленный им самолет на северо-восточном гребне, но машина была конфискована. Тогда пророк в рясе монаха и войлочной шляпе тибетца тайком двинулся через Сикким и перевалы Больших Гималаев. Год спустя на традиционном месте лагерей была обнаружена одиночная палатка и в ней окоченевшее тело мечтателя.

А гора?.. Она отбивала атаки с той же неумолимой последовательностью, с которой приходит сюда муссон, этот вещий теплом и влагой южных океанов ветер, чтобы, наткнувшись на закованный в лед барьер Больших Гималаев, обрушиться бурями, лавинами, самой смертью.

Не менее восьми двигавшихся с севера британских экспедиций штурмовали Джомолунгму — Эверест. Флаги наций давно уже развевались над Южным и Северным полюсами планеты, но нога альпиниста все еще не ступала на третий полюс.

Не он ли и был подлинным полюсом недоступности мира?

И, поступаясь традициями, британские джентльмены только для того, чтобы достичь заветной цели, возносили теперь моления не одному христианскому господу, но, коль требовали обстоятельства, и Будде. Так, на недоуменный вопрос верховного ламы затерянного в далеких горах Тибета Ронгбукского монастыря генерал Брюс, не задумываясь, ответил, что британцы-де приходят сюда для поклонения величайшей из гор...

И снова уходят отряды, чтобы с языка Ронгбукского ледника увидеть Джомолунгму — «гору, которую не перелетит птица», как говорят шерпы, гору, которая, словно оборотень, обманывает и запутывает человека.

Спорт вне стадионов

Да, альпинизм — это спорт, но горы не стадион и не ринг. Здесь соревнование происходит в безмолвии. Схватка с противником, который требует от тебя не только сноровки и сил, но и упорства, товарищества, самопожертвования, сам же прибегает к любым недозволенным приемам.

Здесь все обращено против человека: неистовый ветер, пронизывающий холод, метели и лавины, кислородное голодание, которое парализует не только мускулы, но и мозг. Отсюда возникают апатия, взрывы раздражения, сменяющиеся снова полнейшим безразличием.

Удивительно ли, что скоро минет почти сорок лет с того дня, когда с Тибета двинулась цепочка людей к белевшей за ледником горе, но по сей день остается неразрешенной проблема последних трехсот метров северо-восточного гребня?!

Для англичан Эверест стал делом их престижа. И в послевоенные годы снова выходит разведка, на этот раз иным путем — с юга, из Непала. Главные технические трудности лежат здесь в нижней зоне.

Непальский вариант оказался более доступным. Через три года после первой разведки на вершину вступили в 1953 году новозеландский пчеловод Э. Хиллари и индийский альпинист Тенсинг. Еще три года спустя восхождение повторили швейцарцы Э. Шмид и Ю. Мармет, А. Рейст и Г. Р. фон Гунтен.

Но поднятый над Тибетом северный гребень все еще ждет человека.

Вершины зовут

Историограф гималайских экспедиций профессор Г. Диренфурт указывал: «На протяжении двух десятилетий попытки восхождения на Эверест были монополией британских альпинистов. Ни разу не допускались даже американцы, о восходителях других европейских стран не было и речи».

Заметим, что в Гималаях и лежащей к северо-западу горной цепи Каракорум («Черная осыпь») сосредоточены все 14 «восьмитысячников» планеты. Из них завоевано теперь двенадцать, и в перечне победителей мы видим не только имена англичан, но и австрийцев, шерпов, итальянцев, французов, японцев, американцев.

Несколько лет назад по любезному приглашению наших британских коллег в Лондон прибыли Е. А. Белецкий — токарь Кировского завода, заслуженный мастер спорта, и Е. Б. Гиппенрейтер—инструктор альпинизма. В беседе Белецкий привел те новые названия — «пик Единства», «пик «Дружбы», — что указаны ныне на карте СССР, напоминая об узах, связывающих народы Советского Союза и Китая во всех сферах жизни, в том числе и в горном спорте. Говорил он и о том, что очередной нашей совместной целью намечен легендарный «Отец ледяных гор» — Музтаг-Ата, что белеет над Кашгарским хребтом в одной из западных провинций Китая.

Мелькнувшее в беседе название «Музтаг» заинтересовало не только председателя клуба сэра Джона Ханта, но и включившегося в разговор уже немолодого, сухощавого джентльмена с сединой

в волосах и зоркими, прощупывавшими гостей глазами. Это был Шиптон, тот, кто не раз вел экспедиции на штурм гималайских гигантов, а в 1947 году вместе с Тилменом отступил, так и не достигнув вершины Музтаг-Ата.

Когда же Хант вручал Белецкому моток веревки из нового материала с пожеланием донести ее до высочайшей из вершин Кашгарских гор, Шиптон тоже произнес несколько светских фраз, но в глазах его мелькнуло явное недоверие.

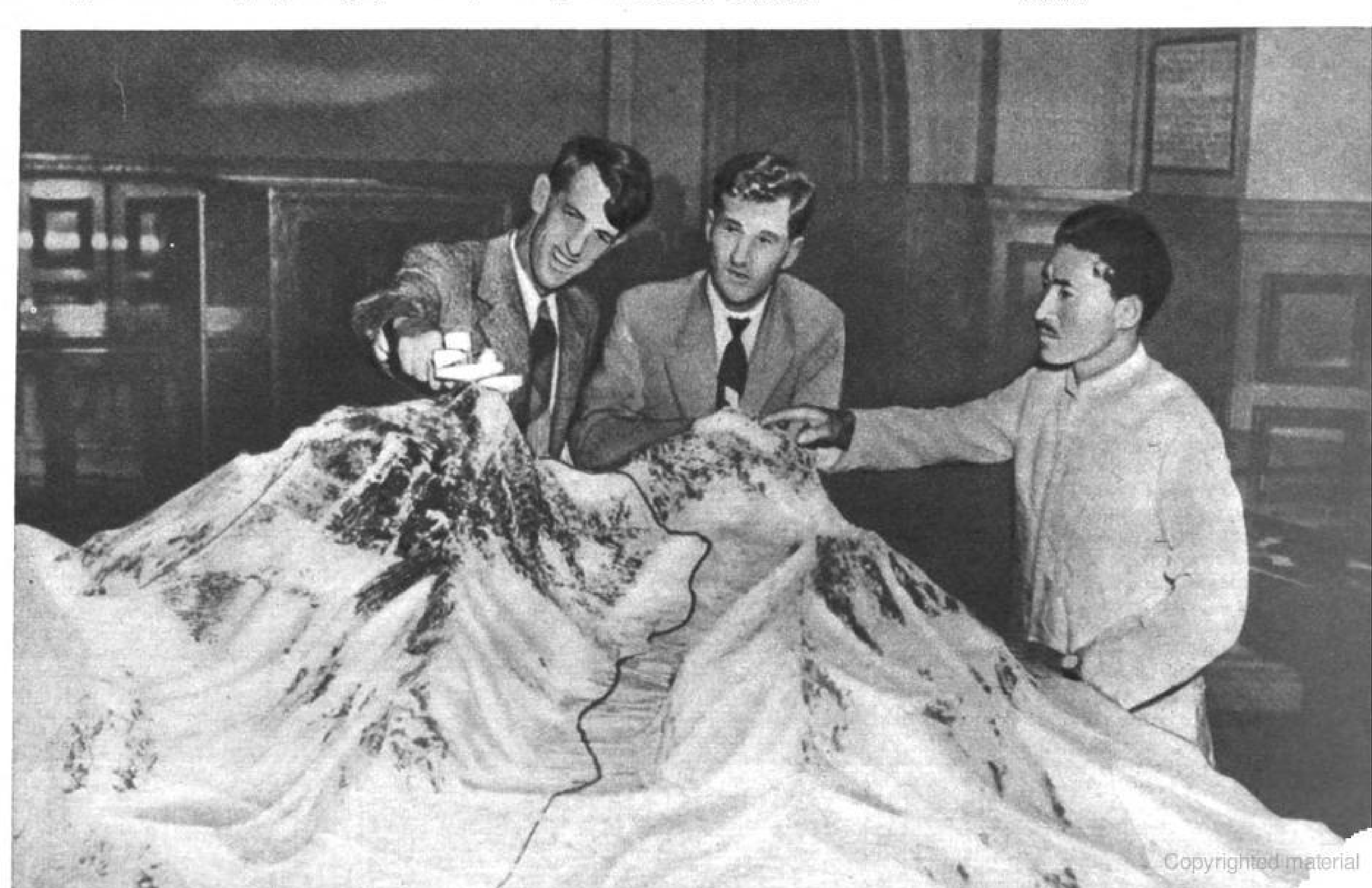
Не прошло и года после этой встречи, а на ледяном куполе горы уже трепетали рядом два алых стяга: с серпом и молотом—СССР и со звездами — Китая,— а в отправленной в Лондон посылке лежали кусок веревки и камень с вершины «Отца ледяных гор».

Высотники Советской страны расправляли крылья для новых взлетов.

Двукратное восхождение на пик Победы и подъемы на пик Сталина и Конгур-Тюбе (экспедиций, руководимых В. М. Абалаковым, К. К. Кузьминым, И. А. Ерохиным, О. И. Гигинейшвили, В. И. Рацеком), более ста двадцати альпинистов, побывавших на семитысячном куполе пика Ленина, новые пути в хребтах Памира и Тянь-Шаня. Таковы пути, таковы победы.

Да, нашим восходителям уже тесно под прежним потолком. Вместе с китайскими друзьями они готовы к новым рекордным восхождениям. Там, с плоскогорий Тибета, перед ними предстает величественный массив Джомолунгмы. Он зовет. Он ждет наших альпинистов, и они придут туда!

Те, кто покорил в 1953 году высочайшую гору, еще и еще раз изучают на макете не пройденный по сей день северный вариант. Слева — новозеландский пчеловод Э. Хиллари, справа — прославленный индийский альпинист Тенсинг. В центре — начальник экспедиции сэр Джон Хант.

ПЕСНЮ — В ЖИЗНЬ!

Профессор А. В. СВЕШНИКОВ
Председатель оргкомитета Всероссийского хорового общества, народный артист СССР

Концерт в Петрозаводске на открытии Карельского отделения Всероссийского хорового общества.
Фото П. Беззубенко.

Мне вспомнились трудные двадцатые годы... Станция Сортировочная Московско-Казанской железной дороги. Великий почин железнодорожников, выходивших на субботники с пением «Интернационала». Рабочий хор, которым я тогда руководил. Усталые, в грязной одежде, но взволнованные, горящие энтузиазмом люди, приходившие ко мне на репетиции...

Вспомнилось это потому, что недавно на Сортировочной побывал Государственный академический русский хор с концертом, устроенным для бригад коммунистического труда. Наши певцы выступали в депо. И никто из них не замечал ни станционного шума, ни плохой акустики. Ведь аплодисменты, признание везде одинаково дороги. А здесь, перед этой аудиторией, особенно.

Студенческие концертные бригады выезжали на целину, в подмосковные колхозы, на зуевскую фабрику «Красный ткач». Везде они встречали самый искренний прием.

— Мы хотим послушать те песни, с которыми вы обычно выступаете на столичных концертах. Не старайтесь «приспособиться» к нашим вкусам. Мы любим хорошую музыку, хорошую песню,— таково было всеобщее пожелание.

Студенты и сами понимали, что суррогаты искусства не нужны требовательной аудитории. Они исполняли Рахманинова и Сен-Санса, Шуберта и Шостаковича, Шопена и Сарасате. И серьезная программа неизменно находила успех.

По сути, подобная музыка давно вошла в быт народа: ведь радио есть повсюду. Но, что ни говори, прослушивание записей по радио, став обыденностью, не всегда удовлетворяет наших слушателей. Включаешь вечером приемник без тех волнующих, праздничных минут ожидания, которые всегда предшествуют хорошему концерту. А встреча с искусством всякий раз должна быть праздником.

Сейчас наш народ уже сам творит это праздничное, высокое искусство.

Чайковский и Ипполитов-Иванов мечтали когда-то о массовом хоровом обществе. Но в старой России не было условий для развития народных талантов. Ныне в Российской Федерации работают 75 отделений хорового общества. Жизнь в них бьет ключом. На востоке республики, в Хабаровском крае, недавно прошел первый нанайский праздник песни. На западе, в Калининграде, создан хор ветеранов труда. На севере, в Архангельске, организуется академический хор при музыкально-педагогическом училище. В Центральной России, в рабочих клубах Иванова, создаются кружки по изучению нотной грамоты. В Воронеже будет открыто детское хоровое училище.

Сотни любителей хорового пения собрались в Петрозаводске на открытие Карельского отделения Всероссийского хорового общества.

Хоровая музыка звучит в Уфе и Чите, Краснодаре и Улан-Удэ, Костроме и Смоленске... Прошлогодняя первомайская демонстрация в Ленинграде открывалась не традиционным маршем оркестра, а «Песней о Родине» Дунаевского. Огромная колонна демонстрантов исполняла песню под руководством композитора Соловьева-Седого.

На свердловском областном празднике песни только в качестве исполнителей участвовало свыше 100 тысяч человек. На 25 зрительных площадках Свердловска за два дня было дано 70 концертов. По улицам проезжали разукрашенные тройки с гармонистами и частушечниками. Стадион, где выступал восемнадцатитысячный сводный хор, был весь покрыт зонтиками, но ни одно место не пустовало. Мощно, торжественно прозвучало в исполнении этого грандиозного хора «Славься» Глинки.

Не случаен был девиз праздника: «Нам песня строить и жить помогает...» Мне видится в свердловском празднике что-то от всенародных массовых музыкальных действ нашего коммунистического будущего, когда песня, музыка станут неразлучными спутниками человека. К этому будущему мы идем. Стоит сравнить: восемнадцатитысячный хор одной лишь Свердловской области — и хоровое общество всей дореволюционной России, состоявшее из 150 человек.

Свердловский праздник песни своим успехом во многом обязан вниманию и поддержке со стороны партийных и общественных организаций области. Они показали хороший пример, проявив заботу о новом деле. А ведь, как и во всяком новом деле, в создании Всероссийского хорового общества есть свои трудности. Но все они преодолеваются там, где есть настойчивость и упорство, где воспитывают высокие художественные вкусы молодежи и всего народа.

Нужно, чтобы во всех самых отдаленных пунктах страны был свой хор!.. Сначала хор. Потом музыкальная школа. А со временем — филармония, консерватория и даже опера. Пусть песня с каждым днем все шире входит в нашу жизнь!

После выступления ОГОНЬКА

«С рецептом в руках»

Вот пачка писем. О чем в них говорится? В аптеках Казани далеко не всегда удается найти бром, папаверин, капли Зеленина. В Череповце нет почему-то эфедрина. Аптек мало даже в Москве, притом в некоторых районах столицы число их сокращается: на сравнительно небольшом участке — у Никитских ворот и на площади Восстания — было две аптеки. Теперь их нет, а о замене не подумали.

Мы процитировали только то, что написали нам читатели Б. Ушаков, И. Гутов, Е. Славина. Многими такими фактами заполнены и другие письма, полученные редакцией после опубликования в № 39 за 1958 год репортажа «С рецептом в руках».

Откликнулись и те, кому тема репортажа особенно близка: фармакологи, провизоры. И. Сеченова и М. Алюшин предлагают улучшить техническое оснащение аптек. Пока оно явно неудовлетворительно. «Смешивание порошков, их развеска и упаковка производятся вручную. Нет необходимого набора мерной посуды. Нет аппаратов для получения дважды перегнанной воды». Я. Дрейзин пишет, что аптекам, страдающим от перегрузки, следовало бы почаще привлекать к временной работе провизоров-пенсионеров: они с готовностью согласятся на это. По его мнению, в медицинских вузах нет заботы о том, чтобы студенты хорошо знали аптечное дело. Будущие врачи должны обязательно проходить практику не только в лечебных учреждениях, но и в аптеках. В. Дорф считает, что систему заготовок лекарственных трав целесообразно изменить.

Руководитель Московского облаптекоуправления М. Кислов сообщает, что статья «С рецептом в руках» обсуждалась на совещании актива. В районах области решено провести совместные конференции фармацевтов и врачей, чтобы укрепить связь между ними. Намечены меры по улучшению ремонта и строительства аптек.

Отмечая правильность выступления журнала, руководительница Ленинградского горaптекоуправления И. Агалакова указывает, что подчас не хватает даже простейших лекарств, которыми аптеки в течение десятилетий снабжались бесперебойно. «Главснабсбыту Министерства здравоохранения СССР необходимо добиваться через совнархозы полного удовлетворения потребности в этих лекарствах».

Репортаж «Огонька» обсуждался и на совещании управляющих аптеками города Калинина. Сообщая об этом, руководитель облаптекоуправления Н. Горшков пишет: «Сроки изготовления лекарств теперь уменьшились примерно вдвое. Однако эти сроки следует еще больше сократить, внедряя готовые лекарства».

Заместитель начальника Главаптекоуправления Министерства здравоохранения РСФСР М. Волошин рассказывает о мерах, принятых для значительного увеличения производства медикаментов. В репортаже «Огонька» отмечалось, что необходимо выпускать специальные лекарства для детей. Разработка таких лекарств поручена институтам Москвы и Харькова. Производство дражированного аминазина теперь освоено на Щелковском витаминном заводе.

Редакция получила письмо заместителя министра здравоохранения СССР М. Хомутова. По наметкам семилетнего плана, производство медикаментов и медицинских изделий в 1965 году увеличится втрое; такими темпами фармацевтическая промышленность никогда не развивалась. Для выполнения этой задачи реконструируется ряд предприятий. Строятся и новые, причем некоторые из них начнут действовать уже в 1959 году. Особое внимание уделяется выпуску готовых медикаментов. Больше половины всех лекарств, отпускаемых по рецептам, можно будет получать в аптеках незамедлительно в готовом виде. Резко увеличится число аптек. Например, в РСФСР их будет на 2 700 больше, чем теперь.

Все это в будущем. Однако следует отметить, что уже сейчас Министерство здравоохранения СССР многое могло бы сделать для улучшения работы аптек.

В аптеках то и дело отсутствуют десятки самых различных медикаментов. Перебои зачастую вызваны отнюдь не тем, что наша промышленность не в силах выпускать нужное количество этих лекарств или содержащихся в них веществ. Беда в другом. Аптеки лишены возможности обеспечивать себя потребными запасами медикаментов из-за скудости оборотных средств. Очевидно, нормативы этих средств, устанавливаемые местными финансовыми органами, должны быть повышены. М. Хомутов так и пишет: «Необходимо, чтобы министерства здравоохранения союзных республик добивались на местах соответствующих нормативов...» Но почему союзное министерство не может добиться решения этого важного вопроса?

В московских аптеках стало свободней с тех пор, как они перестали торговать парфюмерией и косметикой. Между тем этот опыт москвичей не подхвачен в других крупных городах, хотя там в магазинах, киосках, ларьках полным-полно парфюмерно-косметических товаров и загружать ими аптеки незачем.

От оформления и упаковки зависит не только внешний вид лекарств, но и их качество. Тем не менее аптеки до сих пор испытывают нужду в корковых пробках, банках и склянках из темного стекла с навинчивающимися крышками и т. п. Какова позиция министерства? Оно опять же ссылается на местные органы.

Надо ожидать, что коллегия Министерства здравоохранения СССР примет более действенные меры, чтобы быстрее изжить недостатки в аптечном деле.

И. С. Кабанов. (Сталинск). ЖИЗНЬ МОЛОДАЯ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию ВЛКСМ.

К. М. Ломыкин. (Одесса). ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ.

Первые туры

Сало ФЛОР
Специальный корреспондент «Огонька»

В турнирном зале.

Фото В. Джейранова.

Принято, что в эту пору года на юг для тренировок приезжают футболисты. Но на этот раз первыми «спортивными ласточками» в Грузии оказались шахматисты. Они приехали сюда не для тренировок, а по весьма важному поводу — выявить чемпиона страны.

Тбилиси не впервые является ареной шахматного чемпионата. Подобный турнир проводился здесь в 1937 году. С тех пор произошли большие перемены. Участники чемпионата той поры ушли в шахматную отставку. Сегодня участвует новая плеяда шахматистов. Некоторые из них, например, Таль, родились примерно в годы первого чемпионата в Тбилиси.

Накануне отъезда на юг Пауль Керес, 7 января, в 43-й раз праздновал свой день рождения. Эстонский гроссмейстер в Тбилиси присмотрелся к участникам турнира и сказал:

— Как хорошо, что здесь Нежметдинов, а то я был бы старейшим шахматистом чемпионата.

Понятно, что никому в турнире не хочется играть роль последнего, но и роль старейшего не очень-то приятна!

Над Тбилиси прошел шахматный вирус. Это чувствуется на каждом шагу. Гуляя по замечательному проспекту Руставели, можно часто слышать разговоры на шахматные темы. Не только ребята, но и взрослые уже успели познакомиться с нашими шахматными звездами и просят у них автографы.

На красиво убранной сцене Театра имени Руставели начался молчаливый шахматный спектакль. Зрители Тбилиси темпераментны. После первых туров еще не ясно, за кого они болеют, но, судя по некоторым приметам, симпатиями пользуется Тигран Петросян. Ведь Тбилиси — его родной город. Здесь он прожил 15 лет — большую половину своей жизни. Тбилисцы хорошо знают Д. Бронштейна. Он жил в Тбилиси в годы войны. Естественно, что с большой симпатией земляки относятся к Б. Гургенидзе.

В первом туре еще не дошло до «рукопашных схваток». Но зато тбилисцы не так скоро забудут второй тур. Настоящей сенсации добился один из пяти дебютантов этого чемпионата — молодой московский мастер Я. Юхтман.

Чемпион СССР Михаил Таль, несомненно, был героем 1958 шахматного года, но первую партию нового года он провел неудачно. Юхтман не проявил никакого страха перед самым грозным партнером. Наоборот, он смело предложил центральный гамбит, жертву двух пешек. Таль часто и надолго задумывался, и мы увидели редкую картину в практике Таля: он чуть не попал в цейтнот. Когда же Таль вышел из тяжелого положения, серьезная ошибка на 29-м ходу привела его на сей раз к непоправимой катастрофе.

Зрители, как известно, любят сенсации. Любят, когда проигрывает чемпион. Но на этот раз аплодисменты в адрес победителя были весьма жидкие. Видимо, проигрыш Таля не устраивал тбилисцев. Не устраивал он и самого Таля и рижских любителей шахмат.

В этот воскресный вечер долго толпа болельщиков обсуждала неожиданные итоги. Один взволнованный человек спросил меня:

— Слушай, генацвале, объясни, как это Таль мог проиграть Юхтману? Это ведь то же самое, что «Спартак» проигрывает «Адмиралтейцу». Чудеса!

Я попробовал успокоить его:

— Сегодня Юхтмана мало кто знает, а может быть, он скоро будет знаменит, как это было и с Талем. Три года назад Таль был мастером, а сегодня его имя гремит на весь мир...

Объяснение только частично устроило моего собеседника и собравшуюся толпу. Уж слишком верят все в Таля и привыкли видеть его победителем.

Поражение Таля во втором туре не единственная драма. Жертвой цейтнота стал В. Корчной, у которого Ю. Авербах весьма хитрым способом «выловил» целого слона.

Молодой чемпион Москвы Е. Васюков строго наказал С. Фурмана за неэкономное распределение своего времени. Последнему на 15 х дов оставалась одна минута. Пр красно построенный стратегически шахматный корпус Фурмана бы разрушен в несколько секун Страшно было смотреть.

Старт дан. Уже есть первые се сации. Но все еще впереди.

Тбилиси.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И ДРУГА

Умер Борис Андреевич Лавренев — большой русский писатель и общественный деятель, человек высокой культуры и яркого творческого дарования. Потеря велика. Безвременно ушел из жизни талантливый драматург, писатель, художник, заботливый и мудрый учитель литературной молодежи.

Всю свою интересную творческую жизнь он был верен военной теме. Историческая драма «Разлом», написанная к десятилетию Советской власти, была событием в театральной жизни страны. Пьеса не сходит со сцен театров уже более тридцати лет. В этом классическом произведении Борис Андреевич с исключительной силой показал накал революционной романтики балтийских моряков, раскрыл ведущие черты характера советского человека — воина и революционера, показал силу партийного влияния на ход исторических событий.

Пьесы «За тех, кто в море!» и «Песнь о черноморцах» были результатом корреспондентской работы писателя во время Великой Отечественной войны, итогом наблюдений над боевой жизнью военных моряков. Даже в пьесе «Голос Америки» Лавренев в какой-то мере остался верен военной теме, показав честного американского офицера, вступившего в ряды активных борцов за мир.

Два поколения советских людей учились на чудесных рассказах Лавренева тому, как надо жить, трудиться, мужественно и умело защищать Родину от врагов в тяжелую годину. Такие повести и рассказы о гражданской войне, как «Ветер», «Сорок первый», «Рассказ о простой вещи», прочно вошли в золотой фонд советской литературы.

Борис Андреевич Лавренев много работал с литературной молодежью, внимательно следил за творческим ростом многих начинающих писателей, по-отечески помогая им совершенствовать свое мастерство. Десятки молодых писателей-моряков вели с Лавреневым переписку, посылали ему свои произведения и всегда получали ответ. С первых дней создания журнала «Советский моряк» Борис Андреевич был бессменным членом редколлегии, помогая нам в трудной работе.

Капитан 1-го ранга Б. Лавренев после Отечественной войны ушел в запас флота, но, по существу, он всегда был в строю. И даже после своей смерти он остается в строю своими замечательными произведениями, помогающими советским людям строить коммунизм.

Генерал-майор П. МУСЬЯКОВ

Всегда для народа

Писательский облик Ивана Алексеевича Новикова был неотделим от его внутреннего душевного облика. Сколько в пределах своих сил Новиков мог сделать добра, он сделал, и нет ни одного вида внимания к человеку, к его нуждам, который был бы несвойствен Ивану Алексеевичу. В этом смысле он пронес через всю свою жизнь образцовые традиции русского писателя, и поэтому с такой душевной болью простились мы с нашим старым и испытанным другом.

И. А. Новиков пронес традиции русского писателя и сквозь всю свою деятельность. Он берег Слово и прославлял Слово. Он знал чистоту и глубину русской речи; и то, что он заново перевел «Слово о полку Игореве», и то, что одна из его книг посвящена творчеству Тургенева,— все это было выражением преклонения перед Словом, перед музыкой русского языка. Его лучший роман «Пушкин в изгнании», столь хорошо известный нашему читателю, имел в своей основе преклонение перед величайшим поэтическим словом Пушкина. Пушкин и Тургенев были спутниками Ивана Алексеевича, и во время Великой Отечественной войны самолет «Александр Пушкин», построенный на средства, собранные Новиковым, выполнял великое дело защиты родной земли.

Иван Алексеевич написал много хороших прозаических книг и много стихов. Он был писателем в самом высоком значении этого слова, и служба своему народу была для него высшей службой. Уже тяжело больной, почти умирающий, он прижал к груди одну из своих книг со словами: «Только для народа... всегда только для него».

Времени дано будет оценить в полной мере литературное наследство И. А. Новикова. Молодой читатель, которого взволнуют впервые познанные строки Пушкина, обратится к книгам Ивана Алексеевича о Пушкине, чтобы представить себе жизненный образ великого поэта. Литературоведы не обойдут работ Новикова о русском языке. Он сделал много за свою жизнь, этот добрый, благожелательный к людям человек, и в советской литературе не заглохнет голос его, голос писателя, поставившего своей единственной целью службу родному народу.

Вл. ЛИДИН

САМАРА, 1889 ГОД...

В последнее время найдены документы, относящиеся к самарскому периоду жизни семьи Ульяновых.

В Центральном историческом архиве Татарской АССР обнаружены «Сведения относительно жизни и семейного положения ученика V-го класса... Дмитрия Ульянова», присланные директором Самарской гимназии попечителю Казанского учебного округа. Эти «сведения» являются и по форме и по содержанию настоящим полицейским доносом, из которого видно, что не только жандармерия и полиция, но и гимназическое начальство вело в то время самую тщательную слежку за семьей Ульяновых.

«В одно из прежних посещений г. инспектирующим, — написано в «сведениях»,— был усмотрен на столе Ульянова (Дмитрия.— В. Ч.) один том сочинений Помяловского, признанных вредными для юношеского возраста и запрещенных. Это сочинение было взято воспитанником из домашней библиотеки. Но вина в этом прискорбном обстоятельстве всецело падает на старших членов семьи... По поводу этого случая я беседовал с матерью о вреде книг отрицательного направления для юношеского возраста и просил ее закрыть своему сыну доступ в домашнюю библиотеку, где могут быть и другие книги, не соответствующие его возрасту».

В другом подобном же донесении сообщалось о Владимире Ильиче: «Старший сын Ульяновых, 19 лет, как исключенный за беспорядки из университета без права вторичного поступления, также не представляет благонадежного элемента семьи и ее будущего направления».

За последнее время куйбышевским историкам удалось уточнить, где находилась публичная библиотека, которую в 1889—1893 годах часто посещал В. И. Ленин. В газете «Волжский комсомолец» в июне 1957 года был опубликован снимок этого здания, относящийся к 90-м годам прошлого века. Здание сохранилось. Сейчас на доме № 95 по улице Куйбышева укреплена мемориальная доска.

В «Самарской газете» за 21 мая 1889 года найдено интересное объявление о частных уроках. Выяснилось,

Бывшій студентъ
желаетъ имѣть уроки. Согласенъ въ отъѣздъ.
Адресъ: Вознесенская ул., д. Саушкиной, Елизарову, для передачи В. У. письменно.
1114—10—2

что оно принадлежало В. И. Ленину. Объявление В. И. Ленина повторялось несколько раз в майских и июньских номерах газеты.

Упоминаемый в объявлении Елизаров — впоследствии муж старшей сестры Владимира Ильича, А. И. Ульяновой. В то время семья Ульяновых находилась на хуторе при деревне Алакаевке, Самарского уезда, куда она в первых числах мая переехала из Казани. Найденные объявления в «Самарской газете» рассказывают нам о стремлении Владимира Ильича облегчить материальное положение семьи, зарабатывая частными уроками.

В. ЧУЕВ

ОТ КРАЯ

Продавец магазина № 22 Мосхозторга показывает супругам Сопыгиным ножную швейную машину, которую они выиграли.
Фото В. Семьянова.

Выиграли!

Старый рабочий Василий Михайлович Токарев, проходя вместе с женой по площади Дзержинского, купил у станции метро три билета денежно-вещевой лотереи РСФСР.

— Обязательно швейную машину выиграете,— пошутила девушка, распространявшая билеты.

И действительно, на билет № 051 серии 59119 пал именно такой выигрыш.

В магазине № 22 Мосхозторга мы познакомились с супругами Сопыгиными и с молодой четой Ирадовских.

— Сегодня третий выигрыш получаем,— сказала Мария Михайловна Ирадовская.— Сначала платок полушерстяной, затем парфюмерный набор и вот — ножную швейную машину.

Кого только не встретишь среди получателей выигрышей! Здесь и крановщица с завода малолитражных автомобилей К. И. Алабина, и домохозяйка А. А. Елисеева, и печатница Т. И. Субботина, и бетонщик из города Клина С. С. Крылов, и диспетчер станции Москва-Павелецкая товарная С. И. Селянинов. Одни получают холодильники, другие — пылесосы, третьи — стиральные машины.

В ГУМе сотни москвичей получают по выигрышам золотые наручные часы, меховые пальто, радиоприемники, радиолы, аккордеоны.

Не в обиде и любители фотографии. Когда мы пришли на Петровку, в широко известный москвичам магазин фототоваров, у прилавка оказались сразу три получателя выигрышей: бульдозерист Василий Федорович Чаплыгин, слесарь Василий Дмитриевич Нестратов и ученик 2-го класса 110-й школы Краснопресненского района Саша Вершков.

— Вот научимся хорошо фотографировать и тогда в журнал принесем снимки. Верно? — сказал Нестратов.

— Я сфотографирую стройку жилых домов,— откликнулся Чаплыгин.

— А я ребят в школе,— добавил Саша Вершков.

Ал. ФРИДЛЯНСКИЙ

Вместе с польскими друзьями

Главные инженеры проектов осушения болот и регулирования пограничных рек Д. И. Кузнецов (слева) и И. С. Рыбаков.
Фото М. Савина.

Реки Волокушанка, Лесна, Правая и Пульва пересекают границу Белорусской ССР и Польской Народной Республики. В их бассейнах много заболоченных земель.

Белорусские изыскатели горячо откликнулись на предложение польских друзей о совместном исследовании этих пограничных рек. С компасом, картой и теодолитом неутомимо шли по болотам сотрудники Белорусского института водохозяйственного строительства и польские специалисты. Они провели рекогносцировку местности, исследовали сток болотных рек, вели разведочное бурение, изучили толщину и состав торфяных залежей, уровень грунтовых вод.

Проекты освоения массива уже готовы, и скоро в поход за освоение новых земель выйдут белорусские и польские мелиораторы. Они совместно проведут регулирование рек: выпрямят русла, расчистят и углубят дно, построят шлюзы и мосты, проложат осушительные каналы. Это позволит пограничным белорусским колхозам освоить две тысячи гектаров новых земель. Польские сельскохозяйственные кооперативы в Люблинском и Ольштынском воеводствах получат для посевов пять тысяч гектаров.

Е. ЛЬВОВ

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов на переписи населения

«Цель переписи научная,— писал Л. Н. Толстой в статье «О переписи в Москве».— Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии — счастие людей».

Переехав в 1881 году в Москву, Лев Николаевич был поражен нищетой, царившей во многих районах второй столицы империи. И когда в январе 1882 года началась трехдневная городская перепись населения, писатель принял в ней участие.

«Мне назначили для переписи, по моей просьбе, участок Хамовнической части, у Смоленского рынка, по Проточному переулку, между Береговым проездом и Никольским переулком».

В числе двух тысяч счетчиков Лев Николаевич ходил по квартирам, ночлежкам, конурам, в которых ютилась беднота. В его записной книжке появились лаконичные, потрясающие трагизмом записи: «в 2,11 кв. 4 проститутки», «кв. 24 Евграфов сироты», «две старухи с дочерьми проститутками».

Итогом участия Л. Н. Толстого в переписи явилась замечательная статья «Так что же нам делать?». В ней пафос обличителя сливается с глубокой человеческой заботой о тех, кто погибал в трущобах, невдалеке от особняков богачей.

Участвовал в переписях и Антон Павлович Чехов. 11 сентября 1890 года он писал Суворину:

«...Я имел терпение сделать перепись всего Сахалинского населения. Я объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым; употреблял я при переписи карточную систему, и мною уже записано около десяти тысяч человек каторжных и поселенцев. Другими словами, на Сахалине нет ни одного каторжного или поселенца, который не разговаривал бы со мной».

Это был настоящий подвиг писателя!

Труднейшую работу, за которую не взялся бы, пожалуй, ни один статистик, Антон Павлович выполнил почеховски скромно и добросовестно. Судьбы многих тысяч людей прошли перед Чеховым, оставив свой след в его душе, в его творчестве.

В 1897 году, живя в Мелихове, Антон Павлович участвует в первой всеобщей переписи населения России.

Чехову подчинили пятнадцать человек; писатель шутя говорил, что он теперь что-то вроде ротного командира или боцмана.

«Выдали счетчикам отвратительные чернильницы,— писал Антон Павлович,— отвратительные аляповатые знаки, похожие на ярлыки пивного завода, и портфели, в которые не лезут переписные листы... Срам. С утра хожу по избам, с непривычки стукаясь головой о притолоки, и, как нарочно, голова трещит адски: и мигрень, и инфлуэнца».

В дневнике отца писателя любопытны короткие записи: «1897. Январь. 13. Антоша переписывает в Мелихове. Февраль. 5. Антоша закончил народную перепись».

Серьезно огорчаясь неразберихой, царившей в организации переписи, Антон Павлович все же отмечал, что работают прекрасно все, кроме попа и земского начальника, «который живет почти все время в Серпухове, ужинает там в собрании и телеграфирует мне, что болен».

К. БАРЫКИН

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

ДО КРАЯ

Образы чешской оперы

...Старое моравское село. Красочные одежды крестьян. Яркие тона осени. И на этом фоне драматическая история Енуфы.

Красивая, умная, чистая сердцем девушка, падчерица церковной сторожихи, беззаветно полюбила беспечного, легкомысленного парня Штеву и ждет от него ребенка. Богатый Штева не хочет жениться на Енуфе. Мачеха, чтобы спасти честь девушки да и свою честь, скрывает падчерицу от людей, сама крестит новорожденного и, отчаявшись склонить Штеву к свадьбе, решается на преступление. Тайком уносит она ребенка из дому и бросает его в прорубь.

Тяжело переживает свою трагедию Енуфа... Спасает девушку лишь страстная, готовая на все жертвы любовь Лацы — это сводный брат Штевы. В день свадьбы Енуфы и Лацы преступление мачехи раскрывается. Но истинное чувство выдерживает и это страшное испытание. Любовь непобедима...

Сцена из спектакля «Ее падчерица». Енуфа — Н. Соколова, Лаца — А. Масленников.

Фото Б. Борисова.

Такова гуманистическая идея оперы Леоша Яначка «Ее падчерица». Недавно опера поставлена на сцене Новосибирского театра, а сейчас идет и в Москве, в Филиале Большого театра.

Широко известно имя Леоша Яначка, замечательного чешского композитора. Талантливый продолжатель традиций национальной музыки, заложенных Сметаной и Дворжаком, Леош Яначек дорог нам не только как выдающийся художник, прославивший родное искусство, но и как пламенный поборник дружбы чехов и русских, друг и почитатель русской культуры.

Многие произведения Яначка непосредственно вдохновлены образами русской литературы. Творениям Льва Толстого, А. Островского, Ф. Достоевского, Н. Гоголя посвящены оперы Яначка «Анна Каренина», «Катя Кабанова», «Из мертвого дома», симфоническая трилогия «Тарас Бульба».

Реалистические черты творчества Яначка, его новаторский талант с наибольшей силой как раз проявились в опере «Ее падчерица», написанной по мотивам драмы Габриэллы Прейссовой. Музыка захватывает своей драматической взволнованностью, остротой экспрессии. В драматургии оперы, удивительно цельной и лаконичной, все «работает» на раскрытие внутренней жизни героев.

Совместная работа русских и чешских деятелей театра над постановкой оперы Яначка — лучшая дань его светлой памяти.

Чешский режиссер Оскар Лингарт, художник Карел Сволинский, балетмейстер Иржи Немечек, приглашенные для участия в постановке Большого театра, проявили глубокое понимание народной жизни, знание музыки Яначка. Об этом говорят строгий лаконизм и яркий народный колорит декораций и костюмов, внешняя скупость и в то же время психологическая «емкость» мизансцен, самобытность жанровых картин. Подлинным вдохновителем спектакля явился замечательный чешский дирижер Зденек Халабала, высокое мастерство которого советские слушатели уже успели оценить по предыдущим постановкам в Большом театре.

Творческое общение с чешскими мастерами принесло большую пользу оркестру, хору, артистам Большого театра, особенно молодым певцам. Все они порадовали хорошими голосами, выразительным исполнением. С большой искренностью и психологической глубиной Наталья Соколова раскрыла трагедию Енуфы, вызвав у зрителей теплое сочувствие к своей героине. Алексей Масленников создал рельефную, противоречивую фигуру Лацы — «колючего», обозленного юноши, способного на сильную и преданную любовь. В сложном драматическом образе мачехи И. Архипова сумела показать борьбу хороших человеческих чувств с предрассудками старого быта.

Успех оперы Яначка в Большом театре — результат плодотворного творческого сотрудничества мастеров искусства двух социалистических стран.

Е. ГРОШЕВА

Время на ощупь

Мужчина в автобусе повернулся к своему соседу и громко сказал:

— Уже половина третьего, как бы не опоздать.

И тут все обратили внимание на то, что оба пассажира слепые.

«Петродворец» — так называются специальные наручные часы, выпускаемые для лиц, потерявших зрение. Они созданы и изготовляются на Петродворцовом заводе по заказу Всесоюзного общества слепых.

От обычных часов их отличает верхняя откидная застекленная крышка и особый циферблат, покрытый ювелирной эмалью, не боящейся коррозии и загрязнения от прикосновения рук. На циферблате рядом с цифрами имеются опознавательные эмалевые выступы. Откинув крышку с помощью кнопки, расположенной около заводной головки, человек нащупывает расположение стрелок по отношению к выступам и с точностью до одной минуты определяет время. Для удобства минутная и часовая стрелки установлены несколько выше, чем в других механизмах.

М. ФРИДМАН

КОГДА В ЭФИРЕ ТЕСНО...

Георгий Федоровский — врач. Он научный сотрудник Института психиатрии и очень любит свою работу. В библиотеке у Федоровского много медицинских книг, но соседствуют они, как это ни странно на первый взгляд, с работами по радиотехнике. Дело в том, что Георгий Николаевич крепко привязан и к радиолюбительству.

— Начал я им заниматься лет двадцать назад, да так втянулся в это дело, что не мыслю досуга без него...

Разговор идет в квартире Федоровского, возле его домашней любительской радиостанции «УА-3-ФМ», которая только что включена. Мигнул красный глазок индикатора. Комната заполнилась хаосом звуков. Кто-то кого-то разыскивал в эфире, кто-то сообщал новости, кто-то настойчиво, без устали передавал: «Всем... всем... всем... Вызываю дальнюю станцию...»

— Тесновато в эфире! — Георгий Николаевич на минуту снял наушники.— Особенно в последние дни, после запуска нашей ракеты. Отовсюду идут вести: «Слышали сигнал русской лунной ракеты». Вот, например...

Щелкнул рычаг настройки. Федоровский сказал в микрофон несколько слов и перешел на прием.

— Это ты, Георг? — моментально ответил ему давно знакомый радиолюбитель Вольфганг Рах из Шверина.— Как живешь, старина? У вас прекрасные новости. Сердечно поздравляю с запуском ракеты. Это колоссальный успех. Колоссальный! Где она сейчас? Уже стала спутником Солнца?

Едва кончилась эта радиосвязь, в микрофоне послышалась английская речь. Начало разговора услышать не удалось, но все же мы поняли, что это переговариваются английский и американский радиолюбители. О чем? Конечно, о «рашен ракете».

Через океан летели слова: «Это блестяще! Завидуем русским. Они умеют делать дела...»

Советская космическая ракета. Контейнер с научной и измерительной аппаратурой (на монтажной тележке).

Таких разговоров было особенно много в первые дни после сообщения о запуске ракеты. Но и сейчас ими полон эфир. Впечатлений у всех столько, что волнения улягутся не скоро...

Звенит эфир. С континента на континент, из страны в страну переносится известие о небывалом еще событии. ...Вновь «УА-3-ФМ» включена. На этот раз Федоровский беседует с радиолюбителем Туллио Тоскани из Кремоны.

— Лучшие комплименты вашей чудо-ракете! — восклицает темпераментный итальянец.— Примите мое поздравление...

В. БОТОВ

Вода пришла в Кзыл-Кумы

Недавно воды Сыр-Дарьи устремились по новому Жана-Дарьинскому каналу, проложенному в песках Кзыл-Кумов.

Когда-то Жана-Дарья была многоводным протоком великой среднеазиатской реки Сыр-Дарьи, текущей в Аральское море. Но затем вода ушла отсюда, и на обширных пространствах Кзыл-Кумов, лишенных влаги, жизнь замерла.

Работы по сооружению канала Жана-Дарьи начались зимой 1957 года. И вот на днях бульдозер снял здесь последнюю земляную перемычку. С пуском канала на обводненных землях возродятся обильные пастбища, начнет развиваться овцеводство.

Б. ВИТОХИН

Жители Кзыл-Орды на берегу нового канала. →

ГАЗЕТА ПОМОГЛА СОРЕВНОВАНИЮ

В одном из декабрьских номеров газеты «Заря Востока» была напечатана фотография Н. Мамая: Мамай читал членам своей бригады эту же газету, вышедшую несколькими днями раньше. Там было напечатано письмо ткибульских горняков. Ведь они одни из первых в стране поддержали почин Николая Мамая.

Среди горняков началось движение за создание бригад коммунистического труда. Молодой бригадир забойщиков Шота Кублашвили с шахты имени Ленина в Ткибули обязался добывать сверх плана по 2,5 тонны угля в смену.

Узнав об этом, редакция «Зари Востока» связалась по телефону с Краснодоном, опубликовала беседу с бригадиром Н. Я. Мамаем. Стало известно, что мамаевцы выдают сверх нормы по пять тонн вместо двух с половиной тонн, как обязались.

И вот последние вести из Ткибули: забойщики бригады Шота Кублашвили догоняют донецких горняков.

И. МЕСХИ

→ Начальник участка А. Цирекидзе (второй слева) поздравляет бригадира Шота Кублашвили с успехом, достигнутым в соревновании с бригадой Н. Мамая.

Фото М. Квирикашвили.

НИЛ — РЕКА БОЛЬШИХ НАДЕЖД

Здесь будет Высотная плотина.

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Фото автора.

С пирамиды Хеопса

В давние времена пирамида Хеопса была облицована сверкающим гранитом. Ныне обнажилась грубая мускулатура строения — многотонные прямоугольные глыбы известняка. Склоны пирамиды Хеопса напоминают крутую лестницу, где каждая ступенька почти в человеческий рост. Поэтому, когда мы с устазом Омаром Шафи решили взобраться на вершину пирамиды Хеопса, это оказалось куда более трудным, чем я предполагал вначале. Но, достигнув вершины, мы были сполна вознаграждены за рискованное предприятие. Перед нами развернулась панорама египетской земли, неповторимое своеобразие которой можно разом понять, лишь глядя на нее с высоты.

Безбрежная рыжая пустыня разметнулась во все концы и растаяла в знойном мареве далекого горизонта. Мертвая, иссушенная земля под ослепительным небом! От одного взгляда на нее пересыхает в горле. И лишь одна-единственная полоса зелени дерзко пересекает желтую беспредельность. Это долина Нила, где природа сосредоточила все щедроты плодородия среди мертвого мира, без травы и без цветов. На этих тесных берегах живет почти весь народ Египта. То, что видишь глазом с пирамиды Хеопса, подкрепляет статистика: девяносто семь процентов населения живет на трех с половиной процентах территории, то есть на берегах Нила.

— Когда предводитель арабов Амир-ибн-аль-Аса завоевал Египет,— сказал устаз Омар,— он писал в своем донесении: «Там лежит пустыня, с обеих сторон она поднимается, а между высотами лежит страна чудес... Таков Египет!.. Но все его богатства происходят от благословенной реки, которая медленно течет по стране с достоинством халифа».

Земля, вода и люди

Нильская долина — одна из самых густонаселенных областей земного шара. По последним сведениям, опубликованным два месяца назад в «Иджипшен газетт», на каждом квадратном километре здесь живут восемьсот тридцать человек. Не только живут, но и кормятся с этой же земли, ибо Египетский район ОАР — страна сельскохозяйственная, где подавляющее большинство населения занято земледелием.

Статистика говорит, что за пятьдесят лет нынешнего века население Египта выросло вдвое, а площадь пахотной земли почти не увеличилась. Это значит, что на доходы с одного крохотного клочка земли раньше жил один человек, а теперь вынуждены существовать двое.

Когда в Египте было свергнуто колониальное господство, пахотной земли оказалось меньше, чем во времена фараонов. И это при нынешнем развитии ирригационной техники!

Однажды в дельте Нила мне показали земельный участок, который арендовала египетская семья: полоску пашни шириной не более полуметра. На этой одной грядке работали феллах, его жена и четверо детей. Они трудились от восхода до захода солнца круглый год, ибо коран не обязывает феллаха к еженедельному отдыху. На этом клочке земли крестьянин получал три урожая в год, но этого все равно не хватало на то, чтоб обеспечить полуголодное существование семьи. Феллах мечтал. Он мечтал о том, чтоб иметь... две такие грядки.

Надежда народа

Недавно в Хелуане, неподалеку от Каира, пущен металлургический завод. Пуск первого предприятия тяжелой промышленности превратился в большой праздник страны, которая стала на путь самостоятельного развития.

За последние годы в Египетском районе Объединенной Арабской Республики стала осуществляться пятилетняя программа индустриализации и подъема сельского хозяйства. Планы развития национальной экономики теснейшим образом связаны с использованием ресурсов Нила. Он должен дать воду для орошения пустынных ныне земель и дешевую электроэнергию для растущей промышленности, ибо в Объединенной Арабской Республике мало угля и нефти.

Министр сельского хозяйства Объединенной Арабской Республики Сайед Марей рассказывал мне в Каире о земельной реформе. Часть крестьян получила наделы земли, реквизированной у крупных феодалов. Организация кооперативов, внедрение высококачественных семян и лучшей агротехники, государственные кредиты — все это улучшило положение феллахов, привело к заметному прогрессу на селе.

— Однако разрешение всех проблем египетской деревни,— говорил министр,— неразрывно связано с общим развитием национальных ресурсов. Сооружение Высотной плотины на Ниле, близ Ассуана, даст электроэнергию промышленности и позволит дополнительно орошать два миллиона федданов земли. Это очень большая цифра, если учесть, что сейчас у нас всего шесть миллионов федданов плодородной земли. Вот почему Высотная плотина стала надеждой всей нации...

Высотная плотина

Вместе с инженером проекта Большой дамбы Тавфиком Шемути мы стоим на гребне старой Ассуанской плотины. Вдали виден Ассуан — живописный оазис, рассыпавшийся меж черных гранитных скал на стыке трех великих пустынь — Нубийской, Аравийской и Ливийской. В бездонном синем небе здесь можно годами не увидеть ни облачка; как говорят метеорологи, «осадки практически равны нулю». Солнце тут жестокое и расточительное.

Слева от нас тихая, ровная вода, у самого гребня плотины; а справа она далеко внизу бурлит и клокочет среди нагромождения отполированных камней, и в туче мелких брызг горит радуга. Плотина слегка дрожит от могучих ударов низвергающегося через водосброс потока.

Тавфик Шемути все время поглядывает на ослепительную гладь водохранилища: запаздывает моторный баркас, на котором мы сейчас отправимся вверх по реке, туда, где в шести с половиной километрах от старой будет возведена новая, Высотная ассуанская плотина, уже ставшая столь знаменитой. А пока инженер рассказывает мне о старой.

Она была возведена в 1902 году и затем дважды надстраивалась. Сейчас ее высота — около 40 метров. Это пока крупнейшее гидротехническое сооружение в бассейне Нила. Путь реке в Египте преграждает еще шесть больших бетонных плотин и несколько временных. Их задача — направлять воду в магистральные оросительные каналы. В итоге там, где Нил распадается на два рукава, Розеттский и Дамиеттский, одна из величайших в мире рек полгода вообще не течет в море, а вся разбирается на орошение.

Ассуанская плотина имеет особую задачу. Она накапливает воду во время паводка и хранит ее впрок. Когда наступает меженный период, когда река мелеет, а посевы все равно требуют полива, на плотине приподымают металлические щиты и подливают в реку припасенную воду, поддерживая уровень, необходимый для орошения. Иногда приходится сохранять часть запасов и на тот случай, если в следующем году паводок окажется слишком мал или очень запоздает, чтоб хоть кое-как поддержать увядающие нивы и спасти людей от неминуемого разорения. Эту же задачу будет выполнять и новая, Высотная плотина, только запасы влаги будут во много раз больше.

Инженер говорит о том, какая тревога царит в ирригационном управлении, когда затягивается сухой период. И какую бурную радость вызывают телеграммы с верховьев реки, что вода прибывает и есть надежда, что этот подъем удержится!

Пески у плотины подступают вплотную к скалистым берегам, и по ним проложены трубы водопровода к поселку строителей. Из неплотно пригнанного стыка труб струился крошечный фонтанчик. И на этом месте (величиной с ладонь), куда падала вода, зеленела веселая трава и какой-то розовый цветок.

— Вот что делает вода в пустыне! — сказал инженер и погладил травку.

Вскоре фыркающий моторный баркас уже вез нас вверх, мимо затопленного водохранилищем храма Изиды, гранитные пилоны которого едва виднелись над шелковистой водной гладью. Тавфик Шемути взял мой блокнот и нарисовал в нем схему будущего гидроузла. Будет сооружена гигантская плотина высотой в 111 метров и длиной в 5 километров. Ширина ее у основания составит 1 275 метров. По своему объему новая плотина будет равна 17 пирамидам Хеопса. Плотина перекроет Нил и создаст водохранилище в 130 миллиардов кубометров.

— Работы начнутся,— говорит инженер,— с проходки семи туннелей в горах правого берега. Каждый туннель высотой в четырехэтажный дом и длиной более двух километров. По ним отведут нильские воды на время сооружения плотины. В скалах левого берега пробьют еще четыре таких же туннеля. Они будут питать шестнадцать турбин подземной электростанции мощностью в 120 тысяч лошадиных сил каждая. Станция даст 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Это в десять раз больше того, что производит весь Египет сегодня.

На берегу высокие скалы громоздились над головой. Это знаменитый ассуанский гранит, из которого фараоны приказывали высекать свои исполинские статуи весом до тысячи тонн. Широкие белые линии пересекали скалы в разных направлениях, составляя огромный чертеж в натуральную величину.

— В этих горах,— поясняет Тавфик Шемути, — там, где белые линии, будут пробиты первые туннели.

На реке стояло на якорях несколько спаренных барж с буровыми установками. Геологи исследовали дно.

— Породы здесь очень крепкие,— сказал молодой инженер Саад Азиз, когда мы причалили к одной из барж.— Плотина будет стоять на прочном основании, но бурить очень трудно. Более метра в сутки пройти не можем.

Мы пристали к берегу и поднялись на высокий утес. Внизу между высоких и крутых гранитных берегов царственно лежал великий Нил. Инженер вскинул руку, как бы преграждая ею течение, и сказал:

— Вот здесь и будет Высотная плотина!

— Когда начнутся генеральные работы?

— Тотчас, как только будут урегулированы финансовые проблемы.

Бомбы и доллары

«Урегулирование финансовых проблем», о котором упомянул инженер, имеет свою поучительную историю. Прежде, чем начать подготовительные работы, египтяне получили заверение английского и американского правительств, что они получат заем для этой стройки.

В Каир прилетел президент Международного банка реконструкции Юджин Блэк и предложил заем в 200 миллионов долларов для осуществления первой очереди ассуанской стройки; банк этот только по вывеске международный: заправляют в нем американские финансовые магнаты.

Возвращаясь в Вашингтон, мистер Блэк вез в своем портфеле два проекта соглашения о займе — египетский и американский. Египетский проект содержал обычные пункты о сроках платежей, процентах и т. д. Американский был много обширнее. Если перевести на обычный язык замысловатые дипломатические формулировки этого «соглашения», то они означали: в обмен на заем египетское правительство должно было отказаться от независимой внешней политики, вступить в агрессивный средневосточный пакт, что дало бы право США и Англии вводить в долину Нила войска и создавать здесь военные базы; американским проектом накладывались ограничения на торговлю Египта со странами Восточной Европы; специальный параграф давал право американским экспертам «периодически производить обследование финансового и экономического положения Египта, в особенности перед выдачей очередной части займа», — иными словами, осуществлять полный контроль над экономикой страны. Все эти наглые колонизаторские требования объединялись гуттаперчевым понятием «необходимые гарантии». Принять эти условия означало для Египта продать за заем в 200 миллионов долларов свою национальную независимость.

Долго тянулись переговоры в Каире, Лондоне и Вашингтоне. Империалисты торговались, шантажировали, организовывали экономическую блокаду страны, аннулировали контракты на хлопок. Но Египет не захотел снова стать вотчиной колонизаторов.

19 июля 1956 года государственный секретарь Соединенных Штатов Даллес вызвал к себе египетского посла в Вашингтоне. Не приглашая сесть, он сухо заявил ему, что, поскольку Египет не соглашается дать «необходимые гарантии», правительство США будет рекомендовать Международному банку не предоставлять кредита для строительства Высотной плотины, и дал понять, что беседа окончена. Посол успел лишь спросить, окончательное ли это решение. Даллес ответил: «Да».

В тот же день и час такое же заявление получил египетский посол в Лондоне.

Буря негодования прокатилась по всему Египту. Своим обдуманным ударом колонизаторы рассчитывали убить самую надежду египетского народа на лучшее будущее, поставить его на колени.

Через неделю, 26 июля, в день четвертой годовщины Национальной революции, несметное число народа собралось на площади перед зданием хлопковой биржи в Александрии. На балконе появился президент Насер. Он говорил о борьбе египтян за независимость, о перспективах развития национальной экономики, о злых кознях империалистов.

— Из года в год компания Суэцкого канала воровала у нас миллионы и миллионы египетских фунтов,— сказал президент.— Эти средства принадлежат нам. Мы употребим их, чтоб построить Асуанскую плотину.

Обширная площадь гремела от криков и рукоплесканий. На следующий день был опубликован декрет о национализации компании Суэцкого канала, по праву принадлежащего египетскому народу.

Еще у всех свежи в памяти грозные события, последовавшие за этим и поставившие мир на грань катастрофы. Обезумевшие колонизаторы напали на Египет, развязали позорнейшую и кровавую интервенцию. Можно ли забыть руины Порт-Саида, кровь женщин, детей?!

2 ноября воздушные тревоги в Каире почти не прекращались. Одна из них застала нас с индийским журналистом Сингхом на набережной. Мы укрылись в подворотне какого-то дома. Здесь на стене висел пестрый плакат, изображавший Нил, плотину и зеленые грядки в пустыне. Надпись гласила: «Высотная плотина принесет нам процветание». Низко над улицей проносились реактивные самолеты интервентов, и дом дрожал от их неистового рева. Время от времени они пускали очередь из своих скорострельных пушек. Торопливо лаяли зенитки. Внезапно над самыми крышами на мгновение показался купол парашюта — выпрыгнул летчик. Не обращая внимания на осколки зенитных снарядов и обстрел, все, кто был на улице, кинулись туда. Самолет, пролетев еще немного, упал за железнодорожным мостом через Нил, и к небу поднялось большое облако белого дыма.

Сингх задумчиво посмотрел на плакат и сказал:

— Вот к чему может привести желание людей построить плотину на своей земле.

Где-то глухо ухали бомбы...

Крона и корни

«Египет — дар Нила»,— говорил две тысячи лет назад Геродот, подчеркивая всеобъемлющее значение реки для жизни народа.

«Нил похож на огромное дерево, корни которого в Судане, а плоды в дельте», — говорят в наши дни английские колонизаторы. Это значит, что тот, у кого в руках «корни» — истоки Нила, — может диктовать свою волю Египту. Не случайно во время суэцкой интервенции некоторые наиболее воинственные деятели в Англии призывали перекрыть Нил в Судане и поставить египтян на колени, лишив их воды.

Потерпев поражение в дельте, империалисты принялись за «корни». Используя свое еще пока сохранившееся влияние в некоторых странах Нильского бассейна, они стремятся захватить в свои руки контроль над водами великой реки, вызвать раздоры между африканскими странами. Одна за другой прибывают военные миссии США, возглавляемые адмиралами и генералами, в Эфиопию. Все они устремляются к озеру Тана, где берет начало Голубой Нил, который дает большую часть паводковых вод от дождей, падающих на Абиссинское нагорье. В деятельности этих военно-разведывательных партий весьма трудно узреть заботу об экономическом развитии страны.

Специальную поездку по странам Нильского бассейна совершил вице-президент США Никсон, широко рекламируя американскую «помощь» и пресловутую доктрину Даллеса—Эйзенхауэра. Мне довелось быть в Хартуме, когда туда прибыл вице-президент.

Накануне в газетах было опубликовано предупреждение правительства премьера Халиля жите-

лям столицы, что в случае враждебных по отношению к гостю манифестаций полиции дано указание принимать самые суровые меры.

Сначала на аэродроме приземлился самолет, из которого высыпало множество американских журналистов и фотографов. Среди них было несколько негров. Кивая на них, редактор хартумской газеты, стоявший рядом со мной, сказал:

— Специально возит с собой, чтобы изобразить «равноправие» черных. Но мы-то знаем, что такое сегрегация в Штатах!

Из другого самолета вышел Никсон с женой. Он долго держал за руку премьера Халиля и ослепительно улыбался, глядя в объективы фотокамер. Затем спросил, обращаясь к фотокорреспондентам:

— Вы уже готовы, джентльмены?

Кто-то крикнул, что еще нет, и вице-президент снова взял премьера за руку. Он демонстрировал «бескорыстную дружбу» с африканскими народами. Но его путешествие в Судан, несмотря на старания тогдашнего правительства, не оказалось столь же улыбчивым, как его лицо на фотографиях. Правда, стекла автомобиля Никсона здесь не были разбиты камнями, как в Латинской Америке, но уже на пути с аэродрома ему пришлось услышать враждебные выкрики и требования убраться восвояси.

В тот же день мы с одним хартумским учителем стояли на берегу Голубого Нила. Я сделал несколько снимков. Мимо проплывала большая барка, на ней было человек двадцать, и все они стали что-то громко кричать в мою сторону.

Учитель рассмеялся:

— Вас приняли за прибывшего с вице-президентом американца. Люди кричат: «Убирайтесь домой вместе с вашим Никсоном!»

Торжественный отъезд вице-президента был назначен на 10 часов утра следующего дня. Когда члены дипломатического корпуса и правительства брились и, проклиная дьявольскую жару, надевали крахмальные воротнички, торопясь на проводы высокого гостя, выяснилось, что Никсон тайком улетел уже два часа назад. А прибыв в Рим, он еще на аэродроме сделал раздраженное заявление о «кознях коммунистов» в Африке.

Вскоре после этого визита в хартумской газете «Ас-Сырах» появилась статья о том, что несколько членов парламента (они были поименованы) выступили за принятие доктрины Даллеса — Эйзенхауэра. Возмущенные депутаты подали на газету в суд, требуя привлечь редактора к ответственности за клевету.

Геологи бурят дно в районе стройки. Справа: инженер Тавфик Шемути.

Река дружбы или раздоров!

В городе Асьюте в Верхнем Египте директор школы второй ступени показал мне скульптурные работы своих учеников. 13-летний сын феллаха Мухаммед Рифаи вылепил две обнявшиеся фигуры — суданца и египтянина,— а между ними аллегорически изображен Нил. Скульптура называлась «Египтяне и суданцы — братья».

Сами географические условия, зависимость от одной и той же реки диктуют Судану и Египетскому району ОАР необходимость тесного сотрудничества. Эту истину, ясную для малолетнего сына феллаха, пытаются затуманить некоторые западные государственные мужи, живущие весьма далеко от Нильского бассейна.

В связи со строительством Высотной асуанской плотины в западной печати поднялась большая шумиха о «распределении вод Нила».

Высотная плотина создается у границ Египетского района и Судана. Вода в реке поднимется также на суданской территории и затопит несколько прибрежных населенных пунктов. Египетский район ОАР предоставляет соответствующую компенсацию; кроме того, наличие столь большого резервуара влаги улучшит ирригацию в этом районе. Однако прежнее суданское правительство Ибрагима Халиля под давлением империалистических держав долгое время тормозило достижение соглашения по этому вопросу.

В центре суданской хлопководческой провинции Гезира, городе Вад-Медани, мне довелось быть гостем в доме юриста и популярного общественного деятеля Ахмета Хейра. В то время он работал над книгой «Земля и вода в Судане». Когда зашла речь о проблеме вод Нила, Хейр сказал:

— Эта проблема не двигается только потому, что руководители стран, вовсе не омываемых водами Нила, хотят решить ее в своих эгоистических интересах. Они создают искусственные препятствия в этом вопросе...

Недавно в Судане произошел переворот, свергнувший правительство Халиля. Стало известно, что Ахмет Хейр возглавил министерство иностранных дел.

В столице, стоящей не на Ниле, а на Темзе, выступил в парламенте государственный министр по иностранным делам Ормсби-Гор. Он объявил, что Англия... должна участвовать в любых переговорах об использовании вод Нила. На следующий день в Хартуме правительство официально объявило, что оно не допустит участия англичан в переговорах между Суданом и ОАР о проблемах нильских вод.

От чистого сердца

В Порт-Саиде еще дымились развалины, английские танки стояли за колючей проволокой среди кабинок пляжа, в порту грузились на суда войска оккупантов, принужденные покинуть египетскую землю. Группу советских журналистов окружили жители истерзанного города. Отовсюду тянулись руки, слышались сердечные слова благодарности. Мне запомнился пожилой араб с глубокими, печальными глазами. Он держал на руках маленькую девочку — свою дочь, единственную оставшуюся в живых из его многочисленного семейства. Он сказал прерывающимся от волнения голосом:

— Мы никогда не забудем вашу помощь, люди России, в эти тяжелые дни! Теперь все видят, кто наши настоящие друзья, кто хочет нам добра. Друг, друг, друг!.. — твердил он и протягивал для приветствия дочкину руку.

Эти слова повторяют миллионы арабов. Поэтому, когда после интервенции снова стал вопрос о помощи в строительстве Высотной плотины, египтяне обратили взоры к своему верному и бескорыстному другу — советскому народу.

20 октября 1958 года в Москву прилетел вице-президент Объединенной Арабской Республики маршал Амер для переговоров. А уже через месяц первая группа советских специалистов побывала в Асуане, в районе будущей стройки. Советский Союз согласился участвовать в сооружении первой очереди этого гигантского гидроузла. СССР предоставляет для этой цели необходимое оборудование, специалистов и заем на сумму 400 миллионов рублей.

Это дружеская помощь от чистого сердца и искреннее желание способствовать улучшению жизни народа.

Строительство будет вестись совместно, под техническим руководством советских специалистов. Большой опыт наших гидротехников станет достоянием национальных кадров ОАР, станет школой для арабских инженеров и мастеров. Советский Союз предоставляет заем на самых льготных условиях, он не становится совладельцем сооружения, не участвует в получении дохода с него. В этом коренное отличие бескорыстной помощи нашего народа от «помощи» капиталистических стран, стремящихся захватить ключевые позиции в экономике слаборазвитых стран для наживы.

«Совместное участие Советского Союза и Объединенной Арабской Республики в этой великой стройке представляет собой наглядный пример претворения в жизнь принципов мирного сосуществования и бескорыстного равноправного сотрудничества суверенных государств»,— писал Н. С. Хрущев в своем послании президенту Насеру в связи с подписанием соглашения об асуанской стройке.

Исконная мечта арабов, живущих на берегах Нила, стала претворяться в жизнь. Но и сейчас империалисты еще не оставили надежд подчинить себе экономику Объединенной Арабской Республики и принудить ее отказаться от проведения независимой национальной политики.

Недавно в американской печати появились сообщения, что США еще надеются участвовать в сооружении Асуанской плотины. По мнению вашингтонских экспертов, пишет газета «Нью-Йорк таймс», существует возможность участия в строительстве Высотной плотины. При этом газета намекает, что Америка, мол, может предоставить бо́льшую «помощь», нежели СССР. А назначение нового посла ОАР в Вашингтон газета расценивает как благоприятный для этого знак.

До последних дней сидела на чемоданах западногерманская правительственная делегация, ожидая возможности отправиться в Каир для переговоров об участии в асуанской стройке. «...Федеральное правительство,— писала газета «Ди Вельт»,— рассматривает предоставленную им поддержку для экономического развития Арабской республики прежде всего с политической точки зрения».

«Политические условия» — это старая песня колониалистов, хорошо известная арабским народам. Поэтому боннской делегации пришлось распаковать приготовленные чемоданы. Тяжелые уроки истории еще очень свежи в памяти арабов.

На днях в Каире побывал глава итальянского правительства Фанфани. Капиталистическая печать объявила, что он должен «вернуть Египет Западу». Отвечая на вопросы журналистов, Фанфани сказал, что Италия и Западная Германия проявляют повышенный интерес к Высотной асуанской плотине. Ведущая газета ОАР «Аль-Ахрам» ответила на это так: «Мы не хотим становиться орудием в холодной войне... Строительство Высотной плотины представляет для нас вопрос жизни, а не вопрос политики».

...Через шесть с половиной тысяч километров несет свои могучие воды великая африканская река. С ней связывают свои большие надежды народы пробудившегося континента, надежды на светлое будущее, к которому они идут, преодолевая козни колонизаторов.

Павел Петрович

Владимир ПОЛЯКОВ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Павел Петрович схватился за сердце: что-то кольнуло. Захватило дыхание. Он упал в кресло и вскрикнул: «О!..»

«О» — это означало: Оля; «ля» он не смог сказать.

В комнату вбежала жена Павла Петровича, Ольга Ильинична.

— Что с тобой, Павлуша?

— Сердце...

Пришел доктор. Заставил пациента раздеться, долго его выслушивал, выстукивал, потом опять выслушивал, потом закурил папиросу и сказал:

— Курить вам нельзя категорически. Ходить много не следует. Годы, дорогой, годы, они сказываются. Не надо забывать, что вам пятьдесят восемь. Это два раза по двадцать пять и плюс еще восемь. Цифрочка! В ваши годы, голубчик, на пенсию выходить надо.

— А если потихоньку работать? — робко спросил Павел Петрович.

— С вашим характером разве это возможно? Ведь ежели комунибудь рассказать, что вы в ваши годы делаете сальто, ездите верхом и лазите на трапецию, никто не поверит. Так нельзя.

— Как же быть? Я ведь новый номер задумал... грандиознейшее антре! — заволновался Павел Петрович. — В финале у меня даже лев появляется. Два месяца репетирую. А какой выход! Куплеты!.. Один рефрен чего стоит:

Не играет возраст роли,
Только я играю роль.

— Играет, оказывается, — сказал доктор. — Помните «Человека-фонтана»? Он покинул арену сорока девяти лет. А дрессировщик слонов Никифор Зюзин умер на манеже, когда ему было пятьдесят два.

— Но ведь на него наступил слон...

— До пятидесяти двух он на него почему-то не наступал. Надо беречь здоровье. Понимаете? Я вам сейчас выпишу капельки, пару порошочков, а остальное зависит от вас. Отдых и пенсия — вот лучшие лекарства. Других пока медицина не выдумала.

Вот что сказал, уходя, доктор. А за окном лучилось солнце, «зайчики» скакали по стеклу, дразня Павла Петровича, брызгая золотом ему в глаза. Хотелось выскочить без пальто на улицу, побежать в цирк, уткнуться лицом в опилки манежа и плакать...

Павел Петрович прилег на диван. Глаза его остановились на яркой афише. Это была его первая афиша — Нижегородский цирк.

Он смотрел на афишу, и перед ним проходила его жизнь.

Вот он униформист. Граблями ровняет опилки на арене, расстилает ковер партерным акробатам, крепит штейнтрап под куполом, выходит в торжественном марше и гордо застывает у форганга... Ассистент дрессировщика водит на цепочке медведя. Зазевался, выпустил из руки цепочку — медведь пошел по рядам, обращая в бегство публику. Выговор в приказе... Первое выступление в клоунаде. Волнение и провал. Клоун исполняет свои шутки, никто не смеется. В цирке тишина, как в пустыне. Он плакал, не сняв грима, на конюшне, и лошади смотрели на него с сочувствием.

И вновь премьера. На нем широченные оранжевые брюки, зеленый пиджак, на голове соломенное канотье с незабудкой. Тросточка, большие галоши, огненный парик. Оркестр играет вступление. Рот искажается в какой-то судорожной гримасе вместо улыбки.

На манеже прожекторы слепят глаза.

— Анюта! Я тута! — кричит клоун, посылая воздушный поцелуй галерке, и падает, споткнувшись о пылинку.

Цирк хохочет. Это вливает бодрость.

Клоун достает пилу и играет на ней «Сердце красавицы». На пиджаке у него зажигается алое сердце. В ажиотаже, переживая арию, он ломает пилу, достает бинокль, рассматривает девушку, сидящую в первом ряду, и играет на бинокле, как на окарине: «О, дай мне забвенье, родная». Девушка смущается и уходит. Цирк грохочет аплодисментами...

Годы и номера. Номера и годы...

— Павлуша! — В комнату вошла жена. — Как ты себя чувствуешь?

— Плохо, Олечка.

— А я из управления. Двадцать второго состоится в цирке твой прощальный вечер...

Пришел этот день. На здании цирка — огромный плакат, с которого улыбается во весь рот клоун. «Прощальное выступление солоклоуна Павла Петровича. Большая цирковая программа. Проводы и чествование».

Взлетела чайкой палочка дирижера, и всплеск оркестра, казалось, качнул лампы над покрытой малиновым ковром ареной. Гордые и торжественные, застыли голубые униформисты у форганга, и под звуки марша Дунаевского двинулся вдоль барьера парад. Маршировали акробатки, сверкая многоцветными костюмами; расплываясь в улыбках, шли клоуны в париках всех цветов радуги; блестя загорелыми телами, неся с собой запах моря и торжество силы, шагали атлеты. Дрессировщики вели на поводах африканских львов, амурских тигров, индийских слонов, австралийских эму, независимых, презрительно поглядывающих на партер верблюдов, мокрых, сияющих, как новые галоши, морских львов и множество самых различных собак.

Замыкали шествие директор и главный режиссер цирка в черных костюмах, с пронзительно белыми галстуками.

Инспектор манежа, появившись на балконе оркестра, громовым голосом объявил:

— Павел Петрович!

Униформисты выкинули парчовую дорожку. По ней вышел на манеж Павел Петрович в своем клоунском костюме.

Оркестр грянул туш. Все зааплодировали. Павел Петрович хотел посмотреть на публику и не смог: слезы застилали глаза.

Его усадили в кресло. Прозвучал гонг, и на манеж начали выходить деятели искусства, приветствующие и провожающие Павла Петровича. Знаменитый тенор выехал на слоне в чалме. Сойдя на манеж, он спел арию Индийского гостя из оперы «Садко». Известную танцовщицу доставил верблюд. Спустившись на ковер, она исполнила узбекский танец под аккомпанемент бубнов. Прославленная балерина вышла из пустого волшебного шкафа, до которого коснулся тростью фокусник. А под куполом на трапеции в костюме акробата появился киноактер.

— Слово имеет Павел Петрович! — сказал главный режиссер и полез в карман за платком.

— Маэстро, прошу! — воскликнул Павел Петрович. — Товарищ ассистент! Дайте мне палочку, чтобы идти на пенсию!

И клоун-ассистент принес толстенную бамбуковую палицу-трость.

Все засмеялись.

— Кто смеется над пенсионерами? — сурово воскликнул Павел Петрович. — Где мой закадычный приятель? Я хочу с ним попрощаться.

И на манеж вышел лев.

— Попрощаемся, Левушка, — сказал Павел Петрович.

И лев протянул ему лапу.

— Смотри только, чтобы я после твоего пожатия лапы не протянул, — пошутил Павел Петрович.

Лев отрицательно покачал головой.

Цирк зааплодировал. Ассистент увел льва в клетку. А на арену выехал смешной фанерный грузовик. Павел Петрович достал из него трубу, гитару, барабан, скрипку, тарелки, саксофон, два крохотных рояля, тромбон и арфу.

— Я долго боролся за сокращение штатов и добился того, что оставил в оркестре только одного музыканта, — сказал он.

И, меняя молниеносно инструменты, начал играть. А потом запел свои куплеты:

Молодые наши годы
Нам даны ведь не на век.
Утекают, словно воды,
И стареет человек.

Я от этой грустной доли
Не испытываю боль.
Не играет возраст роли,
Только я играю роль.

Цирк взорвался аплодисментами. Зрители вскочили с мест и кричали:

— Браво, Павел Петрович!

И тогда Павел Петрович сделал флик-фляк, потом сальто, потом обратное сальто, потом поднял руки и закричал:

— Я здоров! У меня отличное сердце! Я чувствую силу! Я еще не стар, честное слово! Ваши аплодисменты, любовь, внимание, ваша ласка и признание — это лучшее лекарство в мире! Так как же я могу уйти с этого манежа?! Как я могу бросить вас!.. Был бы я, а пенсия будет. А пока работать! Работать! Не смотрите на меня так, доктор Самсонов. Вон он сидит в ложе. Моя публика — мой лучший доктор! Уважение и любовь — лучшие лекарства! Внимание и чуткость — лучший способ продления жизни! Правильно я говорю?

И все артисты, стоявшие у форганга, сидящие на барьере манежа, заполнившие ложи цирка, крикнули:

— Да!

— Так за жизнь и труд! За счастье и радость! За веселье и смех! Маэстро, туш! — крикнул Павел Петрович.

И грянул оркестр. А Павел Петрович достал из кармана пиджака большое алое сердце и, подняв его над головой, сказал:

— Оно будет еще работать. Оно неплохо сделано.

...Гастроли Павла Петровича продлены.

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

Зимой на речном и озерном льду встречаются люди всех возрастов и профессий. Почему? Ответим словами Пушкина: «Здоровью моему полезен русский холод». Очень метко про рыболовов сказано!

Вот рыболов только что приступил к настройке снасти. Снасть очень простая. Коротенькое удилище, тонкая леса-сатурн, а к лесе привязана небольшая металлическая пластинка — блесна, вооруженная крючком. Рыболов опускает блесну в лунку. Через прозрачный, словно хрусталь, лед хорошо видно, как блесна заиграла в воде, будто живая рыбешка. Такая «аппетитная» приманка может соблазнить зубастого хищника. А человек будто балуется прутиком: то взмахнет удилищем вверх, то опустит его кончик почти до самой лунки. Баловался-баловался — и вдруг на льду прыгает окунь... Таково блеснение — один из увлекательнейших методов рыбалки.

Любитель ловли на мормышку — человек «оседлый». Одет он гораздо теплее и снаряжен, помимо специального инвентаря, ящиком, на котором и восседает. Мормышка — снасть чисто русского происхождения. Она почти нигде за пределами нашей страны не встречается. В зернышко из свинца, размером с овсяное или ячменное, впаян маленький крючок. Рыболов нанизывает на него червячков-мотылей (личинок комара) и не спускает глаз с лунки, подергивая удилищем.

Есть рыболовы, которые и зимой не изменяют милому их сердцу поплавку. У них те же летние удочки, только удилища короткие. Называется эта снасть кобылкой: толстая рукоятка удилища по форме напоминает игрушечную лошадку.

Любопытнейший вид ловли, которым пользуются сравнительно немногие,— жерличка, или ловля на флажки. Он привлекает тех охотников, которые жаждут схватки с крупной рыбой. Само собой разумеется, снасть должна быть весьма прочной, начиная от лески и кончая крючком. Рыболов «заряжает» несколько жерличек и потом стоит в центре, посматривая на флажки, которые крепятся на прутиках-палочках. Наживку (живец) лучше всего опускать не на самое дно, а примерно на полметра от дна.

Не без волнения рыболов следит за флажками. Он отлично знает: на живца если уж клюнет, так клюнет. На ледяном поле то там, то здесь трепещут разноцветные флажки.

С. МИНАЕВ

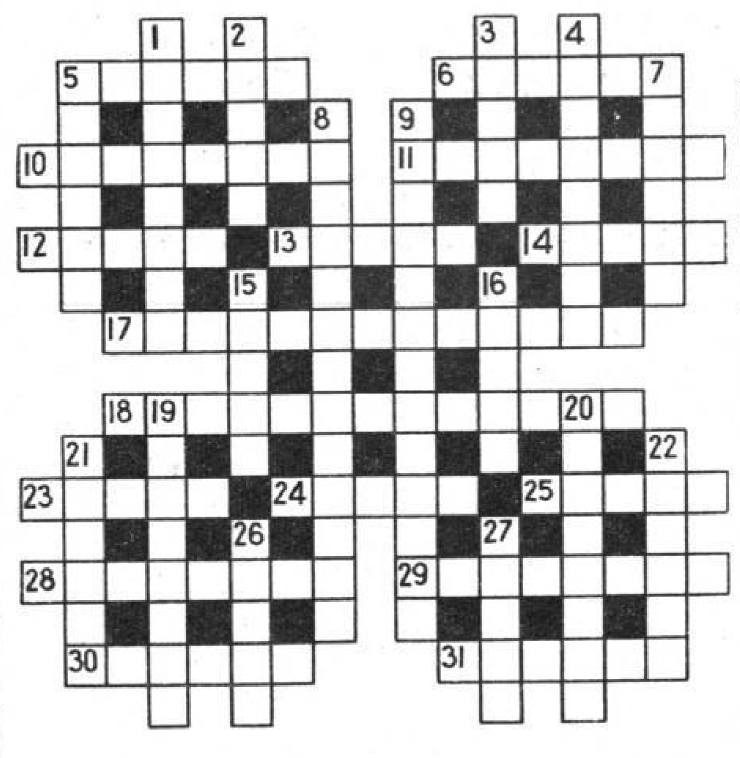
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Один из древнейших памятников китайской литературы. 6. Всеядная птица. 10. Круг небесной сферы, проходящий через зенит. 11. Литературный сборник. 12. Старинный музыкальный инструмент. 13. Химическое соединение. 14. Произведение Мопассана. 17. Толкование, объяснение. 18. Рассказ о событиях. 23. Разновидность каменного угля. 24. Наполеоновский маршал. 25. Работа на корабле всей команды. 28. Кондитерское изделие. 29. Тип учебного заведения. 30. Желтовато-зеленый минерал. 31. Род войск.

По вертикали:

1. Газ, применяемый в сварке металлов. 2. Равнина на острове Хонсю. 3. Метательный снаряд. 4. Картина В. М. Васнецова. 5. Скандинавское государство. 7. Представительница кавказской народности. 8. Класс позвоночных животных. 9. Всестороннее рассмотрение, изучение. 15. Режущий инструмент. 16. Приток Иртыша. 19. Крупное музыкальное произведение. 20. Прибор для превращения кругообразного движения в прямолинейное. 21. Передвижной цирк. 22. Крупнейшая в мире пустыня. 26. Мера аптекарского веса. 27. Кусок ткани.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 3

По горизонтали:

1. «Школа». 4. Одуванчик. 6. Метагалактика. 9. Блокнот. 11. Потомак. 14. Краснодон. 16. Индау. 17. Ижора. 18. Гончар. 19. Бицепс. 20. Гирло. 22. «Тоска». 23. Крапивник. 25. Тенорит. 26. Кальций. 27. Консерватория. 30. Анималист. 31. «Варяг».

По вертикали:

2. Ковка. 3. Лента. 4. Оттенок. 5. Криптон. 6. Многоугольник. 7. Лощина. 8. Администрация. 9. Бандурист. 10. Трагакант. 11. Подшипник. 12. Котовский. 13. Динго. 15. Камал. 21. Шишков. 23. Коринка. 24. Колорит. 28. Рампа. 29. Аллея.

Марки нарисованы детьми

В Чехословакии выпущена серия марок, нарисованных детьми. Двум художникам марок — победителям конкурса — по 9 лет. Марки посвящены дружбе детей всех стран и народов. На них изображены: встреча детей, мать с ребенком и юный лыжник.

ВРЕМЕНА ГОДА

ЗИМА

Летят белые мухи. На стеклах цветут ледяные пальмы. Выпал снег, и вся природа, как по волшебству, просветлела и просияла. «И вот уже трещат морозы». Зима...

Не так давно самым холодным местом на земле считали район Оймякона в Якутии, где была зарегистрирована температура минус 71 градус. Как показали наблюдения в Антарктике, на станциях «Восток» и «Советская» обычны еще более низкие температуры, а самый свирепый мороз переваливает за 87 градусов. При этом лед становится столь твердым, что его не берет пила, а керосин замерзает, превращаясь в снежную кашу. Морозы в Антарктике вдвойне суровы: при необычайно низких температурах они еще сопровождаются сильными ветрами и метелями. В Якутии же тихо и безветренно.

Зимой над территорией Сибири образуется антициклон, там скапливаются дополнительные массы тяжелого, холодного воздуха. Вес этих масс исчисляется миллиардами тонн. Летом же они рассасываются. Эти изменения в нагрузке — основная причина чуть заметного, но обнаруженного точными инструментами покачивания земного шара. Географический полюс его смещается, блуждает, меняя свое место и медленно описывая неправильную спираль.

По сравнению с очагами холода Северного и Южного полушарий зима в средней полосе России совсем благодатная. Бодрит морозный воздух, румяное солнце, как огромный колобок, низко катится над безбрежной равниной. Едва ли спортсменам, бегущим по снежной целине или по льду, приходит в голову, что еще на заре человеческой культуры были известны коньки — «ледовые кости» — и «снегоступы», «скользящие доски», «снежные башмаки» — разновидности лыж. И те и другие в древности были прежде всего охотничьим снаряжением, с помощью которого преследовали зверя.

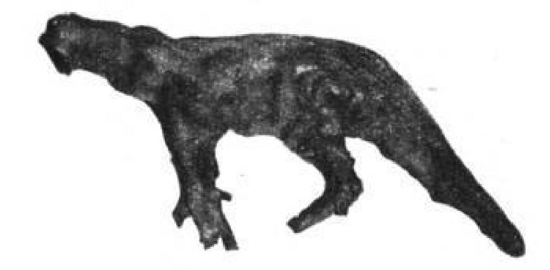
Зимой загораются созвездия, которых не увидишь летом, среди них Орион и Большой Пес. Орион легко найти по трем ярким звездам, горящим рядом, на одной линии, как сигнальные фонари, зажженные в южной стороне неба. В народе это созвездие называют граблями и кочергой, что, по-видимому, связано с окончанием полевых работ и началом отопительного сезона. Левее Ориона пылает Сириус — альфа Большого Пса, самая яркая звезда. Над белизной покрытых снегом полей Сириус блещет разноцветными огнями, как сверкающий глаз долгой зимней ночи.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Изошутка В. ЧЕРНИКОВА.

Отшлифовано волнами

Забавный корень подобрали на берегу Балтийского моря моряки. Пожалуй, отшлифованный волнами кусок дерева напоминает какого-то доисторического зверя.

Матрос Н. БАЖАНОВ

Лиепая.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00603. Подписано к печати 14/I 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 4. Заказ № 3143.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

На уроке гимнастики в 387-й школе Сокольнического района Москвы.

Фото А. Бочинина.

Цена номера 3 руб.